Н. П. Остроумовъ.

АРАВІЯ И КОРАНЪ.

(ПРОИСХОЖДЕНІЕ И ХАРАКТЕРЪ ИСЛАМА).

Опытъ историческаго изслѣдованія.

Посвящается незабвенной памяти Гордія Семеновича Саблукова и Николая Ивановича Ильминскаго.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1899.

Печатать дозволяется. Ректоръ Академіи, Епископъ **Антоній.**

201775

Отдѣльный оттискъ изъ журнала „Православный Собесѣдникъ“
за 1896—1898 годъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Воспоминанія о миссіонерскомъ отдѣленіи при Казанской духовной академіи	I—XII.
Вмѣсто предисловія	1—14.
Географическое описаніе Аравіи	14—41.
Историческія свѣдѣнія о древней Аравіи.	42—84.
Древніе обитатели Аравіи	85—122.
Домашній и общественный бытъ древнихъ арабовъ.	123—150.
Характеръ и нравы древнихъ арабовъ.	151—172.
Религіозныя вѣрованія древнихъ арабовъ	173—197.
Іудейскія и христіанскія секты, имѣвшія вліяніе на ученіе Корана	198—218.
Арабскій языкъ—языкъ Корана.	219—238.
Личность проповѣдника Корана.	239—256.

ВОСПОМИНАНІЯ

О МИССІОНЕРСКОМЪ ПРОТИВОМУСУЛЬМАНСКОМЪ ОТДѢЛЕНІИ ПРИ КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

Это отдѣленіе извѣстно мнѣ съ 1866 г. по 1870 г., какъ учившемуся, а съ 1870 г. по 1877 г., какъ учившему. Я обязанъ этому отдѣленію не только знаніями, касающимися мусульманства и инородческаго дѣла въ Россіи, но болѣе того, — любовью, привязанностію къ этому дѣлу и къ лицамъ, руководившимъ и доселѣ руководящимъ инородческимъ дѣломъ въ Казани. Николай Ивановичъ Ильминскій и Евѳимій Александровичъ Маловъ были моими наставниками, а Гордій Семеновичъ Саблуковъ руководилъ мною уже по окончаніи курса въ академіи. Этимъ тремъ лицамъ я обязанъ цѣлымъ настроеніемъ, не покидающимъ меня и доселѣ на отдаленной окраинѣ Россіи, въ Ташкентѣ. Болѣе двадцати лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я въ первый разъ встрѣтилъ означенныхъ лицъ въ роли своихъ наставниковъ, но и до сихъ поръ живо помню ихъ симпатичный образъ, голосъ, манеры, даже особенности одежды, походки и проч. Такъ сильно, неизгладимо впечатлѣніе отъ лицъ, которымъ я обязанъ

лучшимъ своимъ достояніемъ,—знаніями и душевнымъ настроеніемъ. Я и до сихъ поръ еще замѣчаю на себѣ, что, не смотря на продолжительное время и огромное разстояніе, раздѣляющее меня отъ Казани, я иногда невольно подражаю своимъ наставникамъ въ голосѣ, въ оборотахъ рѣчи и т. д..... Хотѣлось бы много, много написать о нихъ: пріятныя воспоминанія доставляютъ удовольствіе; но къ сожалѣнію, я вынужденъ быть краткимъ. Я боюсь притомъ, что не съумѣю высказать во всей силѣ своихъ задушевныхъ чувствъ и мыслей, какія вызываются у меня при воспоминаніи о томъ времени и о тѣхъ лицахъ. Но да простятъ мнѣ мои почтенные наставники, если я какъ-нибудь не такъ выражусь, или не договорю чего нибудь....

Миссіонерское противомусульманское отдѣленіе (вмѣстѣ съ противораскольническимъ и противобуддійскимъ) существовало при академіи, какъ нѣчто придаточное, не обязательное; но каждый студентъ долженъ былъ числиться на этомъ отдѣленіи, если онъ не записался на какое-нибудь изъ двухъ другихъ отдѣленій. Выборъ какого-нибудь изъ этихъ трехъ отдѣленій для большинства молодыхъ людей былъ случайнымъ: случайно попалъ и я на противомусульманское именно отдѣленіе: я сначала записался было на противораскольническое отдѣленіе, но старшій землякъ мой Ст. Аѳанасьевъ разговорилъ меня, и я переписался. Трудно вѣрится теперь, какъ 24 года назадъ я бѣжалъ отъ дѣла (Аѳанасьевъ сказалъ мнѣ, что расколомъ заниматься трудно) и попалъ на самое горячее, живое дѣло; искалъ легкаго отбыванія обязательной повинности, а очутился въ повинности далеко нелегкой и, удивительное дѣло! — усердствовалъ, особенно первые два года и послѣдній. Такой перемѣной во взглядѣ на изученіе мусульманства я обязанъ личному вліянію названныхъ наставниковъ, которыхъ я сразу какъ-то особенно полюбилъ, уважалъ и помню, что часто чувствовалъ угрызенія совѣсти, если не усердно приготовлялся къ лекціямъ. И товарищество у насъ было

хорошее: насъ такъ и звали прочіе студенты—*татарами*, что̀ указывало на предметъ нашихъ особенныхъ (не штатныхъ) занятій.

Намъ приходилось изучать татарскій и арабскій языки и обличеніе мусульманства. Татарскій и арабскій языки преподавалъ намъ Н. И. Ильминскій, а обличеніе мусульманства Е. А. Маловъ. В. Т. Тимоѳеевъ практиковалъ насъ въ разговорномъ татарскомъ языкѣ во внѣ-урочное время. Каждую недѣлю мы имѣли двѣ лекціи Н. И-ча и одну Е. А-ча В. Т-чъ ходилъ къ намъ раза три въ недѣлю.

Собрались мы въ первый разъ въ аудиторіи. Насъ было человѣкъ двадцать. Сидимъ и ждемъ Н. И. Ильминскаго, о которомъ я наслышался много, а самого его еще не видалъ. Наконецъ дверь отворилась, и къ намъ вошелъ профессоръ небольшаго роста, въ синемъ вице-мундирномъ фракѣ (Н. И. тогда дослуживалъ въ казанскомъ университетѣ и являлся къ намъ въ общей Министерства Народнаго Просвѣщенія формѣ). Какъ-то невольно я осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ, и у меня осталось съ тѣхъ поръ пріятное впечатлѣніе отъ него. Поклонился онъ намъ и, остановившись предъ партами, съ серьезнымъ задумчивымъ видомъ сталъ говорить, что намъ предстоитъ изученіе татарскаго и арабскаго языка и что впереди у насъ можетъ быть и приложеніе нашихъ знаній. Въ это время былъ въ Казани оберъ-прокуроръ Св. Синода, графъ Д. А. Толстой, который обратилъ серьезное вниманіе на положеніе крещеныхъ инородцевъ Казанскаго края и обѣщалъ свое содѣйствіе только что начинавшемуся тогда образованію крещеныхъ инородцевъ въ православномъ христіанскомъ духѣ, при условіи допущенія природнаго языка инородцевъ въ школѣ и въ церкви. Это новое движеніе въ инородческомъ дѣлѣ вызывало нужду въ руководителяхъ и исполнителяхъ, каковыми мы и могли сдѣлаться по окончаніи курса въ академіи. Тогда крещено-татарская школа, только что открытая, уже стояла крѣпко и была намъ извѣстна по слухамъ.

IV

Н. И. обратилъ наше вниманіе на значеніе христіанскаго образованія для нашихъ крещеныхъ инородцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ на несомнѣнные факты мусульманской пропаганды среди крещеныхъ инородцевъ, которые массами отдапали отъ православной церкви, ученія которой они въ большинствѣ совершенно не знали, оставаясь въ душѣ скорѣе простодушными язычниками.

Все это говорилось просто, задушевно, безъ всякихъ прикрасъ. Мы слушали его съ напряженнымъ вниманіемъ и не видѣли, какъ время прошло. Н. И. ушелъ, а мы, новички, продолжали еще чувствовать себя подъ вліяніемъ и обаяніемъ задушевной, полной вѣры и убѣжденія, рѣчи его... Н. И-чъ уже завоевалъ насъ. но мы этого еще не сознавали, а только чувствовали что-то особенное.

Не помню теперь, когда намъ пришлось видѣть и слушать другаго нашего профессора Е. А. Малова. Онъ также произвелъ на меня особенное впечатлѣніе своимъ видомъ и своею рѣчью. Онъ носилъ тогда длинную бороду и ходилъ въ длиннополомъ черномъ сюртукѣ, имѣя манеры истиннаго миссіонера-практика. Онъ съ убѣжденіемъ говорилъ объ истинности и святости дѣла, которому онъ самъ искренно служилъ и къ которому хотѣлъ готовить насъ.

Такъ мы познакомились съ двумя представителями своего отдѣленія, которые приглашали насъ къ дѣлу новому, совершенно особому по задачѣ и характеру. Они, преданные своему дѣлу, наставники наши, поддерживали въ насъ желаніе заниматься и располагали насъ своимъ примѣромъ къ инородцамъ, для христіанскаго просвѣщенія которыхъ Н. И. и Е. А. беззавѣтно трудились. Трудно вспомнить теперь, что̀ мы думали и чувствовали въ разное время по поводу занятій своихъ миссіонерскими науками, но мы часто и много говорили объ этомъ сверхдолжномъ для себя дѣлѣ.—Вотъ началъ Н. И. преподавать намъ татарскій языкъ. Преподаваніе его было въ высшей степени

просто, вразумительно и въ то же время научно и занимательно. Онъ личнымъ долголѣтнимъ опытомъ дознался, что татарскій языкъ въ формѣ книжно-мусульманской не даетъ понятія о духѣ этого языка, крещенымъ инородцамъ не доступенъ вполнѣ, не вразумителенъ и, кромѣ того, не симпатиченъ, какъ языкъ мусульманъ, враждебно настроенныхъ и враждебно дѣйствующихъ въ отношеніи христіанства. Поэтому онъ, послѣ многолѣтнихъ занятій *книжнымъ мусульманско-татарскимъ* языкомъ, рѣшительно разлюбилъ его и всѣ свои симпатіи и энергію перенесъ на народный татарскій языкъ. какимъ онъ сохранился въ чистотѣ у татаръ крещеныхъ, преимущественно въ Мамадышскомъ уѣздѣ Казанской губерніи. Съ этимъ-то языкомъ Н. И. и сталъ насъ знакомить. Преподаваніе Н. И-ча никогда не носило характера *лекцій* (lectio), а отличалось совершенно практическимъ направленіемъ. Онъ писалъ намъ на доскѣ татарскій текстъ русскими буквами и, примѣнительно къ методѣ Робертсона, объяснялъ его. Объясненія его были ясны, полны глубокаго интереса. Онъ умѣлъ входить въ самую психологію языка, объяснялъ не просто форму слова. а раскрывалъ предъ нами ту скрытую работу народнаго генія, насколько можно было путемъ глубокаго филологическаго и психологическаго анализа воспроизвести ее въ нашемъ сознаніи. И это онъ дѣлалъ съ такою неподражаемою простотою, что невольно приходилось заслушиваться его объясненій, которыя притомъ всегда были кратки, безъ лишняго многословія. Только лишь, бывало, заслушаешься его объясненія и почувствуешь себя въ пріятномъ настроеніи. которое хотѣлось бы продолжить, а онъ уже приступаетъ къ объясненію новой формы. И это было такъ своевременно, что кукъ-будто онъ точно опредѣлилъ заранѣе, сколько времени остановиться на извѣстной формѣ. Такимъ образомъ время у насъ даромъ не тратилось: мы шли впередъ постепенно, *спѣша медленно*, и успѣвали. Если

не ошибаюсь, въ 13—15 уроковъ [1]) онъ настолько познакомилъ насъ съ грамматическими формами татарскаго языка, что мы были въ состояніи приступить къ переводу книги Премудрости Іисуса сына Сирахова (Акылъ биря торганъ книгя) и читали ее въ классѣ подъ его руководствомъ. Тогда онъ заботился уже о томъ, чтобы мы втянулись въ чтеніе послѣдовательнаго книжнаго изложенія на крещено-татарскомъ языкѣ, и прочитывалъ съ нами въ классѣ довольно много. По-прежнему онъ, гдѣ находилъ нужнымъ, останавливалъ переводившаго, спрашивалъ значеніе формы, подсказывалъ значеніе неизвѣстнаго слова, поправлялъ неправильный переводъ и объяснялъ замѣчательные обороты. Все это дѣлалось просто, задушевно. Обыкновенно онъ стоялъ передъ нами и слѣдилъ за чтеніемъ и переводомъ: мы внимательно смотрѣли въ книгу, и ничѣмъ постороннимъ не развлекалось наше вниманіе. Какъ-то незамѣтно проходило время урока, не чувствовалось усталости. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ Н. И-чъ пригласилъ меня къ себѣ, чтобы особыми *вечернимъ* занятіями подвинуть меня въ языкѣ. Вечеромъ, за чаемъ, Н. И. прочиталъ со мною нѣсколько главъ. Въ тоже время, узнавъ отъ В. Т-ча, что я охотно занимаюсь татарскимъ языкомъ, Н. И-чъ предложилъ мнѣ ходить въ крещено-татарскую школу. Я воспользовался этимъ предложеніемъ и, посѣщая школу, упражнялся тамъ съ мальчиками (дѣтьми крещеныхъ татаръ) въ разговорномъ татарскомъ языкѣ. Какъ припоминаю, въ школѣ я проводилъ время очень интересно: мальчики относились ко мнѣ съ дѣтскимъ простодушіемъ, а я въ свою очередь чувствовалъ къ нимъ особенное расположеніе. Иногда мы въ школѣ сидѣли за столомъ и разговаривали, а иногда выходили на от-

---

[1]) Эти уроки были изложены имъ письменно, каждый урокъ на отдѣльномъ листѣ, которые онъ и выдавалъ намъ для повторенія и лучшаго усвоенія того, о чемъ говорилось въ аудиторіи. Мы съ особеннымъ усердіемъ списывали эти уроки.

крытое мѣсто за ограду школы и тамъ, по ямкамъ, гуляли и разговаривали. Часто мальчики приходили ко мнѣ въ академію и оставались у меня по нѣскольку часовъ. Пріятно и теперь вспомнить, какъ это мальчуганы, бѣдно одѣтые (въ зипунчикѣ и лаптяхъ), нисколько не были заняты собой и въ тоже время отлично понимали свою роль въ данномъ случаѣ: они не только отвѣчали на мои вопросы, но и сами старались руководить упражненіемъ въ разговорѣ и всегда исправляли мои ошибки. Эти мальчики ходили и къ другимъ моимъ товарищамъ. И мы всегда ихъ ласкали.

Упражненія съ мальчиками крещено-татарской школы значительно развязывали намъ языкъ и облегчали трудъ практиканта В. Тимоѳеевича, который приходилъ къ намъ послѣ двухъ часовъ и занимался съ нами часа по два, смотря по нашему желанію. Кромѣ того, онъ разсказывалъ намъ о жизни крещеныхъ татаръ и тѣмъ возбуждалъ въ насъ живой интересъ къ живому дѣлу. Мы его любили, какъ человѣка скромнаго, добродушнаго, и уважали за его плодотворную дѣятельность. Онъ часто ѣздилъ тогда по разнымъ селеніямъ крещеныхъ татаръ и, возвращаясь, разсказывалъ намъ свои впечатлѣнія.

Въ числѣ учениковъ крещено-татарской школы того времени я особенно помню Якова Малаго (Панфилова), Бориса и Ивана Рыжаго. Яковъ Малый неоднократно ѣздилъ въ крещено-татарскія селенія съ Е. А. Маловымъ и однажды записалъ въ маленькой тетрадкѣ (въ формѣ дневника), какъ они встрѣчались съ разными отступниками отъ христіанства и бесѣдовали съ ними о вѣрѣ. Эти записки, изложенныя совершенно простымъ, безыскусственнымъ, дѣтскимъ языкомъ, были очень интересны по содержанію. Н. И. Ильминскій приносилъ ихъ съ собой на уроки татарскаго языка и сдѣлалъ изъ нихъ своеобразный и занимательный предметъ упражненій нашихъ въ языкѣ: въ концѣ урока онъ читалъ намъ эту тетрадку, а мы по очереди переводили ее на русскій языкъ. Помню,

что это упражненіе насъ занимало вдвойнѣ, — и какъ упражненіе въ переводѣ, и какъ интересный матеріалъ живой бесѣды.

Всѣми означенными способами мы постепенно знакомились съ татарскимъ языкомъ и скоро достаточно освоились съ нимъ. Но алфавита арабско-мусульманскаго мы еще не знали. Н. Ивановичъ такъ и велъ преподаваніе, что мы сначала знакомились съ матеріаломъ, законами и формами татарскаго народнаго языка, а затѣмъ уже переходили къ изученію арабскаго языка, послѣ чего съ книжнымъ языкомъ татаръ-мусульманъ легче можно было освоиться, такъ какъ книжный языкъ татаръ-мусульманъ въ рукахъ грамотеевъ-мусульманъ совершенно утратилъ отличительныя особенности татарскаго языка, будучи переполненъ арабскими и персидскими словами и несвойственными татарскому языку оборотами. Послѣ краткой арабской грамматики проф. Болдырева, мы переводили, въ видѣ первоначальнаго упражненія, христоматію Арнольда, а потомъ стали переводить арабскій текстъ корана. Перевели мы 1-ю и 2-ю главы изъ корана, краткій мусульманскій катихизисъ, сост. Пиргаліемъ-Эфендіемъ, араб. грамматику „Кяфія“, богословіе Нясяфи и Шархъ-викая, изд. покойнымъ А. К. Казембекомъ.

Такимъ образомъ мы достаточно освоились съ арабскимъ языкомъ и въ тоже время съ мусульманскимъ вѣроученіемъ по подлиннымъ вѣроучительнымъ книгамъ мусульманъ. Трудно доставался намъ арабскій языкъ, приходилось подготовляться къ урокамъ (при чемъ намъ помогали студенты старшаго курса Заборовскій и Зеленецкій), но содержаніе переводимаго интересовало насъ своею новизною, часто необыкновенною своеобразностью. Неслыханныя нами до того времени мудрованія мусульманскихъ богословъ часто служили предметомъ оживленныхъ бесѣдъ вечеромъ, въ которыхъ принимали участіе и другіе студенты, не обучавшіеся мусульманству.

IX

Къ сожалѣнію, неопредѣленность будущаго положенія нашего, по выходѣ изъ академіи, охлаждала нерѣдко наше усердіе къ занятіямъ арабскимъ языкомъ. Я лично чувствовалъ это на третьемъ году своего обученія миссіонерскимъ предметамъ. Въ это время среди насъ было уже нѣсколько человѣкъ „отпадшихъ“; примѣръ дѣйствовалъ дурно; обязательныхъ занятій основными предметами академическаго курса было много, а приготовленіе къ урокамъ арабскаго языка отнимало немало времени и было затруднительно (особенно когда переводили богословіе). — и вотъ иногда являлась искусительная мысль не идти на лекцію... Но почтительное уваженіе къ Н. Ивановичу тотчасъ же вызывало угрызенія совѣсти: мы чувствовали, что совѣстно, неприлично не явиться къ нему на лекцію, и употребляли усилія надъ собой, — шли въ аудиторію. Достойно замѣчанія. что никогда ни одинъ изъ насъ не слышалъ отъ Н. И-ча ни одного слова и не видѣлъ ни одного знака недовольства. Иногда бывало на лекціи его всего два человѣка, а Н. И-чъ, какъ бы не замѣчая этого, усердно переводитъ съ нами арабскій текстъ и объясняетъ намъ переводимое.

На 4-й годъ, по указанію Е. А. Малова, я занимался изготовленіемъ диссертаціи на степень и по требованію темы долженъ былъ переводить мусульманскую книгу Рабгузы „Разсказы о пророкахъ“. Это занятіе поддержало во мнѣ усердіе и къ арабскому языку. Книгу съ помощію К. Насырова я осилилъ и въ языкѣ книжно-татарскомъ достаточно успѣлъ.

На лекціяхъ Е. А. Малова мы прослушали исторію жизни Мухаммеда, исторію текста корана, изложеніе и опроверженіе мусульманскаго вѣроученія и исторію русской противомусульманской миссіи. Свѣдѣній этихъ было вполнѣ достаточно для ознакомленія насъ съ системой мусульманской религіи. И безъ сомнѣнія, эти свѣдѣнія поддерживались бы и расширялись по выходѣ изъ академіи, если бы студенты миссіонерскаго отдѣленія имѣли возможность примѣнять

ихъ къ дѣлу на службѣ. Но поступая на службу въ разныя семинаріи, студенты миссіонерскаго отдѣленія большею частію забывали пріобрѣтенныя ими въ академіи свѣдѣнія по мусульманству, и въ крайнемъ случаѣ хранили ихъ при себѣ, какъ пріятное воспоминаніе [1]).

Памятникомъ занятій уважаемыхъ нашихъ профессоровъ и усердія студентовъ академіи противомусульманскаго отдѣленія служатъ такъ называемыя курсовыя сочиненія студентовъ, изданіе которыхъ, подъ общимъ заглавіемъ „Миссіонерскій противомусульманскій сборникъ" продолжается доселѣ. Только немногимъ слушателямъ миссіонерскихъ наукъ выпадала счастливая доля служить въ такихъ семинаріяхъ, въ которыхъ преподавался татарскій языкъ и гдѣ, слѣдовательно, можно было примѣнить вынесенныя изъ академіи знанія. Изъ всѣхъ студентовъ XIII курса я одинъ, по совершенно случайно сложившимся обстоятельствамъ, могъ и долженъ былъ продолжать свои занятія мусульманствомъ, занявъ въ 1870 году каѳедру противомусульманскихъ предметовъ при академіи, на которой состоялъ до 1877 года. За этотъ періодъ времени, не смотря на непрочную обстановку противомусульманской каѳедры при академіи, усердіе студентовъ къ изученію мусульманства не ослабѣвало: въ числѣ ихъ были личности даровитыя, занимавшіяся сверхдолжными предметами съ большимъ стараніемъ и даже съ увлеченіемъ. Два бывшіе слушателя миссіонерскихъ предметовъ въ настоящее время носятъ санъ епископа, одинъ занимаетъ должность директора учительской семинаріи, а одинъ профессорствуетъ въ академіи. Увлеченіе изученіемъ противомусульманскихъ

---

[1]) Интересно характеризуетъ такое положеніе дѣла представленіе Высокопреосвященнаго Антонія казанскаго къ оберъ-прокурору Св. Синода, написанное имъ въ іюлѣ или августѣ 1870 г. по вопросу объ открытіи въ казанской семинаріи каѳедры по обличенію мусульманства.

предметовъ у нѣкоторыхъ студентовъ доходило до того, что они, по окончаніи академическаго курса, рѣшились ѣхать на службу въ отдаленный Туркестанскій край на должность учителей городскихъ училищъ въ Перовскѣ и Самаркандѣ. Одному, если не ошибаюсь, увлеченье миссіонерствомъ стоило жизни, а одинъ (М. А. Машановъ) имѣлъ всѣ шансы на занятіе каѳедры при академіи по русской словесности, но не отступилъ отъ своей привязанности къ миссіонерскимъ предметамъ, все время отмѣнно усердствовалъ въ занятіяхъ этими предметами, написалъ отличное сочиненіе на тему о мусульманскомъ бракѣ и затѣмъ съ честью занялъ каѳедру при академіи на миссіонерскомъ отдѣленіи.

Наконецъ я съ почтительною признательностью вспоминаю покойнаго профессора противомусульманскаго отдѣленія Г. С. Саблукова. Пока я самъ учился въ академіи, я только слышалъ о немъ часто, какъ о человѣкѣ, глубоко изучившемъ мусульманство и продолжавшемъ трудиться надъ обработкою своихъ ученыхъ матеріаловъ, собранныхъ имъ во время службы при академіи, а лично я былъ представленъ ему Н. И. Ильминскимъ уже въ 1870 г. Почтенный старичекъ Гордій Семеновичъ радушно, по-отечески принялъ меня и просилъ бывать у него. Съ тѣхъ поръ я до выѣзда изъ Казани въ 1877 году пользовался его учеными бесѣдами и указаніями. Его глубокія познанія въ мусульманской религіи были для меня необыкновенно важны, а его высоко-нравственная личность, при отмѣнной скромности чисто евангельскаго характера, замѣняли для меня воспитателя. Въ бесѣдахъ съ нимъ я находилъ нравственную поддержку и успокоеніе и всегда уходилъ отъ него съ обновленной энергіей къ занятіямъ противомусульманскими предметами. Помню живо, какъ однажды онъ сказалъ мнѣ: „Разъ вы начали заниматься этимъ дѣломъ, то и не бросайте его уже во всю жизнь, не смотря ни на какія взгляды; успѣхъ въ занятіяхъ будетъ, и въ этомъ вы будете

находить себѣ утѣшеніе". Собственный примѣръ высокопочтеннаго старца служилъ лучшимъ подтвержденіемъ словъ его. Съ услажденіемъ я до сихъ поръ вспоминаю, какъ онъ, отягченный уже годами жизни, пѣшечкомъ заходилъ иногда ко мнѣ на квартиру (въ крещено-татарской школѣ) и здѣсь дѣлился со мною своими мыслями и, по своему неподдѣльному простодушію, спрашивалъ даже и моего неавторитетнаго для него мнѣнія. Ни прежде, ни послѣ я не встрѣчалъ другаго Гордія Семеновича, котораго я, по примѣру его родныхъ, всегда почиталъ „Дѣдушкой", какимъ онъ и былъ въ отношеніи противомусульманскаго миссіонерскаго отдѣленія.

Дѣдушка Гордій Семеновичъ, Николай Ивановичъ Ильминскій, Евѳимій Александровичъ Маловъ и Василій Тимоѳеевичъ — вотъ дѣятели, съ именами которыхъ исторія противомусульманскаго отдѣленія при Казанской духовной академіи за истекшее пятидесятилѣтіе ея существованія неразрывно связана; благодарно почтительная память о нихъ неизгладимо сохраняется въ сердцахъ бывшихъ студентовъ этого отдѣленія и будетъ переходить въ слѣдующія поколѣнія: эти лица поддерживали миссіонерское отдѣленіе своею безкорыстною и неутомимою дѣятельностью въ теченіе многихъ лѣтъ и обезпечили его существованіе на будущее время. Пріятно сознавать это, а еще пріятнѣе желать, чтобы на будущее время студенты миссіонерскаго отдѣленія находили приложеніе своимъ занятіямъ въ жизни и службѣ на пользу обширнаго нашего отечества, считающаго въ числѣ своихъ подданныхъ много милліоновъ мусульманъ и язычниковъ.

Бывшій студентъ миссіонерскаго противомусульманскаго отдѣленія,

Н. Остроумовъ.

8 іюля 1891 года.
Г. Ташкентъ.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Аравія и Коранъ—два имени, тѣсно, неразрывно соединенныя одно съ другимъ: безъ Аравіи не было бы Корана, и Аравія безъ Корана не имѣла бы такой извѣстности, какою она до сихъ поръ пользуется. Этими соображеніями объясняется заглавіе настоящаго труда, авторъ котораго имѣетъ въ виду показать, въ какой степени ученіе Корана зависѣло отъ географическихъ, историческихъ и этнографическихъ особенностей Аравіи, и объяснить, какими способами это своеобразное и далеко *не идеальное въ своей сущности* ученіе первоначально распространилось среди арабовъ, почему до сихъ поръ оно находитъ себѣ прозелитовъ и держится преимущественно въ Азіи и Африкѣ и какое вліяніе оказало оно на судьбу этихъ народовъ.... Что же касается извѣстныхъ намъ татаръ, турокъ и нѣкоторыхъ другихъ инородческихъ племенъ, живущихъ въ Европѣ и исповѣдующихъ исламъ, то они приняли ученіе Корана въ то время, когда еще не оставили совершенно своего кочевого быта, и потому близко подходили по своему умственному и нравственному складу къ древнимъ арабамъ, среди которыхъ и для которыхъ ученіе Корана было проповѣдано основателемъ ислама; киргизы же и туркмены и до сихъ поръ остаются еще кочевниками. Осѣдлые жители русскаго Туркестана и другихъ азіатскихъ странъ принуждены были принять исламъ силою оружія арабовъ-завоевателей—пріемъ характерный для Корана.

Жизнь въ Европѣ, рядомъ съ народами христіанской культуры, не осталась безъ вліянія на россійскихъ татаръ и константинопольскихъ турокъ, но вліяніе это было болѣе внѣшнее и мало коснулось основныхъ принциповъ исповѣдуемаго ими ученія Корана. Поэтому подъ европейской внѣшностью современныхъ турокъ и татаръ часто скрываются взгляды, имѣющіе мало общаго съ современной европейской культурой, развившеюся подъ вліяніемъ христіанскихъ началъ. Съ другой стороны, ученіе Корана, разъ принятое и усвоенное азіатскими народами, не уступало мѣста ученію Евангелія, и христіанское миссіонерство не имѣло большихъ успѣховъ среди мусульманъ, вопреки ожиданіямъ папъ, учреждавшихъ въ средніе вѣка разныя миссіонерскія общества (см. Н. Ѳ. Красносельцева „Западныя христіанскія миссіи противъ татаръ"). Неуспѣшность христіанскихъ миссій среди мусульманъ зависѣла отъ разнообразныхъ культурно-историческихъ причинъ и отнюдь не подтверждаетъ увѣреній современныхъ намъ „передовыхъ" турокъ и татаръ, что Коранъ не мѣшаетъ прогрессу народной жизни, что Коранъ, какъ и Евангеліе, исходитъ изъ общечеловѣческихъ принциповъ, не чуждъ гуманности и просвѣщенія, служащихъ основаніями европейской цивилизаціи. Россійскіе татары высказывали такіе взгляды печатно на русскомъ языкѣ; нѣкоторые образованные турки заявляли о томъ же на иностранныхъ европейскихъ языкахъ. Недавно (въ концѣ 1895 года) Мухаммедъ-Джелаледдинъ, „шейхуль-исламъ" современной намъ Турціи, подъ вліяніемъ послѣднихъ политическихъ осложненій, вызванныхъ жестокою рѣзнею армянъ, подданныхъ султана, снизошелъ до того, что допустилъ къ себѣ корреспондента газеты „Berliner Tageblatt" и очень характерно высказался предъ нимъ относительно основныхъ принциповъ Корана. „Исламъ, сказалъ современный представитель религіи турецкихъ мусульманъ, занимается не только загробною жизнію, но и путями, ведущими къ цивилизаціи и дающими людямъ возмож-

ность достигать того, что необходимо для счастія на землѣ. Первый принципъ ислама гласитъ: имѣйте состраданіе и милосердіе и будьте справедливы и снисходительны *ко всѣмъ*, а въ особенности къ вашимъ ближнимъ. Исламъ придерживается также и принципа признанія полнаго равенства всѣхъ людей, къ какой бы религіи или состоянію они ни принадлежали. Хотя Европа и сдѣлала очень крупные шаги въ культурномъ отношеніи, однако объ истинной сущности ислама въ ней имѣютъ чрезвычайно смутное понятіе. Прежде всего *невѣрно*, будто исламъ признаетъ или проповѣдуетъ ненависть къ христіанамъ. Евреи, мусульмане, христіане, всѣ народности и вѣроисповѣданія пользуются у насъ *одинаковыми* соціальными правами. Каждый можетъ у насъ открыто и свободно исполнять свои религіозные обряды. Исламъ признаетъ всѣхъ пророковъ *равными*. Исламъ — демократическая религія. У насъ нѣтъ освященныхъ мѣстъ. Вы спросите, однако, почему же у насъ мечети? А потому, что среди магометанъ стала замѣчаться привычка собираться по пятницамъ на общія молитвы; оттого и стали строиться у насъ мечети,—слово, означающее — „собраніе“. Въ мечетяхъ всѣ (разум. мусульмане) равноправны. Повторяю, исламъ—демократическая религія..... Исторіею доказано (?), что турки относились съ безконечной толерантностью ко всѣмъ своимъ христіанскимъ подданнымъ даже тогда, когда они еще не находились ни въ какихъ отношеніяхъ съ Европою. Съ тѣхъ поръ, какъ Мухаммедъ II завоевалъ Константинополь, положеніе вещей не измѣнилось. Турція всегда (?) доказывала міру любовь къ справедливости и добрыя цѣли, свойственныя исламу. Она предоставила христіанамъ полную религіозную свободу и создала, благодаря привиллегіямъ, предоставленнымъ патріархамъ различныхъ вѣроисповѣданій, государства въ государствѣ. Этимъ путемъ и было положено турками начало счастью, благополучію и богатству христіанъ на востокѣ..... Могу васъ увѣрить, что исламъ не только не запре-

щаетъ, но даже *предписываетъ* реформы. Султанъ приказалъ провести эти реформы. Онъ лично работаетъ днемъ и ночью, чтобы имѣть возможность осуществить это желаніе" (Бирж. Вѣдом. 1895 г. № 315 и Прав. Вѣстникъ № 257).

По этому поводу замѣтимъ прежде всего, что подъ *ближнимъ* Коранъ разумѣетъ только мусульманъ (глава III, ст. 98 и 114), а позднѣйшія законоположенія этой *демократической* религіи раздѣлили подданныхъ султана на двѣ совершенно неравныхъ въ правовомъ отношеніи группы: *муслиновъ*, пользующихся всѣми политическими и гражданскими правами, и зимміевъ-немусульманъ, признающихъ надъ собою власть султана. Зимміямъ (напр. христіанамъ) воспрещается устраивать въ мусульманскихъ городахъ новыя церкви, отшельническія обители и новыя кладбища. Въ христіанскихъ странахъ, покоренныхъ силою мусульманскаго оружія, церкви обращались даже въ обыкновенныя жилища; храмъ св. Софіи въ столицѣ султана до сихъ поръ служитъ мечетью. Зиммій-христіанинъ долженъ былъ отличаться отъ мусульманъ одеждою, животными и сѣдлами, употребляемыми для верховой ѣзды. Они не имѣли права употреблять лошадей, развѣ въ томъ случаѣ, когда помогали мусульманамъ въ войнѣ противъ невѣрныхъ. За исключеніемъ подобнаго случая, имъ запрещалось употребленіе какого бы то ни было животнаго для верховой ѣзды. Если же, по болѣзни или по другой важной причинѣ, зимміи принуждены бывали ѣхать на ослѣ, то сходили съ него, проѣзжая мимо собравшихся мусульманъ. Сѣдла употребляемыя ими, должны быть изъ рода тѣхъ, которыя надѣваются наословъ. Зимміямъ воспрещалось носить оружіе; они обязаны носить пояса изъ шерсти или волоса и надѣвать ихъ такъ, чтобы они были видны. Равнымъ образомъ зимміямъ запрещалось носить чалму, хотя бы она была желтаго или голубого цвѣта; чалма ихъ должна быть изъ черной матеріи. Кромѣ того зимміи не должны надѣвать ни шелковыхъ поясовъ,

ни пышныхъ платьевъ, приличныхъ однимъ ученымъ и людямъ почетнымъ. Въ служебномъ отношеніи христіане, какъ зимміи, не имѣли права занимать должностей секретарей (кятибъ) и дѣлопроизводителей (мубаширъ). такъ какъ на этихъ должностяхъ они пользовались бы уваженіемъ мусульманъ. Въ отношеніяхъ своихъ съ мусульманами зимміи должны всегда сознавать свое униженіе. а потому не смѣютъ сидѣть, когда мусульманинъ, находящійся въ ихъ домѣ, стоитъ. Мусульмане не должны оказывать имъ знаковъ уваженія. Мусульмане не должны подавать руки невѣрнымъ, потому что подобное дѣйствіе есть знакъ уваженія и любви. Только въ случаѣ нужды дозволяется мусульманамъ привѣтствовать невѣрныхъ. Въ отвѣтъ же на привѣтствіе христіанъ мусульмане должны отвѣтить словами: „и надъ тобою“ (ваалейка), т. е. не договаривая благожеланія. При проходѣ зимміевъ по улицѣ или по дорогѣ мусульмане должны тѣснить ихъ, не дозволяя имъ идти посреди улицы. На домахъ зимміевъ вывѣшивались особые знаки, чтобы бѣдные мусульмане не останавливались просить милостыню и не призывали бы на нихъ благословенія Божія. Зимміи не могутъ селиться въ Меккѣ и Мединѣ, потому что эти два города находятся въ землѣ арабовъ, гдѣ не должно быть *двухъ* религій. Впрочемъ зимміи допускаются въ эти города ради торговли, при чемъ не могутъ пробыть въ нихъ болѣе трехъ дней. Входъ въ Каабу зимміямъ ни въ какомъ случаѣ не дозволяется. И женщины зимміевъ должны отличаться отъ мусульманскихъ поясами и уступать дорогу мусульманкамъ, а именно должны идти съ боковъ улицы и дороги, а мусульманки посрединѣ; христіанки должны отличаться отъ мусульманокъ даже въ баняхъ и стоять въ сторонѣ. чтобы не видѣть лицъ мусульманокъ. Зимміи не имѣли права покупать дома въ городахъ; въ случаѣ же покупки принуждены продать ихъ мусульманамъ. Зиммій. произнесшій хулу противъ ислама, Корана или Мухаммеда, подвергается исправительному наказанію.

Другіе мусульманскіе законовѣды присуждаютъ къ смерти зиммія, явно произносящаго хулу противъ пророковъ („Право христіанъ на востокѣ по мусульманскимъ законамъ“. Вл. Гиргаса).

Таковы принципы мнимой благожелательности и мнимой равноправности въ мусульманскихъ государствахъ по отношенію къ немусульманскимъ подданнымъ! Это неравенство простиралось и далѣе, наприм., въ судебномъ отношеніи, почему христіанскимъ подданнымъ турецкихъ султановъ приходилось терпѣть всякія униженія и насилія. Но какъ скоро выведенные изъ терпѣнія немусульманскіе подданные въ Турціи возставали, тогда начинались безпощадныя избіенія возставшихъ; тогда открывалась жестокая бойня, во время которой погибали тысячи и сотни тысячъ христіанъ всякаго возраста и пола. О болгарскихъ ужасахъ, предшествовавшихъ послѣдней войнѣ Россіи съ Турціей, читатели, конечно, еще не забыли. Въ настоящее время мы снова читаемъ въ газетахъ о жестокомъ избіеніи турецкихъ подданныхъ—армянъ. Какъ бы кто ни объяснялъ настоящее возстаніе армянъ, вызвавшихъ со стороны турецкаго правительства репрессивныя мѣры, но расправа турокъ сопровождается звѣрскими жестокостями. Американскій миссіонеръ Грипъ, говоря о безчеловѣчной рѣзнѣ, имѣвшей мѣсто въ августѣ 1894 года на высотахъ Сасуна (близъ Ванскаго озера), писалъ, что 27 деревень въ Сасунѣ уничтожены и что 6000 мужчинъ, женщинъ и дѣтей были умерщвлены войсками и курдами по приказанію изъ Константинополя: войска очистили страну такъ, чтобы въ будущемъ не могло произойти возстанія. Отъ 16 ноября 1894 года онъ сообщалъ: „Въ прошломъ году въ Тальворикѣ армяне успѣшно отразили нападеніе сосѣднихъ курдовъ. Въ странѣ распространилась большая тревога. Въ нынѣшнемъ году правительство вмѣшалось и послало отряды регулярныхъ войскъ для усмиренія армянъ. Регулярнымъ войскамъ помогали курдскія иррегулярныя войска. Армяне подверглись

нападенію въ горныхъ укрѣпленіяхъ и, въ концѣ-концовъ, должны были сдаться вслѣдствіе недостатка пищи и боевыхъ запасовъ. Около 20 деревень были уничтожены, населеніе умерщвлено и дома сожжены. При этомъ имѣли мѣсто ужасныя жестокости. Нѣсколько молодыхъ, полныхъ силъ армянъ были взяты въ плѣнъ, связаны, покрыты хворостомъ и сожжены живыми. Нѣкоторое число армянъ, опредѣляемое различно, но не менѣе 100 человѣкъ, сдались и просили пощады. Многіе изъ нихъ были застрѣлены на мѣстѣ, а остальные зарѣзаны саблями и заколоты штыками. Группа женщинъ, опредѣляемая различно, отъ 60 до 160 человѣкъ, была заперта въ церкви и среди нихъ „были пущены“ солдаты. Многія изъ этихъ женщинъ были замучены до смерти, а оставшіяся въ живыхъ убиты саблями и штыками. Нѣсколько молодыхъ женщинъ были захвачены въ качествѣ военной добычи. Дѣтей ставили въ рядъ одинъ за другимъ и стрѣляли въ одинъ изъ концовъ ряда, очевидно, чтобы узнать, сколько человѣкъ можно убить одной пулей. Малолѣтнія и грудныя дѣти клались одинъ на другого и головы ихъ отрубались. Солдаты окружали дома, зажигали ихъ и штыками заставляли людей возвращаться въ пламя, когда они пытались выбѣжать изъ него. Счетъ человѣческихъ жертвъ отъ 3000 до 8000—скромныя цифры. Рѣзня длилась около 23 дней, или, въ общемъ, съ средины августа до середины сентября. Ферикъ-паша, поспѣшно прибывшій изъ Эркинзіана, прочиталъ фирманъ султана объ истребленіи возставшихъ и затѣмъ, держа указъ на своей груди, увѣщевалъ солдатъ не уклоняться отъ исполненія своего долга. *Въ послѣдній день августа, т. е. въ годовщину восшествія султана на престолъ, солдаты особенно увѣщевали отличиться, и они произвели въ этотъ день самую звѣрскую рѣзню.* Въ одномъ селеніи были схвачены священникъ и нѣсколько старѣйшинъ; имъ обѣщали свободу, если они укажутъ, гдѣ укрылись остальные жители; когда же плѣнные отказались выдать своихъ односельчанъ, всѣхъ ихъ, кромѣ

священника, убили. Затѣмъ на шею священника была надѣта цѣпь, которую тянули за концы въ противоположныя стороны; священникъ нѣсколько разъ былъ почти удушенъ, но его возвращали къ жизни. Наконецъ, поставлено было нѣсколько штыковъ остріями вверхъ и несчастнаго подбросили на эти штыки.— Жители одного селенія, обратившись въ бѣгство, собрали женщинъ и дѣтей, числомъ около 500 человѣкъ, и помѣстили ихъ въ пещерѣ въ одномъ ущельѣ. Чрезъ нѣсколько дней солдаты нашли ихъ и убили тѣхъ, которыя не успѣли еще погибнуть отъ голода. Въ другомъ селеніи 50 избранныхъ женщинъ были пощажены: ихъ увѣщавали принять исламъ и сдѣлаться госпожами въ турецкихъ гаремахъ, но онѣ съ негодованіемъ отказались отречься отъ Христа, предпочитая подвергнуться участи своихъ отцовъ и мужей. Народъ загоняли въ дома и затѣмъ поджигали послѣдніе. Во время одного такого пожара изъ пламени выбѣжалъ маленькій мальчикъ; его посадили на штыкъ и бросили въ огонь. Нерѣдко дѣтей поднимали за волосы и разрѣзали пополамъ или разрывали имъ челюсти. Беременнымъ женщинамъ вскрывали животы; старшихъ дѣтей оттаскивали за ноги. Красивая, недавно обвѣнчанная пара убѣжала на вершину холма; солдаты настигли молодыхъ людей и сказали. что пощадятъ ихъ изъ-за красоты, если они примутъ исламъ, но мысль объ ужасной смерти, которая, какъ извѣстно было бѣглецамъ, должна была постигнуть ихъ, не помѣшала имъ исповѣдать Христа. Отъ 6 декабря 1894 г. тотъ же авторъ сообщалъ, что одна мѣстность была окружена солдатами и тамъ же было собрано 20,000 курдовъ. Затѣмъ они двинулись къ центру, гоня народъ, какъ стадо овецъ, и подвигались, такимъ образомъ, нѣсколько дней. Никому не оказывали ни снисхожденія, ни пощады. Мужчины, женщины и дѣти умерщвлялись ружьями и саблями, какъ овцы. Вѣроятно, нѣкоторые, подвергшись такому нападенію, пытались спасти свою жизнь и защищались. Многіе разбѣжались во всѣ стороны, но боль-

шинство было убито. По наиболѣе правдоподобному подсчету 15,000 было убито и 35 селеній разорено, сравнено съ землей и сожжено. Женщины подвергались насилію и потомъ умерщвлялись; одинъ священникъ былъ изрубленъ на крышѣ своей церкви; молодыхъ людей клали на кучу дровъ пропитанныхъ керосиномъ, и поджигали; значительное число женщинъ и дѣвушекъ сгонялись въ церкви, гдѣ ихъ держали нѣсколько дней, подвергая насилію грубыхъ солдатъ, и затѣмъ предавали смерти. Говорятъ, число этихъ жертвъ было такъ велико, что кровь текла изъ церковной двери. — Въ заключеніе своихъ сообщеній о рѣзнѣ въ Сусанѣ Гripъ высказалъ, что въ исторіи Турціи за одно нынѣшнее столѣтіе было пять болѣе крупныхъ случаевъ рѣзни, имѣвшихъ цѣлію, придравшись къ ничтожному поводу, *разрѣдить* ряды увеличившагося христіанскаго населенія. Въ періодъ 1820—1894 гг. число умерщвленныхъ христіанъ подданныхъ турецкихъ представляется въ такомъ видѣ: въ 1822 г. было убито грековъ, особенно въ Хіосѣ — 50,000 [1]), въ 1850 г. несторіанъ и армянъ въ Курдистанѣ— 10,000, въ 1860 г. маронитовъ и сирійцевъ въ Ливанѣ и Дамаскѣ — 11,000, въ 1876 г. болгаръ въ Болгаріи — 10,000. въ 1894 г. армянъ въ Сусанѣ—12,000. Итого—93.000 [2]).

Если подобныя же звѣрства и опустошенія бывали и въ другихъ странахъ подвластныхъ, то совершенно понятно почему въ 1838 году германскій проф. Дёллингеръ высказалъ, что исторія отмѣтила религію Корана печатью осужденія. „Страны, нѣкогда цвѣтущія,—

---

[1]) Докторъ Нейманъ заявляетъ, что во время возстанія грековъ на островѣ Хіосѣ турки пронесли огонь и мечъ по всему цвѣтущему острову, такъ что онъ превратился въ пустыню; забрали женщинъ и дѣтей въ рабство, юношей и взрослыхъ умерщвляли, такъ что не осталось и 900 мужчинъ на островѣ, когда жатва была готова (Lect. on the Histoir of the Turks.).

[2]) Русская Мысль, ноябрь 1895. Ст. «Турецкія звѣрства въ Арменіи», стр. 109—122.

говорилъ онъ, — и обитатели этихъ странъ, гдѣ царствуетъ исламизмъ, теперь пали до послѣдней крайности, и внимательное изученіе показываетъ, что именно исламизмъ былъ причиною медленной гибели и паденія цѣлыхъ народовъ и довелъ эти страны до такого безотраднаго положенія". Нынѣ нельзя сказать ни объ одной странѣ, находящейся подъ владычествомъ мусульманъ, что она отличается цвѣтущимъ положеніемъ. Въ начальномъ отечествѣ рода человѣческаго, въ древней Халдеѣ, въ странѣ между Тигромъ и Евфратомъ, теперь все пустыня, все безлюдно, земледѣлія мало, городовъ мало, да и тѣ бѣдны и въ жалкомъ положеніи; селъ нѣтъ, люди блуждаютъ, не зная о своихъ предкахъ и съ каждымъ днемъ все ближе и ближе къ состоянію дикарей. Всѣ эти великолѣпные и многолюдные города, о которыхъ намъ говоритъ исторія, ихъ многочисленное народонаселеніе, образованное и богатое, которое еще оставалось до среднихъ вѣковъ, теперь исчезло совершенно. И когда спрашиваютъ причину этого, поневолѣ отвѣчаешь: причина этого въ ложной религіи.

„Какой видъ представляетъ теперь царство персидское, нѣкогда столь громадное и столь цвѣтущее, вдвое больше Германіи! Тамъ теперь всего пять милліоновъ жителей, мало городовъ, да и въ тѣхъ цѣлые околодки лежатъ въ развалинахъ; города доведены до нищеты дурнымъ деспотическимъ управленіемъ, а во время голода тамъ гибнутъ тысячи людей (Правосл. Обозр. 1872 г. августъ, стр. 147—155)".

Англійскій богословъ Арнольдъ заявлялъ также, что уменьшеніе народонаселенія и опустошенія всегда слѣдовали за исламомъ. Въ началѣ XVIII столѣтія въ окрестностяхъ Алеппо насчитывалось 300 деревень, но къ концу столѣтія ихъ осталось только 12! Въ округѣ Мардинъ, въ Месопотаміи, изъ 1600 деревень въ настоящее время существуетъ едва 500. До завоеванія мухамедданами Кипръ имѣлъ 1400 городовъ и деревень, но въ 1670 г. только 7[illegible]0. Не лучше была участь острова Кандіи. Теперь существуютъ только

немногіе изъ городовъ и мѣстечекъ, которые были многолюдны и цвѣтущи во время халифата. Хорошо извѣстно, сколько выстрадалъ Египетъ со времени завоеванія его сарацинами. До вторженія мусульманъ число коптовъ доходило до шести милліоновъ; а теперь въ Египтѣ и Абиссиніи число коптовъ-христіанъ понизилось до трехъ съ небольшимъ милліоновъ. Персія покрыта развалинами; Ширазъ и Испагань представляютъ просто остовъ прежняго величія и великолѣпія, и нѣкогда прекрасная, плодоносная провинція Харасанъ доведена до крайней бѣдности. Сѣверная Африка, даже во время вандаловъ насчитывавшая у себя до 400 епархій, доведена до полнаго упадка. Наконецъ, турецкая имперія доведена до крайней политической несостоятельности: ея подданные поставлены въ самое плачевное положеніе и провинціи, нѣкогда наилучшія въ цѣломъ мірѣ, опустѣли и лежатъ невоздѣланными. Но турецкая имперія была бы еще въ болѣе плачевномъ положеніи, если бы не находилась подъ благотворнымъ вліяніемъ европейской дипломатіи, а еще болѣе отъ того, что христіанское народонаселеніе составляетъ преобладающее большинство въ Европейской Турціи (Прав. Собесѣдн. 1875 г. „Характеръ и вліяніе ислама“).

Среднеазіатскія ханства мы, русскіе, застали также въ жалкомъ положеніи: ни внутренняго благоустройства, ни внѣшней безопасности жители этихъ ханствъ не знали, хотя горделиво называли главные города свои разными ласкательными эпитетами, въ родѣ: „Священная Бухара“, „Очаровательный Самаркандъ“. „Пріятный Кокандъ“ и под. Русское управленіе застало въ Туркестанѣ отсутствіе среди населенія производительности и торговли, невѣжество и низкій уровень благосостоянія, и полную государственную дезорганизацію. Достаточно было небольшого числа доблестныхъ русскихъ войскъ, чтобы многолюдные города—Ташкентъ, Кокандъ, Самаркандъ, защищаемые фанатическими воинами, пали послѣ непродолжительнаго сопро-

тивленія предъ русскимъ оружіемъ. Но затѣмъ, подъ русскимъ (христіанскимъ) управленіемъ полудикія азіатскія страны Туркестана оживились, населеніе ихъ увеличилось и разбогатѣло, вслѣдствіе развитія промышленности и торговли; улучшены и обезопашены пути сообщенія; проведена желѣзная дорога къ удивленію всего міра среди непроходимыхъ дотолѣ песковъ отъ Каспійскаго моря до Самарканда; рабство и казни уничтожены; грубость нравовъ мало-по-малу исчезаетъ; тишина и спокойствіе царитъ на мѣстѣ прежнихъ смутъ и возстаній.... Какая же причина такой необыкновенной перемѣны? Отвѣтъ одинъ: христіанское управленіе страной, въ которой господствовалъ принципъ Корана.

Но, не смотря на историческіе факты, заступники Корана продолжаютъ утверждать, что ученіе его не мѣшаетъ народному прогрессу, что его принципы могутъ уживаться съ новѣйшими формами европейской цивилизаціи.... Гдѣ же доказательство этого? Развѣ турецкое правительство и египетское самостоятельно и съ охотой вводили въ Турціи и Египтѣ нѣкоторыя европейскія реформы? И развѣ изъ этихъ реформъ получилось что-нибудь прочное и для жителей названныхъ странъ полезное? Дѣйствительность не подтверждаетъ этого. Болѣе консервативные защитники Корана говорятъ, что въ упадкѣ Турціи и Египта виноваты европейскіе дипломаты, насильно предлагающіе азіатскимъ державамъ европейскія нововведенія... Допустимъ, что въ этомъ есть доля правды; но спросимъ въ то же время: что же бы было съ этими странами безъ европейскаго вмѣшательства? Самостоятельныя среднеазіатскія ханства (Кокандское, Бухарское, Хивинское, Авганское), не смотря на самобытныя формы ихъ жизни, доведены до внутренняго разложенія. Но еще лучше это видно на судьбѣ Аравіи. Въ какомъ положеніи находится въ настоящее время эта колыбель ислама, считающаяся до сихъ поръ неприкосновенною (харамъ) для европейцевъ-христіанъ? Какой прогрессъ послѣдовалъ тамъ съ 622 года, въ теченіе

двѣнадцати слишкомъ столѣтій?.... Мы знаемъ, что европейцевъ туда не пускаютъ, а при случаѣ, даже на границѣ этой „священной“ области убиваютъ, какъ напримѣръ, въ 1894 году были убиты среди дня и ранены четыре европейскихъ консула въ Джеддѣ. Пустынная мѣстность, окружающая Мекку, остается такою же, какою была во время проповѣдника Корана; коренные жители Аравіи также невѣжественны и дики, какъ и во время Мухаммеда; политическимъ благоустройствомъ Аравія никогда не пользовалась, тамъ до сихъ поръ случаются возстанія бедуиновъ противъ турецкой власти; довольствомъ и богатствомъ жители Аравіи не славятся, не смотря на ежегодныя путешествія въ Мекку и Медину десятковъ и сотенъ тысячъ мусульманъ изъ разныхъ странъ міра. Многіе богомольцы безропотно умираютъ тамъ отъ истощенія и дурныхъ санитарныхъ условій, а нерѣдко прямо отъ холеры!... Что же дало ученіе Корана жителямъ этой древней страны? Отвѣтъ одинъ: Коранъ превратилъ арабовъ въ мусульманъ, заградилъ доступъ къ нимъ Евангелія и вмѣстѣ съ тѣмъ задержалъ умственный, нравственный и соціальный прогрессъ въ этой странѣ. И изъ этого положенія Аравія никогда собственными силами не выйдетъ, пока тамъ будетъ господствовать ученіе Корана.

Казалось бы, что при такомъ безотрадномъ положеніи священной для мусульманъ страны, передовые поклонники Корана, получившіе образованіе въ христіанской Европѣ и лично оцѣнившіе преимущества европейскихъ формъ общественной и государственной жизни (иначе зачѣмъ бы имъ жить въ Европѣ и изучать науки и языкъ „невѣрныхъ“),—казалось бы, что эти передовые борцы и защитники принциповъ Корана будутъ желать распространенія европейскаго вліянія на страны ислама и введенія тамъ хотя бы санитарныхъ улучшеній; но они—современные образованные мусульмане—болѣютъ душой за угрожающее мусульманскимъ странамъ будущее, за неприкосновенность принциповъ

Корана. Имъ страшно подумать, что силою обстоятельствъ европейское вліяніе распространяется всюду, даже угрожаетъ Меккѣ и Мединѣ.... И вотъ мы читаемъ на современномъ французскомъ языкѣ вопль изъ Парижа, что представителямъ мусульманской вѣры слѣдуетъ безотлагательно собраться на панисламскій конгрессъ и обсудить мѣропріятія для спасенія независимости мусульманскихъ странъ и неприкосновенности принциповъ Корана отъ европейскаго (христіанскаго) вліянія (см. объ этомъ Правосл. Благовѣстникъ, 1896 г.). Въ этомъ воплѣ, по нашему мнѣнію, сказывается сознаніе передовыхъ мусульманъ, что Коранъ не состоятеленъ въ тѣхъ странахъ, куда проникаетъ вліяніе христіанское, и что въ самой Аравіи онъ не можетъ обходиться безъ вмѣшательства христіанскихъ народовъ во внутреннюю жизнь этой страны.

I.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ АРАВІИ.

Аравія—родина Мухаммеда и колыбель ислама — занимаетъ югозападный полуостровъ Азіи, такъ называемый Аравійскій полуостровъ, находящійся между 12° и 30° с. ш. и между 35° и 60° в. д. отъ Гринича, или между 50° и 76° отъ Ферро. Соединяясь на сѣверѣ съ европейско-азіатскимъ материкомъ, Аравійскій полуостровъ находится въ непосредственной близости къ Палестинѣ, Сиріи, Финикіи и Ассиро-Вавилоніи; съ восточной стороны Персидскій заливъ доставлялъ Аравіи удобное сообщеніе съ древнимъ Мидо-Персидскимъ государствомъ и въ то же время, соединяя ее съ Индійскимъ океаномъ, открывалъ путь въ богатую Индію; на западѣ Аравія, при посредствѣ Аравійскаго залива, примыкала къ древнему Египту и Ефіопіи. Узкій перешеекъ соединялъ Аравію съ берегами Средиземнаго моря, вокругъ котораго развивалась древняя цивилизація. Болѣе точныя границы Аравіи указываетъ извѣстный мусульманскій ученый конца XIII и начала XIV вѣка, Абульфеда: „Человѣкъ, который бы хотѣлъ прослѣдовать по границамъ Аравіи и который отправился бы отъ Элы на югъ, по берегу моря, имѣлъ бы море на правой рукѣ и проѣхалъ бы послѣдовательно чрезъ города: Мадіанъ, Янбо, Альбаруэ, Джидду. Затѣмъ, вступивъ въ Іеменъ, онъ проѣхалъ бы чрезъ

города Зебидъ и Аденъ. Далѣе онъ ѣхалъ бы по Іемену, имѣя впереди востокъ, а справа море, какъ прежде, и проѣхалъ бы по берегу Дафару и по берегу Махра. Затѣмъ, направляясь къ сѣверу и продолжая имѣть справа море, онъ оставилъ бы берегъ Махра, проѣхалъ бы чрезъ Оманъ, поровнялся бы съ островомъ Аваномъ и посѣтилъ бы Алькатифъ, Кадеме и Басору. Потомъ онъ сдѣлалъ бы поворотъ и, удаляясь отъ моря, направлялся бы къ востоку: Ефратъ находился бы у него на правой рукѣ, и онъ послѣдовательно миновалъ бы города: Альсибъ, Куфу, Ану, Рахабу и Балесъ; онъ путешествовалъ бы по границамъ Алеппской провинціи, затѣмъ проѣхалъ бы чрезъ Саламію и Бельку и прибылъ бы въ гор. Элу, изъ котораго отправился“ [1]).

Древніе европейскіе географы, со временъ Птоломея (ум. въ 161 г. по Р. Хр.) раздѣляли Аравію на три части: *Каменистую Аравію*, занимавшую часть Аравіи на югъ Палестины и обнимавшую такъ называемый Синайскій полуостровъ; *Пустынную Аравію*, лежавшую къ сѣверо-востоку отъ Каменистой, съ городомъ Пальмирой; *Счастливую Аравію*, составлявшую южную и юго-западную части Аравійскаго полуострова, съ городами: Меккой, Мединой, Аденомъ и др. [2]). Но такое дѣленіе Аравіи, удержанное средневѣковыми географами, не отвѣчаетъ дѣйствительному положенію полуострова и объясняется недостаточнымъ знакомствомъ этихъ географовъ съ страной, которую они описывали съ чужихъ словъ [3]). Со времени арабскихъ

---

[1]) Географія Аравіи. Перев. съ французскаго. Православный Собесѣдникъ 1890 годъ. Апрѣль, стран. 512—513.

[2]) Прот. П. Солярскій. Опытъ библейскаго словаря собственныхъ именъ. С.-Петербургъ. 1879 г. стран. 140—145 подъ сл. «Аравія».

[3]) См. напримѣръ: Notitiae orbis antiqui, sive geographiae plenioris. Tomus alter, Asiam et Africam exponens. Christophorus Cellarius ex vetustis probatis quet monimentis collegit... Lipsiae, MDCCVI. Capnt XIV. De Arabia. Pag. 670—708.

завоеваній Аравія сдѣлалась болѣе извѣстна, такъ какъ мусульманскіе ученые, имѣвшіе особый интересъ изучать Аравійскій полуостровъ, извѣстный у нихъ подъ именемъ „*Джезирату-ль-арабъ*“ т. е. полуостровъ арабовъ, принимали другое дѣленіе Аравіи. Такъ, Альмадайни (ум. въ первой половинѣ IX вѣка по Р. Хр.) дѣлитъ Аравію на слѣдующія пять частей: Тегама, Неджедъ, Хеджазъ, Арузъ и Іеменъ. По объясненію этого автора, Тегама [1]) находится на югѣ Хеджаза, а Неджедъ [2]) лежитъ между Хеджазомъ и Иракомъ. Что касается до Хеджаза, то это—гористая страна, простирающаяся отъ Іемена до Сиріи. Въ ней находятся Медина и Аманъ [3]). Арузъ [4]) есть то же, что Іемема—страна, доходящая до Бахрайна. Альмадайни объясняетъ названіе *Хеджазъ* тѣмъ, что онъ служитъ раздѣломъ между Недждомъ и Тегамою и добавляетъ, что Хеджазъ расположенъ отъ Медины до Тебука и отъ Медины до Куфинской

---

[1]) Слово «Тегама» означаетъ собственно низменное, жаркое и нездоровое мѣсто. Это выраженіе преимущественно прилагается къ прибрежнымъ мѣстностямъ, не защищеннымъ отъ солнечныхъ лучей.—Это и слѣд. примѣчанія заимствованы изъ цитированнаго перевода географіи Абульфеды.

[2]) Слово *неджд* означаетъ вообще мѣсто возвышенное и противопоставляется слову *гаур* или низменности. У арабскихъ поэтовъ вѣтеръ Неджда противополагается горячему и сухому вѣтру песчаныхъ пустынь, такъ какъ Неджд испещренъ плодородными оазисами и покрытъ по мѣстамъ травою и пахучими цвѣтками, такъ что Неджд можетъ быть названъ *Аркадіей* арабовъ. Въ Недждѣ были извѣстны знаменитые поэты; поэты другихъ мѣстностей Аравіи давали нѣкоторымъ отдѣламъ своихъ стихотвореній заглавіе: «Недждскія стихотворенія». (Примѣч. къ франц. перев. Географіи Абульфеды).

[3]) Аманъ означаетъ древнюю страну аммонитовъ, на востокъ отъ Мертваго моря. Абульфеда относитъ страну Аманъ къ Сиріи.

[4]) Слово *арузъ* употребляется о предметѣ, лежащемъ поперегъ. *Арузъ* заключаетъ въ себѣ Медину, Мекку и Іеменъ, по другимъ—только Мекку и Іеменъ, а еще по другимъ — Мекку и Таіефъ съ ихъ окрестностями. По нѣкоторымъ авторамъ, Арузъ противоположенъ Ираку.

дороги. Страна, лежащая дальше на востокъ, до территоріи Бассоры, принадлежитъ къ Неджду. Къ Хеджазу, напротивъ, относится страна между Мединою и Меккою до отлогости Арджа (махбатуль-арджъ). Страна, лежащая дальше въ направленіи къ Меккѣ и къ Джиддѣ, составляетъ часть Тегамы.

Извѣстный багдадскій ученый путешественникъ (943—968 гг. по Р. Хр.) Ибнъ-Хаукалъ принялъ другое дѣленіе Аравіи, именно: 1) Хеджазъ, въ которомъ заключается Мекка, Медина и Іемама; 2) Неджд̀ъ (или возвышенную часть) Хеджаза, простирающійся отъ Хеджажа до Бахрайна; 3) открытыя равнины (*бадія*) [1]) Ирака, Джезиры и Сиріи; 4) Іеменъ, въ которомъ заключается Тегама, Неджд̀ъ Іемена, Оманъ, Махра, Хадрамаутъ, территоріи Санаа и Адена и большое число другихъ округовъ. Сообразно этому, Іеменъ заключаетъ мѣстности, расположенныя отъ Альсеррайна (на Красномъ морѣ) черезъ территорію Іелемлемъ до вершины горы Таіефа, равно какъ Неджд̀ъ Іемена до Персидскаго залива, съ восточной стороны. „Іеменъ, прибавляетъ Ибнъ Хаукалъ, занимаетъ почти $^2/_3$ всего полуострова“. Хеджазъ занимаетъ мѣстность, находящуюся между Альсеррайномъ на берегу Краснаго моря до Мадіана, затѣмъ заходитъ къ востоку черезъ Альхеджаръ до горы Тай, на плоскогоріи Іемамы. Къ Неджду принадлежитъ страна, находящаяся между Іе-

---

[1]) Слово *бадія* у арабовъ употребляется о всякой вещи, остающейся подъ открытымъ небомъ. Въ примѣненіи къ землѣ, слово *бадія* означаетъ почву, свободную отъ культуры и осѣдлостей. Отъ того же корня происходитъ выраженіе «бедуинъ», то есть человѣкъ, живущій подъ открытымъ небомъ. Это же значеніе можно придавать и слову «Сарацинъ», которое, вѣроятно, испорчено изъ персидскаго выраженія „*сахра-нишинъ*“, значущаго: обитатель пустыни. Это слово понынѣ употребляется персами, какъ синонимъ слова *кочевникъ*. Въ первыя столѣтія нашей эры парѳянскіе и сассанидскіе цари словомъ „*сахранишинъ*“ называли арабскія племена, занимавшія берега Ефрата и Тигра и въ войнахъ противъ персовъ и римлянъ не разъ колебавшія побѣду.

мамой, въ окрестностяхъ Медины, до территоріи Бассоры и до Бахрейна. Равнины Ирака (бадіяту-ль-Иракъ) содержатъ страны отъ Аббадана до Анбара вдоль Неджда и Хеджаза. Подъ именемъ равнинъ Джезира (бадіяту-ль-Джезира) нужно понимать страну, простирающуюся отъ Аибара до Балеса. Таймы и уади-ль-кора (долины деревень). Наконецъ, равнины Сиріи (бадіяту-ль-шамъ) заключаютъ страну отъ Балеса до Элы, противъ Хеджаза и возлѣ территоріи Тебука. Ибнъ-Хаукалъ говоритъ также, что по мнѣнію нѣкоторыхъ знакомыхъ съ предметомъ ученыхъ, Медина входитъ въ Неджду, а Мекка—въ Тегаму Іемена [1]).

Береговая линія Аравійскаго полуострова, по словамъ Реклю, почти прямая и придаетъ ему почти правильную геометрическую фигуру продолговатаго прямоугольника [2]); общій рельефъ полуострова отличается такою же почти правильностію, какъ и очертанія береговой линіи. Горныя цѣпи, выдвигающіяся вдоль береговой линіи, замыкаютъ на востокѣ, югѣ и западѣ правильнымъ валомъ (высотою въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 2000 метровъ) находящуюся внутри ихъ возвышенность, центромъ которой служитъ *Неджъ* (высокая страна) по обѣ стороны отъ 25° с. ш.

При неопредѣленности сѣверной границы Аравійскаго полуострова, площадь его опредѣлялась и до сихъ поръ опредѣляется различно. Ибнъ-Хаукалъ вычисляетъ собственно окружность Аравіи такимъ образомъ: отъ Аббадана до Бахреина и Хеджера 15 дневныхъ переходовъ, отъ Бахреина до Омана мѣсяцъ, отъ Омана до Махры мѣсяцъ, отъ Махры до Адена мѣсяцъ, отъ Адена до Джидды мѣсяцъ, отъ Джидды до гавани Альджохфа три перехода, отъ Альджохфа до Альджара также три перехода и отъ Альджара до Элы 20 пере-

---

[1]) Правосл. Собес. 1890 г. апрѣль, стр. 515—516 и 521—523.

[2]) Гиббонъ менѣе точно считаетъ Аравійскій полуостровъ за обширный неправильный треугольникъ. См. Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи, т. V, стр. 466.

ходовъ. Абульфера прибавляетъ, что отъ Элы до горы Шерата (Альшератъ) [1]) считается около трехъ переходовъ, отъ Шерата до Белькаа около трехъ переходовъ, отъ Белькаа до машариковъ [2]) Хаурана почти шесть переходовъ, отъ машариковъ Хаурана до территоріи Дамаска около трехъ переходовъ, отъ машариковъ Дамаска до Саламіа около четырехъ переходовъ, оттуда до Балеса около семи переходовъ, отъ Балеса до Куфы около 20 переходовъ, отъ Куфы до Бассоры около 12 переходовъ и отъ Бассоры до Аббадана почти два перехода [3]). Гельвальдъ опредѣляетъ площадь Аравійскаго полуострова въ 2,750,000 кв. километровъ, Реклю—въ 3,100,000 кв. километровъ, считая въ томъ числѣ и Синайскій полуостровъ [4]), въ энциклопедическомъ словарѣ проф. Березина поверхность Аравіи опредѣляется около 48.000 кв. миль [5]). а въ словарѣ проф. Андріевскаго—въ 3,156,000 килом. [6]).

По своему географическому положенію вообще, по устройству поверхности, по климату, флорѣ и фаунѣ, Аравійскій полуостровъ принадлежитъ въ одно и то же время, какъ говоритъ Реклю, къ Азіи и Африкѣ, какъ переходная ступень между этими двумя частями свѣта. По контурамъ, по направленію горъ, по климатическимъ условіямъ,—это преимущественно Африканская земля; по скату же своихъ потоковъ, по смежности съ

---

[1]) Гора Сейръ—по Библіи.

[2]) Слово *„машарикъ“* (множ. число отъ словъ «мишракъ», или *„машрикъ“*) обозначаетъ мѣсто, освѣщаемое восходящимъ солнцемъ. Такія мѣста представляютъ изъ себя превосходныя пастбища и поэтому въ глазахъ кочевниковъ имѣютъ особую цѣнность. (Примѣч. къ франц. перев. географіи Абульфеды).

[3]) Абульфеда. Правосл. Собесѣдникъ. 1890, августъ, стр. 379—380.

[4]) Земля и люди. Т. IX, стр. 698.

[5]) Русскій энциклопед. словарь. Спб. 1874, томъ II. Аравія.

[6]) Энциклопедич. словарь. Спб. 1890, томъ I. Аравія.

бассейномъ Ефрата, на протяженіи слишкомъ 1000 километровъ—это, напротивъ, одна изъ странъ Азіи [1]). Крайнее сходство природы обоихъ береговъ Краснаго моря даетъ ученымъ основаніе предполагать, что на мѣстѣ этого моря и Аденскаго залива произошелъ нѣкогда разрывъ поверхности материка отъ вулканическихъ причинъ, на дѣйствіе которыхъ ясно указываютъ съ одной стороны вулканическіе острова Краснаго моря а также—вулканическій поясъ, идущій отъ Хаурана до окрестностей Мекки (Гельвальдъ). Въ указанной родственности природы Аравіи съ Азіей и Африкой и нужно видѣть одну изъ причинъ, дающую исламу, возникшему на Аравійскомъ полуостровѣ, возможность успѣшнаго и широкаго распространенія на обоихъ названныхъ материкахъ стараго свѣта, какъ объ этомъ краснорѣчиво говоритъ современное распространеніе этой религіи.

Колыбелью ислама была собственно Хеджазская область съ двумя большими ея городами: Меккою—родиной Мухаммеда и Мединой—городомъ смерти его, въ которомъ онъ былъ похороненъ и гдѣ до сихъ поръ находится его могила. Названіе „*Хеджазъ*“ означаетъ собственно „страну раздѣла“ или потому, какъ говоритъ Риттеръ, что Хеджазскія горы отдѣляютъ приморскую область отъ внутреннихъ плоскогорій, или потому, что эта область отдѣляетъ Сирію отъ Іемена, или наконецъ потому, что поверхность Хеджаза разрѣзана горными цѣпями на нѣсколько отдѣльныхъ долинъ. Горныя вершины этой страны не достигаютъ 2000 метровъ: гранитныя формаціи и горныя породы, вторичнаго происхожденія, прерываются потоками лавы. Особеннаго вниманія заслуживаютъ встрѣчающіяся здѣсь поющія и издающія звуки горки; это такъ называемая музыка песковъ, извѣстная и въ другихъ мѣстностяхъ Аравійской пустыни. Основатель ислама, какъ извѣстно изъ его біографіи, неоднократно слышалъ голоса, ко-

[1]) Земля и люди, т. IX, стр. 693.

торымъ придавалъ сверхъестественное происхожденіе. Скаты хеджазскаго плоскогорья въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очень пологи и поверхность въ общемъ рельефѣ не представляется гористою. Хребетъ „Джебель-кора", проходящій на востокѣ отъ Мекки, въ предгорьяхъ своихъ со стороны моря возвышается отъ 500 до 1000 метровъ; перевалъ этого хребта, чрезъ который, по узкой тропинкѣ, нужно подняться, чтобы попасть въ ближайшій къ Меккѣ и хорошо извѣстный въ первоначальной исторіи ислама городъ Таифъ, стоитъ на высотѣ около 1600 метровъ. а гора Бени-Суфьянъ на юго-востокѣ полуострова возвышается не менѣе какъ на 2000 метровъ. Къ самой Меккѣ, лежащей на покатости, въ равнинѣ, спускающейся на западъ къ городу Джедда, подъемъ весьма незначительный. Въ горахъ и предгорьяхъ весело журчатъ ручьи, пробивающіеся по дну овраговъ, между глыбами гранита; поверхность скалъ покрыта пестрою зеленью цвѣтовъ, а фруктовыя деревья укрываютъ подъ своею тѣнью бѣдныя хижины поселянъ.

Іеменъ почти сплошь состоитъ изъ гористаго плоскогорья, по которому, параллельно Красному морю, тянутся горныя цѣпи, составляющія продолженіе Хеджазскихъ горъ. Городъ Сана лежитъ на высотѣ 2130 метровъ. Въ долинахъ склоны горъ обработаны террасами и покрыты красивою зеленью. Въ продуктахъ земледѣлія и садоводства осѣдлые жители этой страны всегда находили главный источникъ своего благосостоянія, но для кочевой жизни здѣсь нѣтъ большихъ удобствъ.

Къ характеристикѣ всего западнаго побережья Аравійскаго полуострова нужно добавить еще и то, что горные хребты его состоятъ изъ породъ огненнаго происхожденія и что неправильности въ береговой линіи, круто во многихъ мѣстахъ поднимающейся отъ морского берега, обязаны разрыву почвы подъ вліяніемъ вулканическихъ причинъ.

Южный берегъ Аравійскаго полуострова, имѣющій протяженіе почти въ тысячу миль, большею частію довольно низменный, усѣянъ вулканическими горками и постепенно поднимается во внутрь страны террасами, имѣющими не болѣе 1000 метровъ высоты. По другую сторону этой горной цѣпи поверхность снова понижается по направленію къ большой внутренней равнинѣ. Находящіяся въ центрѣ Аравійскаго полуострова горы Неджда тянутся до горныхъ цѣпей, расположенныхъ по берегамъ Краснаго моря; въ нихъ встрѣчаются кратеры и застывшіе потоки лавы. Здѣсь въ области „Харра“ [1]) находится пустынная и каменистая часть полуострова. Къ востоку отъ Мадіанской земли находится другая вулканическая мѣстность (Харра), изъ которой арабы добываютъ базальтовыя ступки и жернова. На сѣверо-востокѣ отъ Мединѣ, близъ города Хайбара, находится такъ называемая „Огненная Харра“, вулканическая дѣятельность которой проявлялась еще во времена историческаго періода Аравіи, именно—по преданію — за шесть столѣтій до Мухаммеда, а также — въ правленіе второго халифа Омара. Извѣстная въ исторіи жизни Мухаммеда гора Оходъ [2]) принадлежитъ также къ вулканическимъ. Буркхартъ въ своемъ путешествіи изъ Мекки въ Медину имѣлъ случай замѣтить нѣсколько мѣстностей, казавшихся ему вулканическими. Что касается до Харры Мединской, то она расположена приблизительно въ 8 верстахъ къ востоку отъ этого города. Буркхартъ приводитъ слѣдующій разсказъ объ изверженіи, предшествуемомъ землетрясеніемъ, въ 654 г. отъ Хиджры (1256 по Р. Х.): „Мухаммедъ сказалъ, что часъ, то есть

---

[1]) *Харра* на арабскомъ языкѣ означаетъ каменистую почву, покрытую черными камнями, получившими черный цвѣтъ подъ вліяніемъ огня.

[2]) Указанія на эту гору можно видѣть въ Коранѣ гл. 3, ст. 117—122.

конецъ міра, ознаменуется огнемъ, который отъ Хеджаса будетъ видѣнъ до Сиріи и который обольетъ шеи босринскихъ верблюдовъ свѣтомъ". Вскорѣ послѣ смерти Мухаммеда, въ халифатъ Омара, было, какъ говорятъ, изверженіе. Что касается изверженія въ 1256 г., то огонь, по нѣкоторымъ разсказамъ, показывался въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ. Мединскія женщины пряли по вечерамъ при свѣтѣ этого огня. Огонь выходилъ съ сѣверной стороны, двигаясь подобно муравью. Онъ пожиралъ камни и все, что ему попадалось на пути: только дерево противостояло ему. Два человѣка, приблизившіеся къ огню, не чувствовали большого жара; но когда одинъ изъ нихъ погрузилъ стрѣлу въ землю, желѣзо расплавилось; когда онъ погрузилъ стрѣлу другимъ концомъ, перья ея сгорѣли; но дерево осталось невредимымъ. Всѣ думали, что свѣту — конецъ, и всѣ умы обратились къ Богу. Начальникъ Медины, въ надеждѣ умилостивить гнѣвъ неба, поспѣшно отмѣнилъ нѣсколько обременительныхъ податей и освободилъ своихъ рабовъ. Вѣрно то, что черезъ нѣкоторое время мединская мечеть стала жертвою страшнаго пожара и что татары взяли Багдадъ и ниспровергли халифатъ. Оба эти событія были сочтены мусульманами за предостереженіе неба. — Огонь расплавилъ горы, находившіяся на его пути. Долина Шаза была завалена лавою. Вода, не имѣя болѣе стока, стала прибывать и образовала озеро, берега котораго терялись изъ виду; казалось, что это — Нилъ во время разлитія. Черезъ 36 лѣтъ вода открыла себѣ путь и стала стекать, на что потребовался цѣлый годъ. Впослѣдствіи долина еще разъ была завалена лавою и опять очистилась отъ нея [1]).

Въ промежуткѣ горныхъ кряжей Заіорданской страны, Идумеи и различныхъ Харръ на западѣ, горы Шаммаръ на югѣ, равнинъ Ефрата на востокѣ заключается огромное пространство въ полмилліона слиш-

[1]) Правосл. Собесѣд. 1890 г. апрѣль, стр. 519.

комъ кв. километровъ называемое „Аравійскою пустынею“ (Бадіату-ль-арабъ). Большая часть этого пространства представляетъ собою степь, на которой кочующіе бедуины находятъ въ изобиліи траву для своихъ стадъ; но за исключеніемъ такихъ пространствъ остальная поверхность представляетъ собою отчасти каменистую, отчасти песчаную пустыню, по которой знаменитый предводитель арміи Мухаммеда Холедъ совершилъ небывалый ни ранѣе ни послѣ походъ въ Тадморскій оазисъ, гдѣ и разбилъ византійскія войска.

На три стороны (за исключеніемъ западной) отъ горы Шаммара и Неджда простираются пустынныя песчаныя пространства (Нефудъ), составляющія продолженіе большой Аравійской пустыни, простирающейся на юговостокъ между Недждомъ, Хадрамаутомъ и Оманомъ и занимающей почти четверть всего полуострова. Сѣверная окраина этой пустыни камениста и напоминаетъ покинутый водами берегъ, а остальная часть песчаная, покрытая крупнымъ пескомъ краснаго, почти малиноваго, цвѣта, придающаго ей видъ кроваваго или огненнаго моря, на поверхности котораго отъ дѣйствія вѣтра поднимаются „пламенныя волны“, приводящія въ содроганіе путешественника [1]). Подъ вліяніемъ вѣтровъ, дующихъ съ сѣвера на югъ, а равно подъ вліяніемъ вращательнаго движенія земли, пески, отставая отъ земного вращенія, перемѣщаются здѣсь отъ востока къ западу и образуютъ волнообразныя возвышенія, достигающія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до ста метровъ въ высоту. Вотъ что говоритъ позднѣйшій англійскій путешественникъ по Аравіи Дж. Пальгрэвъ объ этой мѣстности: „Мы шли по громадному

[1]) У Гиббона замѣчено, что вѣтры въ Аравіи не только не освѣжаютъ, но распространяютъ вредные и даже смертоносные песочные бураны, они вздымаютъ песочныя горы, которыя можно сравнить съ высоко подымающимися волнами океана; въ этихъ песочныхъ вѣтрахъ нерѣдко погибали цѣлые караваны и цѣлыя арміи (?!). Т. V, стр. 467.

океану сыпучаго красноватаго песку, казавшемуся безграничнымъ и покрытому громадными песчаными кряжами, которые тянулись отъ сѣвера къ югу параллельно одинъ другому, волна за волной. Каждый холмъ имѣлъ двѣсти или триста футовъ средней высоты, отлогіе берега и круглую вершину, изборожденную во всѣхъ направленіяхъ причудливыми вѣтрами пустыни. Въ глубинѣ ущелья, среди этихъ холмовъ, путешественникъ чувствуетъ себя какъ-бы заключеннымъ въ душную песчаную яму, обставленную горячими стѣнами со всѣхъ сторонъ. Взбираясь на склонъ ихъ, онъ видитъ внизу обширное море, вздымающееся подъ напоромъ муссона и раздробляемое поперечнымъ дуновеніемъ на мелкія краснозноиныя волны. Нѣтъ ни убѣжища, ни отдыха для глазъ или членовъ среди этихъ потоковъ свѣта и зноя, льющихся съ высоты и отражаемыхъ внизу съ такимъ же нестерпимымъ блескомъ.

„Прибавьте къ этому утомительность пути въ длинные лѣтніе дни. Мы подвигались съ трудомъ или лучше—перебирались въ бродъ по жидкой и жгучей почвѣ на спотыкавшихся и полуодурѣлыхъ верблюдахъ, засыпая ночью только на нѣсколько прерываемыхъ часовъ и не имѣя днемъ никакого отдыха, по совершенному отсутствію пристанища. У насъ было мало запасовъ пищи, а еще менѣе питья, и при томъ теплая и утратившая свой цвѣтъ вода въ бурдюкахъ быстро убавлялась не столько отъ употребленія, сколько отъ испаренія. Вертикально падавшее солнце жгло до того, что одежда, багажъ, попоны,—все принимало горѣлый запахъ и едва допускало прикосновеніе. Шумная веселость бедуиновъ скоро истощилась; разсѣянные въ безпорядкѣ, кто впереди, кто сзади, они продолжали свой путь въ молчаніи, прерываемомъ только гнѣвнымъ ворчаніемъ верблюдовъ при частомъ понуканіи своихъ погонщиковъ“ [1]).

---

[1]) **Джиффордъ Пальгрэвъ. Путешествіе по Средней и Восточной Аравіи. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1875, стр. 65.**

Кромѣ этихъ песчаныхъ бугровъ, въ Аравійской пустынѣ встрѣчаются еще глубокія воронкообразныя пропасти (фульджи), глубину которыхъ новѣйшіе путешественники по Аравіи опредѣляютъ отъ 70—80 до 240 метровъ глубины. На сѣверѣ Хадрамаута до сихъ поръ сохранилось еще названіе пустыни, упомянутой въ Коранѣ „*Алъ-ахкафъ*," въ которой, по преданію, жили аборигены Аравіи—Адяне.

Песчаная пустыня Аравіи въ сѣверной своей части при всей своей безжизненности не совершенно лишена растительности: весной среди песковъ въ ней, кромѣ кустарника *гата* и дикаго виноградника, въ достаточномъ количествѣ растутъ сочныя травы, и кочевники по цѣлымъ недѣлямъ кормятъ ими свои стада, но за то сами могутъ довольствоваться только верблюжьимъ молокомъ, какъ на большихъ песчаныхъ пространствахъ Средней Азіи (*кара-кумы*, *кызылъ-кумы*), кочующіе со своими стадами киргизы и туркмены проводятъ весну, находя среди песковъ достаточно корму для своего скота. Какъ ни странно представлять себѣ, чтобы такія безжизненныя пространства могли производить возвышенное впечатлѣніе на человѣческій духъ, однако несомнѣнно, что арабы, по отзывамъ европейскихъ путешественниковъ, страстно любятъ жить въ пустынѣ, гдѣ они чувствуютъ себя вполнѣ довольными, какъ и наши среднеазіатскіе кочевники на просторѣ почти голой степи чувствуютъ себя гораздо свободнѣе и бодрѣе, чѣмъ вблизи культурныхъ мѣстностей.

Въ отношеніи орошенія Аравійскій полуостровъ почти исключительно зависитъ отъ югозападныхъ муссоновъ, которые приносятъ на его поверхность дожди; но эта влажность значительно растрачивается на своемъ пути отъ экваторіальныхъ морей чрезъ обширный африканскій материкъ, такъ что на долю собственно Аравіи остается немного ливней, чтобы поддерживать въ ней растительность. Въ Аравіи совсѣмъ нѣтъ рѣкъ въ нашемъ смыслѣ; тамъ рѣки замѣняются горными потоками. Въ горахъ значительное количество воды

удерживается изъ облаковъ долѣе и изливается оттуда или въ видѣ постоянныхъ источниковъ и ручьевъ, жадно поглощаемыхъ накаленной почвой; по мѣрѣ своего удаленія отъ горъ эти благодѣтельныя струи живительной влаги быстро уменьшаются и теряются наконецъ въ равнинахъ въ видѣ небольшихъ струекъ. Въ концѣ марта и въ началѣ апрѣля арабскій земледѣлецъ получаетъ нѣсколько ливней, которые и поддерживаютъ его земледѣліе и садоводство. Не безъ причины на эти ливни обращено вниманіе въ Коранѣ: „Пусть обратитъ человѣкъ взоръ свой на то, чѣмъ питается онъ. Мы (т. е. Богъ) проливаемъ воду ливнями, потомъ заставляемъ землю растрескиваться трещинами, выращаемъ на ней хлѣбъ, виноградъ, овощи, маслины, пальмы, сады, обильные деревами, плоды и злаки, въ продовольствіе вамъ и скоту вашему“ (гл. 80, ст. 24—30). И въ другомъ мѣстѣ: „Мы (т. е. Богъ) ниспосылаемъ съ небесъ благословенную воду: ею мы возращаемъ сады, хлѣбъ на нивахъ, высокія пальмы для пропитанія людямъ; ею оживляемъ омертвѣвшую страну (гл. 50, ст. 9—11)“. Ливни выпадаютъ обыкновенно въ сильныя жары, наступающія въ разныхъ мѣстахъ полуострова въ разное время года, соотвѣтственно различнымъ географическимъ условіямъ этихъ мѣстностей: въ Геджасѣ, напримѣръ, дожди преимущественно выпадаютъ въ декабрѣ; въ Іеменѣ—въ концѣ іюня и іюлѣ, въ Омарѣ — въ декабрѣ и январѣ. Но вообще получаемой изъ атмосферы влажности въ Аравіи далеко недостаточно для всѣхъ нуждъ ея жителей: „Часто, читаемъ у Реклю, населенія ждутъ по цѣлымъ недѣлямъ и даже мѣсяцамъ живительный воды; то и дѣло смотрятъ на небо, вопрошаютъ вѣтеръ и всѣ явленія атмосферы; обычныя дѣла прерываются; даже война пріостанавливается между племенами. Всѣ жители деревни, отъ мала до велика, собираются гдѣ нибудь на открытомъ мѣстѣ, чтобы внимательно слѣдить за облакомъ, образующимся на горизонтѣ, и когда оно разрѣшится дождемъ, когда вода заструится въ

оврагахъ и песчаное ложе наполнится быстрымъ потокомъ, собравшаяся толпа привѣтствуетъ это событіе пѣснями и радостными криками. Народъ бѣжитъ въ перегонку съ наводненіемъ, образуя кортежъ, сопровождающій давно желанный потокъ, точно какое-нибудь божество.

Но при выходѣ изъ горъ земледѣльцы располагаютъ лишь частью выпавшей съ неба воды. Гдѣ начинаются пески и каменистыя пространства пустыни, тамъ потоки исчезаютъ. Нѣкоторые изъ нихъ снова выходятъ на поверхность въ низинахъ или лощинахъ и образуютъ оазисы, когда вода не насытилась солью въ нѣдрахъ земли; есть и такіе, которыя скопляются въ озера, постоянныя или временныя, въ глинистыхъ впадинахъ. Когда вода въ этихъ бассейнахъ испарится, одни изъ нихъ являются бѣлыми отъ покрывающаго ихъ соляного налета; другіе, которые были наполнены прѣсной водой, представляютъ лишь бурую поверхность опорожненнаго водовмѣстилища, изборожденную правильными трещинами: но съ небольшого разстоянія виденъ еще свѣтъ, отражающійся какъ бы отъ жидкой площади: нигдѣ миражъ воды не является чаще и не производитъ болѣе полной иллюзіи, какъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ естественно нужно было разсчитывать найти воду, то есть въ бассейнахъ высохшихъ горъ: можно сказать, что испаряясь, озерная поверхность оставляетъ по крайней мѣрѣ свой образъ“ [1]).

Аравія—одна изъ знойныхъ странъ земного шара, въ которой часто отъ солнечнаго зноя даже камни трескаются и распадаются. Солнечное лучеиспусканіе въ пустынѣ настолько велико, что бедуины, дорожащіе своею обувью, вынуждены бываютъ надѣвать послѣ полудня обувь, такъ какъ прикосновеніе босыхъ ногъ къ песку чрезвычайно болѣзненно,—до такой степени онъ накаляется солнечными лучами, а болѣе темные камни бываетъ невозможно взять въ руки даже въ

[1]) Реклю. Т. IX, стр. 717—718.

перчаткахъ. Вслѣдствіе сильнаго нагрѣванія, частицы камней расширяются и нѣсколько удаляются одна отъ другой; ночью эти частицы охлаждаются и снова сближаются, чтобы днемъ, подъ солнечными лучами, разъединиться вновь. Но такъ какъ нагрѣваніе въ пустынѣ гораздо сильнѣе охлажденія, то съ теченіемъ времени въ каменной массѣ образуются щели, которыя облегчаютъ работу дождевымъ ливнямъ. Послѣ этого совершенно понятно, почему Мухаммедъ, описывая предъ своими слушателями райское блаженство, такъ часто и увлекательно говоритъ, что въ райскихъ садахъ будутъ протекать ручьи свѣжей, чистой воды и под. Въ такой жгучей атмосферѣ даже туземцы страдаютъ всякаго рода немощами, въ числѣ которыхъ слѣпота особенно часто поражаетъ прибрежныхъ жителей полуострова; только населеніе Неджда, благодаря значительной высотѣ его поверхности, болѣе счастливо и пользуется здоровымъ климатомъ. Къ числу тяжелыхъ климатическихъ условій Аравіи относятся сильные и разрушительные вѣтры, какъ напримѣръ, изсушающій самумъ. Изъ описаній европейскихъ путешественниковъ хорошо извѣстны ужасающія картины, какими сопровождаются движенія вѣтровъ въ пустынѣ. Такъ у С. Борисгофера мы находимъ слѣдующія строки:

„Послѣ полудня первыя завыванія бури потрясли воздухъ. Песокъ поднялся, какъ сѣрый, колеблемый вѣтромъ парусъ, столбомъ взвился къ небу и посыпался на людей и животныхъ, вызывая невыносимый зудъ въ кожѣ; за первымъ порывомъ вѣтра послѣдовалъ второй: верблюды потупили головы и остановились. Начальникъ каравана подалъ знакъ передовымъ всадникамъ, и весь поѣздъ остановился; бедуины закутали лица, обвязали животнымъ головы и стали снимать съ нихъ вьюки. Всѣ шептали молитву...

„Присматривайтесь хорошенько къ туземцамъ, шепнулъ сэръ Аустинъ своимъ, и подражайте имъ во всемъ. Они въ точности исполнили его совѣтъ. Каждый изъ бедуинъ [illegible] ничкомъ на песокъ рядомъ со своимъ

верблюдомъ; завываніе бури смѣшивалось съ голосами, бормотавшими молитвы, а по временамъ раздавались крики ужаса, когда массы песку грозили засыпать и задавить кого-нибудь изъ несчастныхъ. Никто не видалъ другъ друга, никто не рѣшался поднять голову. Въ каждую скважину проникала раскаленная пыль, возбуждая невыносимую жажду, головокруженіе и обморокъ. Въ воздухѣ раздавался грохотъ и вой вѣтра, но среди живыхъ существъ наступила гробовая тишина, не прерываемая ни крикомъ верблюдовъ, ни воемъ собакъ; люди цѣпенѣли отъ ужаса при сознаніи своей безусловной беззащитности. Іоганнъ впалъ въ полусознательное состояніе: ему грезился родительскій домъ и онъ не зналъ, что такъ невыносимо жгло его глаза — слезы ли, горячей волной подступавшія къ горлу, или раскаленная пыль? Неужели онъ погибнетъ здѣсь среди песковъ, никогда не увидавъ больше своихъ родителей? Какой жалкій, ужасный конецъ! Онъ припоминалъ, что въ древности цѣлая римская армія была засыпана самумомъ; вѣдь и теперь могло повториться то же самое. Чрезъ него безпрестанно проносились горячія волны. Сколько времени продолжалась эта пытка? Онъ потерялъ сознаніе времени и ему показалось, что прошла цѣлая вѣчность. Мысли путались какъ въ горячкѣ, всѣ смѣшивались въ одинъ смутный хаосъ. Дыханіе становилось все тяжелѣе, воспаленіе рта и горла все усиливалось, и Іоганну казалось, что приближается смерть. Другіе испытывали то же самое. Докторъ лежалъ, какъ мертвецъ, съ посинѣвшимъ лицомъ и не могъ пошевельнуться. Бедуины выдерживали съ гораздо большимъ успѣхомъ. Али-Сіабъ поднялъ голову и оглядѣлся. Не убѣжать ли ему теперь? Онъ тихонько выпрямился во весь ростъ; буря все еще бушевала, но порывы вѣтра стали рѣже и слабѣе. Бедуинъ стряхнулъ съ себя песокъ, окликнулъ своего верблюда и уже хотѣлъ вскочить на него, но нѣсколько товарищей тоже встали; онъ увидалъ передъ собой нѣсколько озлобленныхъ лицъ и услыхалъ жестокія

слова. Несчастный уныло опустилъ руки и покорился своей судьбѣ. Наконецъ люди стали постепенно подниматься изъ песку, но доктора и Іоганна пришлось съ трудомъ приводить въ чувство“ [1]).

Въ отношеніи флоры и фауны Аравія раздѣляется на нѣсколько поясовъ. Въ Сѣверной Аравіи деревьевъ почти нѣтъ, а травы и мелкіе кустарники появляются только раннею весной; въ концѣ мая всѣ растенія засыхаютъ и сливаются въ общей окраскѣ съ песчанымъ видомъ пустыни; въ центральной Аравіи растительныхъ видовъ также немного, но за то въ оазисахъ растутъ многочисленные виды финиковыхъ пальмъ, доставляющихъ путешественнику не только пріятную прохладу, но и лакомую пищу. Особенно богата разнообразною растительностію южная и юго-западная части Счастливой Аравіи. На юго-западныхъ горахъ Аравіи встрѣчаются также лѣса изъ различныхъ породъ акаціи и особенно молочайныя и другія сочныя растенія. Въ древности горы южной Аравіи славились также лѣкарственными и благовонными растеніями: александрійскій листъ, кассія, мирра, получаемая изъ коры бальзамнаго дерева, ладанъ и камедь [2]). Кромѣ того, въ Аравіи съ давнихъ поръ разводились нѣкоторыя пряности и красильныя вещества.

Изъ хлѣбныхъ растеній на плоскогоріяхъ Аравіи успѣшно воздѣлываются: пшеница, кукуруза, рисъ, просо, чечевица, а изъ садовыхъ растеній: виноградъ и разныя плодовыя деревья и кустарники, какъ напримѣръ: гранаты, померанцы. Хлопчатникъ и сахарный тростникъ также извѣсты въ Аравіи. Но въ Геджасѣ самымъ цѣннымъ и распространеннымъ деревомъ была и есть фи-

---

[1]) С. Ворисгоферъ. Чрезъ дебри и пустыни. Стр. 428—429.

[2]) Объ аравійскомъ ладанѣ писалъ еще Плиній въ своей Hist. Natur. XII, 42, а Мильтонъ въ четвертой пѣсни своей поэмы упоминаетъ «о пріятныхъ благоуханіяхъ Сабеи, доносимыхъ восточнымъ вѣтромъ съ береговъ аравійскихъ». См. Потерянный Рай. Переводъ Писарева, стр. 115 (Москва, 1871).

никовая пальма, имѣющая въ этой области болѣе ста разновидностей. Она, вмѣстѣ съ виноградомъ, доставляетъ жителямъ любимую пріятную пищу. По преданію, основатель ислама, уроженецъ Хеджаса, сказалъ: „финиковое дерево — ваша мать“. Въ одномъ мѣстѣ Корана основатель ислама, рисуя картину домашняго довольства, разсказалъ слѣдующую притчу о двухъ человѣкахъ: одному изъ нихъ Богъ возрастилъ два сада изъ виноградныхъ лозъ и обсадилъ ихъ кругомъ пальмами, а между ними засѣялъ нивы. Оба сада приносили плоды, въ которыхъ не было никакой порчи. Внутри садовъ Богъ повелѣлъ протекать рѣкѣ..... И сказалъ хозяинъ этихъ садовъ своему другу, разговаривавшему съ нимъ: „Я богаче тебя имуществомъ и счастливѣе семействомъ“ (гл. 18, ст. 31—32).

Финиковая пальма много разъ упоминается въ Коранѣ. „Изъ плодовъ пальмъ“—говорится въ этой книгѣ—„вы достаете себѣ упоительную влагу и прекрасную пищу: въ этомъ—знаменіе для людей разсудительныхъ“. (Глав. XVI, ст. 69). Чтобы представить всѣ выгоды, доставляемыя пальмою жителямъ пустыни, нужно имѣть въ виду, что каждое финиковое дерево даетъ въ среднемъ 600—800 фунтовъ плодовъ. Цвѣтеніе его начинается обыкновенно въ концѣ декабря, а созрѣваніе плодовъ продолжается съ іюля до ноября. Изъ 100 частей плода 10 частей приходится на косточку, 5—на кожицу и 85 на плодовое мясо. Въ 100 частяхъ финиковой мякоти заключается: 30 частей воды, 36 сахара, 23 бѣлковыхъ веществъ, 1 часть клѣтчатки, 0,75 лимонной кислоты и проч. минеральныхъ веществъ и особенно такъ называемаго кумарина, которому финики обязаны своимъ превосходнымъ вкусомъ.

„Арабы приготовляютъ себѣ изъ фиников весьма разнообразныя блюда; плоды употребляются ими какъ въ свѣжемъ видѣ, такъ и въ сушономъ, вяленомъ и вареномъ. Финики остаются свѣжими въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, и такъ какъ ихъ періодъ созрѣванія весьма

различенъ для разныхъ сортовъ, которыхъ здѣсь насчитывается свыше шестидесяти, то и блюда бываютъ весьма разнообразны. Всѣ европейскіе путешественники, посѣтившіе оазисы, какъ Фогель, Бартъ, и др., единогласно подтверждаютъ, что опытныя хозяйки-аравитянки готовятъ изъ фиников въ теченіе мѣсяца ежедневно разныя блюда, такъ что ни одно блюдо ни разу не повторяется въ теченіе сказаннаго времени.

„По словамъ извѣстнаго изслѣдователя центральной Африки, Рольфса, самымъ любимымъ блюдомъ арабовъ-пустынножителей являются свѣжіе финики, которые они обмакиваютъ въ растопленное сливочное масло: но подобная роскошь доступна только наиболѣе состоятельнымъ; лица же средняго достатка замѣняютъ сливочное масло сывороткой изъ-подъ сбитаго масла (пахтаньемъ) которою они запиваютъ съѣдаемые плоды; самые бѣдные запиваютъ водою для утоленія возбуждаемой финиками жажды. Пока семья араба обѣдаетъ, собаки поодаль дожидаются, когда имъ кинутъ порченные или недозрѣвшіе плоды, которые онѣ съ жадностью съѣдаютъ; для овецъ и козъ приготовляется лакомый кормъ, состоящій изъ толченыхъ финиковыхъ косточекъ. Этимъ же кормомъ питаются въ Сахарѣ лошади, ослы и верблюды.

„Часть плодовъ въ вяленомъ видѣ, предварительно освободивъ отъ косточекъ, укладываютъ въ корзины, плотно сжимаютъ и, такимъ образомъ, получается „финиковый хлѣбъ“ — чрезвычайно вкусныя лепешки, легко сохраняющіяся въ теченіе многихъ лѣтъ. Продающаяся въ Каирѣ арабами, такъ называемая, „финиковая колбаса“ есть не что иное, какъ финиковый хлѣбъ, къ которому жители пустыни примѣшиваютъ извѣстную часть сладкаго и горькаго миндаля. Наконецъ, высушенные до твердаго состоянія финики арабы превращаютъ въ муку, которую ѣдятъ просто, сваривъ на водѣ, или же съ прибавленіемъ ячменной муки и масла. Изъ этой муки и оливковаго масла арабы пекутъ оладьи, соусомъ къ которымъ служитъ сиропъ или,

вѣрнѣе, сгущенный сокъ изъ свѣжевываренныхъ финиковъ.

„Верхушечныя почки и цвѣточныя чашечки также идутъ въ пищу: изрубленными съ приправою оливковаго масла ихъ ѣдятъ подъ названіемъ „пальмовой капусты“, а сваренными со сгущеннымъ финиковымъ сокомъ онѣ являются любимымъ блюдомъ, которое арабы называютъ „пальмовымъ сыромъ“. Наконецъ, молодые побѣги на самой вершинѣ кроны весьма вкусны, напоминая орѣхи. Если къ этому прибавить, что сушеныя и размолотыя ядра финика даютъ весьма вкусный кофе, то обзоръ пищевого значенія этой пальмы будетъ исчерпанъ, но не будетъ законченъ обзоръ прочихъ полезныхъ примѣненій, какія находитъ себѣ это удивительное растеніе.

„Окруженный безбрежной и безжизненной пустыней, по которой вѣчно несутся песчаныя волны, движимыя вѣтромъ, и гдѣ, кромѣ неба и песка, ничего нѣтъ, арабъ-пустынножитель естественно явился бы вполнѣ безпомощнымъ, если бы не существовали эти пальмы. Не только пищу себѣ и кормъ для животныхъ добываетъ человѣкъ съ одного и того же дерева, но и всю обстановку. Изъ огромныхъ и крѣпкихъ листьевъ онъ изготовляетъ себѣ всю домашнюю утварь, ковры, цыновки и попоны; изъ стебельныхъ волоконъ и тоненькихъ стеблей вьютъ веревки, вяжутъ мѣшки и сумки. приготовляютъ прочную ткань, холстъ и нитки. Изъ сшитыхъ листьевъ образуется навѣсъ и крыша надъ домами, которые строятъ изъ пальмоваго же дерева. Изъ древесныхъ волоконъ приготовляютъ мочалу, которую здѣсь, въ этой страшной по температурѣ странѣ, приходится безпрестанно примѣнять при купаньѣ; изъ нихъ изготовляются также невода́ для рыбной ловли, плетутся сандаліи и туфли, а подошвы для нихъ выдѣлываются изъ пальмовой коры. Отсюда ясно, что

арабы не даромъ называютъ это дерево „Божіимъ благословеніемъ“ [1]).

Кромѣ пальмъ въ Аравіи встрѣчаются: гада, таль, исбая, акація, лиственница, чема, а также мярхъ, гафаръ, маслина, смоковница, тамариндъ, бананы, виноградъ и гранаты [2]). Описывая прелести райской жизни, Мухаммедъ говоритъ: „Тѣмъ, которые боятся Господа своего, будутъ два сада, обильные деревами.... Въ обоихъ по два текущихъ источника.... Но кромѣ тѣхъ двухъ, есть еще два сада — темнозеленые и въ обоихъ два многоводные источника.... Въ обоихъ плоды, пальмы, гранаты“. (Гл. 55, 46—68).—Наконецъ, зерна кофейнаго дерева, растущаго въ окрестностяхъ Мекки, составляютъ также предметъ торговли, и современные арабы охотно разводятъ это дерево, но арабамъ эпохи Мухаммеда кофе не былъ извѣстенъ.

Бѣдность флоры Аравійскаго полуострова отражается и на бѣдности его фауны. Дикимъ звѣрямъ нѣтъ достаточной пищи въ Аравіи и убѣжища въ обширныхъ открытыхъ пространствахъ полуострова; тѣмъ не менѣе въ Аравіи были извѣстны: изъ хищныхъ звѣрей—львы, леопарды, гіены и лисицы, а изъ дикихъ травоядныхъ — каменный баранъ, козерогъ, антилопы, газели и дикіе ослы; изъ домашнихъ животныхъ въ Аравіи съ давнихъ временъ разводились: овцы и козы, составлявшія цѣлыя стада кочевниковъ, а также коровы; но особенно славились: верблюды и ослы, а позднѣе—лошади [3]). Въ Оманѣ водятся самые

---

[1]) Правит. Вѣстн. 1894 г.

[2]) О нѣкоторыхъ изъ этихъ породъ растительнаго царства упоминается по нѣскольку разъ въ Коранѣ. См. приложеніе къ переводу Корана Г. Саблукова, вып. 1-й, стр. 69—70.

[3]) Въ Коранѣ между прочимъ упоминаются кони быстробѣгущіе съ пыханіемъ и выбивающіе искры, пускающіеся въ набѣгъ съ ранняго утра, поднимающіе пыль и врывающіеся въ средину толпы (гл. 100, ст. 1—5). Достойно замѣчанія то, что Му-

быстрые дромадеры, а въ горахъ Гадрамаута верблюды отличаются особенной смышленостью. Порода верблюдовъ въ Аравіи имѣетъ очень много разновидностей, но всѣ они одинаково любимы мѣстными жителями, потому что они удовлетворяютъ всѣмъ потребностямъ жителей, не только какъ вьючное, но и какъ верховое животное. На верблюдахъ осѣдлые арабы выѣзжали даже на войну. Реклю приводитъ арабскую легенду, по которой „верблюдъ и финиковая пальма были сотворены Богомъ изъ той же земли, какъ и Адамъ; они были въ земномъ раю вмѣстѣ съ первымъ человѣкомъ, они будутъ сопровождать его также и въ будущій міръ, какъ это символизировалъ древній обычай, требовавшій, чтобы верблюда оставляли умирать съ голоду подлѣ могилы его умершаго хозяина. Этотъ жестокій обычай не соблюдается болѣе со временъ Мухаммеда; но если арабъ теперь уже не пріобщаетъ верблюда къ своей смерти, то онъ заставляетъ его дѣлить съ нимъ существованіе, допускаетъ его къ своимъ празднествамъ и даже къ религіознымъ обрядамъ: когда толпа пилигримовъ собирается у подошвы горы Арафатъ, съ высоты верблюда раздаются поученія проповѣдника. Первая мечеть была построена на томъ мѣстѣ, гдѣ легла на ночлегъ верблюдица пророка во время бѣгства его изъ Мекки въ Медину — событія, отъ котораго мусульмане ведутъ свое лѣтосчисленіе (гидржа). Новорожденнаго верблюженка арабъ носитъ на рукахъ: „у насъ родился ребенокъ!“ радостно кричатъ члены семьи, какъ будто дѣло идетъ о появленіи на свѣтъ новаго сочлена, человѣческаго младенца: за нимъ также заботливо ухаживаютъ, какъ за роднымъ сыномъ или дочерью; ему навѣшиваютъ на шею амулетокъ, чтобы отвратить отъ него дурной глазъ. Никогда арабъ не ударитъ своего верблюда; на ходу онъ

хаммедъ клянется такими конями, т. е. что онъ придавалъ имъ большое значеніе въ глазахъ арабовъ.

подбодряетъ его только голосомъ и пѣніемъ; онъ говоритъ съ нимъ, какъ съ товарищемъ, и разсказываетъ ему длинныя исторіи и сказки; онъ никогда не позволитъ оскорбить его и смотритъ, какъ на личную обиду, на всякое браное слово, сказанное его любимому животному. Какъ братъ въ семьѣ, вѣрное животное можетъ сдѣлаться причиной родовой мести: кровь верблюда требуетъ крови человѣка. Шесть сотъ именъ и эпитетовъ по Бухарту, тысяча по Шардену,—обозначаютъ и прославляютъ верблюда. Арабъ пустыни платитъ свой долгъ признательности животному, безъ котораго онъ не могъ бы бѣжать въ пустынныя пространства и сохранить свою гордую независимость. Если бы у него не было верблюда, онъ тоже подпалъ бы подъ иго завоевателей; безъ верблюда и арабъ былъ бы приниженъ до уровня тѣхъ презрѣнныхъ феллаховъ, которые пашутъ землю на берегахъ Нила или Ороита“ [1]).

Наряду съ верблюдомъ въ Аравіи, какъ вьючное животное, считается оселъ, а какъ верховое—лошадь. Не говоря о достоинствахъ арабскаго осла, съ которымъ по физическимъ качествамъ и по смышлености не можетъ идти въ сравненіе нашъ туркестанскій оселъ,—извѣстная всему міру „арабская лошадь“ водится преимущественно въ сѣверныхъ степяхъ Аравіи [2]), гдѣ эта прекрасная порода животныхъ находитъ себѣ соотвѣтствующій климатъ, сочную траву въ пищу, а также полный просторъ и приволье. Отличительное ихъ свойство — сильный и легкій бѣгъ при необыкновенной выносливости и умѣренности въ пищѣ и питьѣ. За такія выдающіяся свойства арабскія лошади считаются друзьями своихъ хозяевъ и никогда

---

[1]) Реклю, т. IX, Аравія, стр. 737.

[2]) По свидѣтельству Винера, лошади еще не были извѣстны арабамъ во время Моисея; во времена Страбона лошади были тамъ рѣдки; Амміанъ первый упоминаетъ о конныхъ арабахъ (Вейсъ, I, 125).

не видятъ отъ нихъ ничего, кромѣ ласки и добраго слова; за то и конь никогда не лягнетъ своего хозяина и не сброситъ его, а въ минуту опасности не щадитъ себя. Въ древней арабской поэзіи конь занимаетъ если не первое, то одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. И это понятно: древній арабскій рыцарь (Фарисъ) безъ коня немыслимъ и всѣ его подвиги безусловно обязаны превосходнымъ качествамъ этого благороднаго животнаго.

Изъ птицъ въ Аравіи извѣстны: орлы, соколы, коршуны, вороны, удоды, а также — горлицы, куры и фазаны; но самое видное мѣсто принадлежитъ страусу, этому верблюду въ царствѣ птицъ. Перья страуса составляютъ цѣнный предметъ торговли. Въ Аравіи водятся также: змѣи, ящерицы, скорпіоны, пауки и саранча. Послѣднюю бедуины охотно употребляютъ въ пищу (ср. Еванг. разсказъ о пищѣ св. Іоанна Предтечи).

Изъ минеральнаго царства въ Аравіи добывались: желѣзо, мѣдь, позднѣе свинецъ, а изъ драгоцѣнностей —жемчугъ, яхонты и кораллы. Отправленіе товаровъ къ торговымъ пунктамъ производилось караваннымъ способомъ при помощи верблюдовъ, характерно называемыхъ „кораблемъ пустыни“. Основатель ислама и самъ принималъ участіе въ караванной торговлѣ, сначала вмѣстѣ съ своимъ дядей, а потомъ, какъ довѣренный первой своей жены Хадиджи. Путешествія эти познакомили Мухаммеда съ религіознымъ и политическимъ состояніемъ Аравіи, а также и съ природою страны. Родясь внутри полуострова, онъ во время своихъ торговыхъ путешествій доходилъ до береговыхъ границъ Аравіи, которыя дали ему много новыхъ мыслей. Пользуясь во время своей жизни верблюдомъ, Мухаммедъ отдавалъ должное значеніе и водяному пути, считалъ море благодѣяніемъ Божіимъ для арабовъ. „Богъ отдалъ во власть вамъ море, говорится въ Коранѣ, чтобы изъ него вы питались свѣжимъ мясомъ, чтобы доставали изъ него украшенія для себя, какія есть на вашей одеждѣ. Видимъ, какъ корабли съ шу-

момъ разсѣкаютъ море, чтобы доставить вамъ блага отъ Бога и побудить васъ къ благодаренію“ (гл. 16, ст. 14; ср. гл. 34, ст. 13). Въ другомъ мѣстѣ онъ поучаетъ невѣрующихъ картиною волнующагося моря: „Дѣла невѣрующихъ подобны мраку надъ морской пучиной, когда волны покрываютъ ее, поднимаясь одна надъ другой, а надъ ними туча: слои мрака одинъ другого темнѣе, такъ что протянувшій свою руку едва видитъ ее (гл. 24, ст. 40). Или вотъ болѣе полная картина природы Аравіи, какъ изобразилъ ее Мухаммедъ въ гл. 16, ст. 5—18 Корана: „Богъ творитъ скотъ: отъ него вамъ теплая одежда и другія полезныя вещи; отъ него вамъ также и пища; отъ него вамъ пріятность въ то время, когда вечеромъ загоняете его въ стойла, и въ то время, когда утромъ выпускаете его на пастбища. Вамъ переноситъ онъ тяжести въ тѣ страны, въ которыя вы могли бы достигать только съ усиліемъ для себя: Господь вашъ истинно благъ, милосердъ. Онъ творитъ коней, муловъ,ословъ, чтобы вамъ ѣздить на нихъ и щеголять ими. Онъ творитъ и то, чего вы не знаете.... Онъ посылаетъ съ неба воду: отъ нея вамъ питье, отъ нея растенія и трава, на которой вы пасете стада свои. Ею возращаетъ Онъ для васъ хлѣбные посѣвы, маслины, пальмы виноградныя лозы и всякіе плоды: въ этомъ знаменіе для людей размышляющихъ. Онъ поставилъ на службу вамъ день и ночь, солнце и луну; звѣзды служатъ вамъ по Его повелѣнію: въ этомъ знаменія для людей разсуждающихъ. Что разсѣялъ Онъ для васъ на землѣ, — какъ разнообразна она своими цвѣтами! Въ этомъ знаменіе для людей понимающихъ. Во власть вамъ Онъ отдалъ море, чтобы изъ него питались вы свѣжимъ мясомъ, изъ него доставали себѣ украшенія, какія на вашей одеждѣ. Видишь, какъ корабли съ шумомъ разсѣкаютъ его, чтобы доставить вамъ благотворенія Его и возбудить васъ къ благодарности. Онъ поставилъ на землѣ горныя твердыни, чтобы она съ вами не колебалась; рѣки и дороги,

чтобы ходить вамъ прямыми путями. Горныя вершины вмѣстѣ со звѣздами указываютъ вамъ прямые пути. Такъ, ужели Тотъ, Кто творитъ, таковъ же, какъ тотъ, кто не творитъ? Ужели вы не понимаете этого? Если станете перечислять благодѣянія Божіи, то вамъ вполнѣ не исчислить ихъ".

II.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ О ДРЕВНЕЙ АРАВІИ.

Аравійскій полуостровъ, по своему географическому положенію, находится на древнемъ торговомъ пути передней Азіи съ богатою Индіей; поэтому торговыя сношенія Аравіи, особенно южной части полуострова, съ Индіей восходятъ къ самымъ древнимъ временамъ исторіи [1]). Предметами этой торговли служили не только вывозимыя изъ Индіи и добываемыя на африканскомъ берегу драгоцѣнности, но и произведенія Южной Аравіи: ѳиміамъ, мирра, ладанъ, ониксъ, агатъ и нѣкоторыя металлы: желѣзо, мѣдь, свинецъ. Долгое время торговля передней Азіи съ Индіей производилась сухимъ путемъ, при помощи каравановъ, такъ какъ плаваніе по Красному морю, особенно при несовершенной конструкціи древнихъ судовъ, было крайне затруднительно и весьма опасно. Іеменскіе караваны, направляясь къ сѣверу, обыкновенно слѣдовали вдоль береговъ Краснаго моря и доходили до древней Макорабы (поздн. Мекка), отсюда до Янбо и Гавары, проходили Ятрибъ (поздн. Медина) и достигали Селы [2]), откуда уже развозились

---

[1]) Руководство къ древней исторіи Востока до персидскихъ войнъ. Соч. Фр. Ленормана. Русскій переводъ. Кіевъ, 1878. Томъ второй, выпускъ первый. Арабы. Стран. 30.

[2]) Села — еврейское названіе города древней Идумеи; по-гречески этотъ городъ назывался Петра, а по-арабски Хаджаръ. На-

въ Сирію, Палестину, Финикію, Египетъ и другіе страны [1]). Изъ Гадрамаута и Омана торговыя караваны проходили чрезъ пустыню Данъ и по высокому плоскогорью Неджеда доходили до Хеджаза и затѣмъ продолжали путь по дорогѣ іеменскихъ каравановъ [2]).

Неудивительно поэтому, что Аравія, по предѣламъ которой проходили эти торговые караваны, была извѣстна древнимъ народамъ Азіи, евреямъ, финикіянамъ, египтянамъ, вавилонянамъ, ассиріянамъ, персамъ и отчасти абиссинцамъ, а позднѣе народамъ Европы—грекамъ, римлянамъ и византійцамъ. Почти всѣ эти народы стремились если не овладѣть богатыми странами Аравіи, то подчинить своему вліянію, преимущественно же Южную Аравію. Торговые интересы были при этомъ на первомъ планѣ. Только евреи и финикіяне не домогались имѣть политическаго обладанія Аравіей. Сѣверныя области Аравіи также обращали на себя вниманіе, особенно персовъ и византійцевъ, по соображеніямъ чисто политическимъ, а потому и объ этихъ областяхъ встрѣчаются извѣстія у древнихъ писателей. Внутреннія же области Аравіи извѣстны въ исторіи гораздо менѣе, такъ какъ принимали незначительное участіе въ древней индійской торговлѣ и, по своему географическому положенію, были менѣе доступны для иноземныхъ завоевателей. Не славились эти страны и своимъ богатствомъ и потому на нихъ меньше обращали вниманіе сосѣдніе съ Аравіей народы. Сѣверныя области Аравіи почти непосредственно примыкали къ Палестинѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе живо сохранили въ памяти общія генеалогическія преданія, сходившіяся въ лицѣ Ноя и сыновъ его (Быт. гл. 10) и особенно въ лицѣ

ходится въ Каменистой Аравіи недалеко отъ Еланитскаго залива Мертваго моря. См. «Библ. словарь» прот. П. Солярскаго. Т. 3, стран. 206—207, подъ сл. «Петра».

[1]) 3 Царствъ, гл. X; Іезек. XXVII, 21—24.

[2]) Фр. Ленорманъ. Т. I, вып. 3. Финикіяне. Стран. 496 и 524—525.

Авраама и сына его Измаила, которымъ въ Коранѣ приписывается построеніе главнаго святилища арабовъ—Каабы (гл. II, ст. 118—125). Общія генеалогическія преданія и историческія обстоятельства сближали древнихъ арабовъ съ евреями, и въ Библіи находятся частыя упоминанія о жителяхъ не только сѣверной. но и южной Аравіи. Впослѣдствіи евреи имѣли даже свои поселенія въ Аравіи, съ которыми исламу нужно было вести трудную борьбу. Поэтому изложеніе историческихъ свѣдѣній о древней Аравіи мы начнемъ именно съ библейскихъ сказаній, которыя пополняютъ собою сказанія другихъ народовъ [1]). Свести разныя историческія свѣдѣнія о древнихъ арабахъ къ одной общей хронологіи довольно трудно, такъ какъ нѣкоторые писатели имѣли обыкновеніе ставить свои отличительныя хронологическія даты, иные на хронологію не указывали, а у нѣкоторыхъ писателей встрѣчаются хронологическія неопредѣленности и неточности. Въ виду этихъ обстоятельствъ, настоящая глава является опытомъ группировки историческихъ свѣдѣній объ Аравіи и ея жителяхъ,—свѣдѣній, встрѣчающихся у разныхъ древнихъ народовъ, находившихся въ соприкосновеніи съ арабами разныхъ областей и въ разныя историческія эпохи.

Въ св. книгахъ ветхаго завѣта Аравія упоминается, какъ „Земля восточная“ или просто—„Востокъ“. Такъ, объ Авраамѣ (за 2000 лѣтъ до Р. Хр.) въ книгѣ Бытія говорится: „А сынамъ наложницъ, которыя были у Авраама, далъ Авраамъ подарки и отослалъ ихъ отъ Исаака, сына своего, еще при жизни своей, на Востокъ,

---

[1]) Собрать всѣ историческія свѣдѣнія, касающіяся древней Аравіи, очень затруднительно, особенно въ Ташкентѣ, по неимѣнію подъ руками всѣхъ необходимыхъ пособій и источниковъ. Мы не нашли здѣсь даже сочин. Пококка «Specimen historiae arabum», съ которымъ были знакомы въ Казани еще въ 1870=1877 гг.

въ землю восточную (гл. XXV, ст. 6). По объясненію ученыхъ, здѣсь подъ „Землей восточной“ разумѣется Аравія, жители которой извѣстны были подъ именемъ „сыновъ востока“ (Бени-Кедемъ) [1]. Измаилъ, сынъ Авраама [2], жилъ въ сѣверной Аравіи и былъ, по общепринятому мнѣнію, родоначальникомъ нѣкоторыхъ арабскихъ племенъ. Моисей [3] жилъ въ землѣ Мадіамской, на сѣверо-западѣ Аравійскаго полуострова, и путешествовалъ съ евреями послѣ исхода изъ Египта по пустынѣ въ Каменистой Аравіи. Во времена еврейскаго царя Соломона, начало царствованія котораго относится за 1020 лѣтъ до Р. Хр., въ Библіи, кромѣ царицы Савской, упоминаются цари аравійскіе, которые приносили Соломону золото и серебро (2 Парал. гл. IX, ст. 14). Царица Савская, извѣстная въ арабскихъ преданіяхъ подъ именемъ Балкисы, услышавъ о славѣ Соломона [4], прибыла въ Іерусалимъ, чтобы испытать загадками мудрость царя евреевъ. Прибыла она въ Іерусалимъ съ весьма большимъ богатствомъ: съ верблюдами, навьюченными благовоніями, и великимъ множествомъ золота и драгоцѣнными камнями. И подарила она царю Соломону сто двадцать талантовъ золота и великое множество благовоній и драгоцѣнные камни. И никогда не было у Соломона такихъ благовоній,

---

[1]) Священная лѣтопись первыхъ временъ міра и человѣка. Г. Властова. Спб. 1875. Стран. 289. Ср. «Опытъ библ. словаря» протоіер. П. Солярскаго (Спб. 1879) слов. «Аравія».

[2]) Рожденіе Измаила относится къ 1906 г. до Р. Хр.

[3]) Рожденіе Моисея относится къ 1691 г. до Р. Хр.

[4]) Саба — особое царство на югѣ Аравіи съ гор. Магребомъ (греч. Маріаба). Позднѣе здѣсь водворились химьяриты Очевидно, царица Савская слышала о славѣ еврейскаго царя Соломона отъ лицъ, участвовавшихъ въ караванной торговлѣ, путь которой пролегалъ вблизи владѣній Соломона. Несомнѣнно, что часть драгоцѣнныхъ товаровъ продавалась въ Іерусалимѣ. Фактъ посѣщенія Соломона царицей Савской извѣстенъ и въ Коранѣ, куда онъ занесенъ на основаніи не однихъ только еврейскихъ преданій, но и арабскихъ.

какія подарила ему царица Савская [1]). Соломонъ заключилъ договоръ съ Тирскимъ царемъ Хирамомъ II (3 Цар. V, 26) и даже женился на дочери Хирама [2]). По заключеніи союза, Соломонъ и Хирамъ установили прямое морское сообщеніе съ Индіей (Офиръ), но и при этомъ торговля ихъ не обходилась безъ посредства Южной Аравіи, такъ какъ суда ихъ выгружались въ Іеменѣ и товары слѣдовали далѣе по Аравіи караваннымъ путемъ. По смерти Соломона, морской путь по Красному морю былъ совсѣмъ закрытъ для финикіянъ усилившимися на берегахъ этого моря египтянами. Не смотря на это, сухопутная торговля съ Аравіей продолжалась еще цѣлыя столѣтія, какъ объ этомъ можно судить изъ словъ пр. Іезекіиля (за 600 л. до Р. Хр.), опредѣленно говорившаго о торговлѣ Аравіи съ Тиромъ, гл. гор. Финикіи: „Аравія и всѣ князья Кедара производили торговлю съ тобой... Купцы изъ Сабы и Раемы [3]) торговали съ тобой.... (гл. XXVII, ст. 21 и 22)“.

Іудейскому царю Іосафату (921 г. до Р. Хр.) аравитяне привозили въ даръ мелкій скотъ: овновъ семь тысячъ семьсотъ и козловъ семь тысячъ семьсотъ (2 Пар., XXVII, 11). Въ царствованіе сына его Іорама (900 л. до Р. Хр.) аравитяне напали на Іудею и захватили все имущество царя, женъ его и сыновей его, кромѣ младшаго Охозіи (2 Паралип. XXI, 16—17; XXII, 1). Іудейскій царь Озія (за 809 л. до Р. Хр.) имѣлъ столкновеніе съ аравитянами, жившими на Гуръ-Ваалѣ, и одержалъ надъ ними верхъ (2 Паралип. XXVI, 7). Въ книгѣ пророка Нееміи аравитяне вмѣстѣ съ другими народами сговорились итти войною на Іе-

---

[1]) 3 Цар., X, 1—10. Ср. Кор., гл. XXVII, ст. 23—45.

[2]) Это было около 1017 года до Р. Хр., такъ какъ къ этому времени относится основаніе храма Соломонова.

[3]) Раема лежала въ Юго-восточной Аравіи, близъ Персид. зал., въ теперешней области Оманъ.

русалимъ, чтобы воспрепятствовать возстановленію стѣнъ его: „Услышавъ это, Санаваллатъ, Хиронитъ и Товія (Аммонитскій рабъ) и Гешемъ аравитянинъ смѣялись надъ евреями и сговорились вмѣстѣ всѣ пойти войною на Іерусалимъ и разрушить его (гл. II, ст. 19; гл. IV, ст. 7—8). Это было въ царствованіе Артаксеркса I, въ 445 г. до Р. Хр. Во время Маккавеевъ аравитяне упоминаются въ Библіи нѣсколько разъ. Такъ, объ Іудѣ Маккавеѣ говорится, что онъ поразилъ 5500 арабовъ сирійскихъ и по ихъ просьбѣ заключилъ съ ними миръ (1 Мак. гл. XII, ст. 10—12); братъ Іуды Іонаѳанъ разбилъ также сирійскихъ арабовъ и взялъ съ нихъ добычу (2 Мак. гл. XII, ст. 31). Эти два случая относятся къ 165 и слѣд. годамъ до Р. Хр. Въ концѣ жизни сирійскаго царя Антіоха Епифана, современника Маккавеевъ, упоминается въ Библіи аравійскій князь Ареѳа (по араб. произн. Харесъ), у котораго Антіохъ былъ въ заключеніи (2 Мак. гл. V, ст. 8). Іосифъ Флавій передаетъ, что Антіохъ погибъ въ сраженіи съ аравитянами и что послѣ смерти его въ Дамаскѣ укрѣпился Ареѳа, который ходилъ войною на Іудею и побѣдилъ Александра Гиркана у крѣпости Аддиды. Александръ, оправившись отъ этого пораженія, снова воевалъ съ Ареѳой и отнялъ у него 12 городовъ. Но сынъ Александра Гирканъ 2-й, спорившій съ братомъ своимъ Аристовуломъ 2-мъ изъ-за власти, долженъ былъ обратиться за помощію къ тому же Ареѳѣ и возвратилъ ему города, отнятые отцомъ его Александромъ. Аристовулъ разбилъ войско Ареѳы и Гиркана, что было уже во времена Помпея [1]). Иродъ, сынъ Антипатра (37 г. до Р. Хр.), имѣлъ друга въ лицѣ аравійскаго князя Малха, которому дѣлалъ много одолженій и между прочимъ давалъ денегъ взаймы. Но Малхъ былъ другомъ во время нужды, а когда пришло

---

[1]) Іосифа Флавія Древности іудейскія. Съ латинскаго на россійскій языкъ преложенныя придвор. свящ. Мих. Самуиловымъ. Часть II. Спб. 1781 г. Стран. 340—341, 357—359.

время отблагодарить Ирода своею помощію, онъ отказалъ въ помощи и не пустилъ даже Ирода въ свои предѣлы, чтобы не возвращать ему и долга своего [1]). Иродъ Антиппа (1—43 г. по Р. Хр.) также былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ сирійскими арабами: онъ былъ женатъ на дочери аравійскаго князя Ареѳы, который владѣлъ Дамаскомъ во дни св. ап. Павла (2 Корин. гл. XI, ст. 32). Когда же Иродъ вступилъ въ незаконную связь съ Иродіадой, женой брата своего, тогда тесть его Ареѳа выступилъ противъ него съ войскомъ, нанесъ ему жестокое пораженіе и тѣмъ отомстилъ развратному зятю за оскорбленіе свой дочери, отвергнутой Иродомъ послѣ вступленія въ связь съ Иродіадой [2]).

Замѣчательны такимъ образомъ постоянныя, не прерывавшіяся почти сношенія Аравіи съ Палестиной со временъ Авраама, общаго родоначальника евреевъ и арабовъ-измаелитовъ, что, конечно, должно было отражаться и на вѣрованіяхъ арабовъ, слѣды которыхъ такъ ясны въ Коранѣ. Не чужда была Аравія и христіанскаго вліянія. Уже св. ап. Павелъ, вскорѣ послѣ своего обращенія, удалился изъ Дамаска въ Аравію (Галат. гл. I, ст. 17) и пробылъ тамъ около трехъ лѣтъ [3]), а провѣдь о Христѣ аравитяне слышали еще въ день пятидесятницы въ числѣ многихъ другихъ народовъ, собравшихся въ это время въ Іерусалимѣ (Дѣян. гл. II, ст. 11). Изъ дальнѣйшаго изложенія будетъ видно, что христіанство въ Южной Аравіи было значительно распространено и окрѣпло настолько, что Наджранскіе христіане выдерживали даже жестокое гоненіе отъ іудействующаго царя Зу-Наваси, предшественника Мухаммеда по ненависти къ христіанству.

Изъ древнѣйшихъ народовъ, имѣвшихъ завоевательныя стремленія въ отношеніи Аравіи, прежде всего

---

[1]) Тамъ же, стр. 404—405.

[2]) А. Лопухинъ. Руководство къ Библейской исторіи Новаго Завѣта. Спб. 1889 г. стр. 444.

[3]) Тамъ же, стр. 280.

упоминаются египтяне. Въ правленіе Гатасу, дочери фараона Тутмеса I (иначе Тутмозисъ), былъ завоеванъ Іеменъ, который въ надписяхъ на храмѣ въ Ѳивахъ упоминается подъ именемъ страны Пунъ. Обладаніе Іеменомъ оставалось за Египтомъ во все царствованіе Тутмеса III, одного изъ могущественнѣйшихъ фараоновъ XVIII династіи, эпоха которыхъ разными учеными относится къ 1703—1590 гг. до Р. Хр. [1]). Власть Тутмеса III простиралась на Абиссинію, Суданъ, Нубію, Сирію, Месопотамію, Иракъ-арабскій, Іеменъ, Курдистанъ и Арменію. Въ надписи, открытой Маріеттомъ въ Карникѣ, находится слѣдующее изреченіе Аммона, бога Ѳивъ: „Я пришелъ, я позволилъ тебѣ разбить народы Востока; ты шелъ по землямъ Аравіи. Я показалъ имъ твое величіе, подобное солнцу во время солнцестоянія, бросающему теплоту своихъ лучей и распространяющему росу". Во время мятежей, происходившихъ при преемникахъ Тутмеса, Іеменъ возвратилъ свою независимость, но при Рамзесѣ II [2]) египетскій флотъ снова утвердилъ власть фараоновъ подъ Іеменомъ, богатымъ драгоцѣнностями. По предположенію Ленормана, эта страна освободилась изъ-подъ египетской власти въ правленіе слабыхъ фараоновъ XX династіи [3]).

Съ усиленіемъ политическаго и торговаго могущества Ассиріи, Аравія неизбѣжно сдѣлалась цѣлію завоевательныхъ стремленій ассирійскихъ царей. На колоннѣ Салманассара IV, хранящейся въ Британскомъ музеѣ, упоминаются сто верблюдовъ араба Джендиба, участвовавшихъ въ битвѣ при Каркарѣ. Теглатфалассаръ,

---

[1]) Жизнь Моисея относится къ 1691—1570 гг. до Р. Хр.

[2]) По новѣйшимъ изысканіямъ, Рамзесъ II царствовалъ въ Египтѣ около 1348—1281 гг. до Р. Хр. См. Журн. Мин. Нар. Пр. 1896 г. Мартъ. Ст. «Палестина въ XV вѣкѣ до нашей эры при свѣтѣ новѣйшихъ открытій». Стр. 57.

[3]) Руководство къ древней исторіи Востока до персидскихъ войнъ. Кіевъ, 1876 г. Выпускъ первый. Египтяне.

царь ассирійскій, называлъ своими данницами двухъ царицъ арабской области Думы: Зибиби и Шамсію. Въ 732 г. до Р. Хр. этотъ царь, чтобы наказать возставшихъ арабовъ Думы, взялъ ихъ городъ, перебилъ много жителей и получилъ большую дань волами, овцами и верблюдами. Царица Шамсія, убѣжавшая въ пустыню, просила *амана* (помилованія) у ассирійскаго царя и получила. Въ 715 г. та же царица отправила торжественное посольство къ другому ассирійскому царю Саріукину или Саргону, слава котораго распространилась по всей Аравіи. Тогда же и царь сабейскій Ятамеръ или Исамаръ посылалъ пословъ съ подарками къ ниневійскому царю Сиргону, какъ объ этомъ упоминается въ одной ассирійской клинообразной надписи, относимой къ 715 г. до Рожд. Хр.: „Я получилъ подать отъ Исамара, сабейца,—золото, травы востока, рабовъ, лошадей и верблюдовъ“ [1]). Это было время самаго большого развитія караванной торговли Іемена съ Сиріей, давшей пророку Исаіи поводъ и образъ сказать о будущемъ величіи Іерусалима, что „всѣ жители Сабы придутъ и принесутъ тебѣ золото и ладанъ и возгласятъ хвалебныя пѣсни Господу; всѣ овцы кидарскія будутъ собраны къ тебѣ; овны набатайскіе послужатъ для твоихъ жертвъ“ (гл. LX. ст. 6—7). Вскорѣ послѣ 711 г. вавилонскій царь Меродахбаладанъ напалъ на арабскія племена, занимавшія восточную часть полуострова и подчинилъ своей власти Бахраинъ. Къ этому событію историки относятъ пророчество Исаіи [2]) объ Аравіи, высказанное пророкомъ

---

[1]) Въ Исторіи ислама А. Мюллера (Спб., 1895) читаемъ, что этотъ же самый Исамара, сабеецъ, встрѣчается въ надписяхъ южно-арабскихъ, гдѣ онъ называется Іаса'маромъ, княземъ Сабы. Изъ этого, по словамъ А. Мюллера, можно заключить, что царство сабеевъ процвѣтало въ VIII вѣкѣ до Рожд. Хр., какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Библія (т. I, стр. 25).

[2]) Пр. Исаія выступилъ на пророческое служеніе за 759 л. до Р. Хр. и продолжалъ свое служеніе болѣе 60 лѣтъ. Оп. Библ. Слов. прот. Солярскаго. Т. II, стр. 97.

въ гл. XXI, ст. 13—17): „Жители страны Θемоновой выносятъ воду навстрѣчу жаждущему, съ хлѣбомъ встрѣчаютъ бѣгущаго; потому что бѣгутъ отъ мечей, отъ изощреннаго меча, и отъ натянутаго лука, и отъ тягости войны, потому что Господь сказалъ мнѣ такъ: черезъ годъ, равный году наемничему, вся слава Кидара исчезнетъ и остатокъ отъ числа храбрыхъ стрѣлковъ Кидарскихъ уменьшится".—Сеннахирибъ (705—681 г. до Р. Хр.), въ концѣ своего царствованія, завоевалъ городъ Думу и часть жителей ея увелъ въ плѣнъ. Сынъ Сеннахериба Ассаргаддонъ между 681 и 688 или 672 гг. до Р. Хр. прошелъ съ войскомъ до самаго центра Аравіи и оттуда двинулъ свои войска въ южныя страны полуострова. Такъ онъ самъ писалъ объ этомъ походѣ своемъ: „городъ Адъ—Думу, городъ могущества арабовъ, взятый раньше Сеннахерибомъ, царемъ ассирійскимъ, отцемъ, родившимъ меня, я снова осадилъ, и я увелъ оттуда плѣнныхъ жителей въ Ассирію... Посолъ арабской царицы со множествомъ подарковъ явился въ Ниневію и склонился передо мной. Онъ умолялъ меня возвратить ему боговъ его. Я исполнилъ его просьбы и возстановилъ образы этихъ боговъ, которые были повреждены. Я приказалъ писать на этихъ изображеніяхъ хвалу богу Ассуру и славу своего имени. Потомъ я приказалъ принести ихъ и отдалъ ихъ ему. Я назвалъ царицей арабовъ женщину, по имени Табую, взятую изъ моего гарема. Какъ цѣну за боговъ, отданныхъ мною этой странѣ, я увеличилъ подать, платившуюся моему отцу 60-ю верблюдами".

По поводу этой надписи Ленорманъ замѣчаетъ, что въ ней сохранилось послѣднее упоминаніе о царствѣ Думы въ Аравіи, которое, очевидно, прекратило свое существованіе при послѣдовавшихъ затѣмъ смутахъ въ Аравіи.

Изъ дальнѣйшихъ событій, происходившихъ въ Аравіи, укажемъ на то, что одновременно съ завоеваніемъ царства Думы Ассаргаддонъ подчинилъ своей власти царство Геджасское, возвелъ на престолъ Яна,

сына Хасана, престарѣлаго правителя Геджаза, и потомъ проникъ во внутреннія страны Гадра-Маута, убилъ восемь царей и унесъ въ Ассирію ихъ боговъ, ихъ жатвы, ихъ сокровища и ихъ подданныхъ". Завоеванныя области нѣкоторое время терпѣливо сносили чужеземное иго и даже помогали Ассурбанипалу во время его похода на Египетъ, но затѣмъ воспользовались смутами на Ефратѣ и отложились. Ассурбанипалъ сначала усмирилъ ближайшихъ бунтовщиковъ, взявъ Сузу, а потомъ двинулся противъ возмутившихся арабовъ Геджаза, гдѣ въ то время былъ царемъ Ивете, сынъ Нурая. Ассурбанипалъ сдѣлалъ три похода противъ арабовъ. Во время похода, предпринятаго въ 659 г. до Р. Хр., онъ, перейдя Ефратъ, завоевалъ семь городовъ: Азранъ, Удумъ, Ябрудъ, Бейтъ-нени, Мукатъ, Карджея и Ссутакъ. Всѣ эти города, по предположенію Ленормана, находились недалеко отъ Ефрата, и одинъ изъ нихъ можетъ быть отожествленъ съ извѣстнымъ позднѣе городомъ *Гирой*.

Упрочивъ занятіемъ этихъ городовъ операціонный базисъ на арабской территоріи, Ассурбанипалъ въ слѣдующемъ (658) году двинулся до границъ Іемамы. Овладѣвъ городами: Нарамъ, — Истарамъ, Гадатмай (Гадиссай) на Ефратѣ и Сурибамъ (на границѣ аравійской пустыни, по направленію къ Гирѣ), завоеватель, сопровождаемый многочисленными верблюдами, навьюченными кожаными мѣхами съ водой, направился далѣе въ пустыню по тому пути, по которому и до сихъ поръ слѣдуютъ персидскіе богомольцы въ Мекку, т. е. по направленію изъ Мемхедъ-Али въ Неджд. Переходъ „областей жажды" (выраженіе клинообразной подписи) былъ дологъ и труденъ, пока наконецъ ассирійское войско въ Куриранѣ „пило воду источника". Отсюда ассирійскій царь направился на городъ Ярену, взялъ его приступомъ и затѣмъ, слѣдуя въ юго-восточномъ направленіи, прибылъ въ страну Баръ и овладѣлъ столицей ея—Азаллагомъ. Пройдя пустыню Неджд, Ассурбанипалъ подчинилъ своей власти го-

родъ Яшаммегъ (с. з. часть Неджда) и пройдя другую пустыню, онъ достигъ округа и города Кирассиди (Эль-Кара, на границѣ Неджда и Тегамы) и подчинилъ своей власти все пройденное пространство.

Въ третій походъ (въ 657 г.) ассирійское войско въ короткое время прошло отъ Карассида до города Джидды, расположеннаго на морскомъ берегу и извѣстнаго съ глубокой древности. Овладѣвъ этимъ городомъ, Ассурбанипалъ двинулся далѣе въ сѣверномъ направленіи и послѣдовательно завоевалъ другіе два города Геджаса—Янбо и Ятрибъ и тѣмъ окончилъ свой завоевательный походъ противъ возмутившагося геджазскаго царя Ивете, котораго онъ помиловалъ, но увеличилъ платимую имъ дань. Казнивъ двухъ шейховъ, руководившихъ защитой своей страны (съ нихъ живыхъ была содрана кожа и отправлена въ Ниневію), и возстановивъ свою власть въ Аравіи, Ассурбанипалъ возвратился въ Ниневію чрезъ страну Набатеевъ, которые не имѣли силы воспрепятствовать побѣдоносному шествію его [1]). Въ 625 г., послѣ паденія Ниневіи, арабы получили независимость и продолжали свою торговлю съ Финикіей, пока ихъ не постигло еще большее бѣдствіе отъ вавилонскаго царя Новуходоносора [2]), какъ объ этомъ предсказалъ пророкъ Іеремія: „На Кидаръ и царства Асорскія, которыя поразилъ Навуходоносоръ, царь вавилонскій, такъ сказалъ Господь: вставайте, выступайте противъ Кидара и разорите сыновъ востока. Шатры ихъ и стада ихъ будутъ взяты; занавѣсы, и всю домашнюю утварь ихъ, и верблюдовъ ихъ заберутъ себѣ, и будутъ кричать имъ: ужасъ отвсюду! Бѣгите, спѣшите какъ можно скорѣе, скройтесь въ норахъ, жители Асора, говоритъ Господь; ибо

---

[1]) Фр. Ленорманъ. Арабы. Т. II, вып. I, стр. 77—83.

[2]) По Шлоссеру, Навухоносоръ объявилъ себя независимымъ правителемъ около 600 г. до Р. Хр., а по Ванъ-Денъ-Бергу съ 604 г. по 561 г. до Р. Хр.

Навуходоносоръ, царь вавилонскій, держитъ совѣтъ на васъ и составилъ умыселъ на нихъ. Вставайте, выходите противъ народа безпечнаго, живущаго беззаботно, говоритъ Господь; ни дверей, ни запоровъ нѣтъ у нихъ; они живутъ уединенно. И верблюды ихъ отданы будутъ на расхищеніе и множество скота въ добычу; и по всѣмъ вѣтрамъ разсѣю ихъ, стригущихъ волосы на вискахъ, и со всѣхъ сторонъ наведу на нихъ бѣдствіе, изрекъ Господь“ [1]). Арабы не подавали повода къ нападенію вавилонскаго царя, но онъ не могъ не видѣть выгодъ въ обладаніи Аравіей, по примѣру своихъ предшественниковъ, изъ-за ея торговли. Покоривъ Тиръ въ 573 году, Навуходоносоръ съ большимъ войскомъ напалъ на Геджасъ и распространилъ по странѣ раззореніе и смерть. Въ окрестностяхъ Мекки потомокъ Измаила Аднанъ собралъ защитниковъ родной страны и рѣшился защищать Каабу: но въ кровавой борьбѣ арабскіе воины потерпѣли пораженіе, были разсѣяны и спаслись бѣгствомъ въ сосѣднія равнины и горы. Большую часть захваченныхъ жителей Хеджаза Навуходоносоръ отвелъ плѣнниками въ Вавилонъ. Этотъ опустошительный походъ не имѣлъ однако продолжительнаго вліянія на политическую свободу Аравіи, которая со смертію Навуходоносора опять получила независимость. Киръ, царь персидскій, не пытался утверждать свою власть надъ Аравіей, хотя подчинилъ себѣ всѣ сосѣднія съ Аравіей владѣнія Вавилона. И преемники Кира не задавались мыслію подчинять себѣ арабовъ, всегда отличавшихся духомъ независимости, поддерживаемымъ въ нихъ географическими условіями занимаемой ими страны [2]).

Греческій историкъ Геродотъ (495—425 гг. до Рожд. Христ.) упоминаетъ объ Аравіи и арабахъ нѣ-

---

[1]) Кн. прор. Іереміи, гл. XLIX, ст. 28—33.

[2]) Фр. Ленорманъ. Т. II, вып. I, стр. 83—86.

сколько разъ [1]). Говоря о походѣ Камбиза въ Египетъ, Геродотъ описываетъ обрядъ заключенія послами Камбиза договора съ арабскимъ царемъ, съ цѣлію предоставленія персидскому войску безопаснаго прохода чрезъ аравійскую пустыню. Договоръ былъ заключенъ, и арабскій царь наполнилъ водою мѣхи изъ верблюжьей кожи, навьючилъ ими всѣхъ своихъ верблюдовъ и затѣмъ выступилъ въ пустыню, гдѣ дожидался прихода Камбизова войска [2]).

Страбонъ, жившій въ эпоху Помпея, Цицерона, Ю. Цезаря, Августа и Тиверія, на основаніи разсказовъ Аристобула, говоритъ, что Александръ Македонскій провелъ каналъ на сѣверной границѣ Аравіи и сдѣлалъ это между прочимъ съ тою цѣлью, чтобы Аравія не оказалась совершенно недоступной черезъ болота и озера, окружавшія ее какъ островъ. Онъ помышлялъ о завоеваніи этой богатой страны, для чего приготовилъ было уже флотъ и назначилъ пункты для его отправленія; онъ заказалъ корабли въ Финикіи въ отдѣльныхъ частяхъ или сколоченными вмѣстѣ (которые были доставлены семидневнымъ путемъ въ Θапсакъ, а оттуда по рѣкѣ перевезены въ Бабилону), частью же въ Бабилоніи, гдѣ они были сооружены изъ кипарисовыхъ деревьевъ рощи боговъ и увеселительныхъ садовъ.

---

[1]) Геродотъ. Исторія въ девяти книгахъ. Переводъ съ греческаго Ѳ. Мищенко. Т. I. Москва. 1885 г. Книга II, 8, 11, 12, 15, 16 и 18; стран. 116—122.

[2]) При этомъ Геродотъ передаетъ разсказъ о томъ, что въ Аравіи есть большая рѣка Корисъ, вливающаяся въ такъ называемое Еритрейское (Красное) море. Какъ разсказываютъ, арабскій царь велѣлъ сшить изъ сырыхъ бычачьихъ и другихъ кожъ водопроводъ, доходившій отъ рѣки до пустыни, и провелъ изъ рѣки черезъ него воду въ пустыню, гдѣ велѣлъ выкопать обширныя вмѣстилища, которыя принимали въ себя и сохраняли эту воду. Отъ рѣки до пустыни было двѣнадцать дней пути. Воду царь будто бы провелъ тремя водопроводами въ три пункта. (Кн. III, VIII и IX. Стран. 214—215). Разсказъ этотъ мало вѣроятенъ и во всякомъ случаѣ преувеличенъ.

По разсказу Аристобула, Александръ объявлялъ поводомъ къ войнѣ то обстоятельство, что изъ всѣхъ народовъ одни арабы не посылали къ нему пословъ; на самомъ же дѣлѣ ему хотѣлось владычествовать надъ ними [1]). Когда онъ узналъ, что арабы чтятъ только двухъ боговъ, Зевса и Діониса, то возымѣлъ надежду, что арабы, въ случаѣ побѣды его надъ ними, станутъ считать его третьимъ божествомъ за то, что онъ дозволилъ имъ пользоваться давней самостоятельностью. Но намѣренія Александра Македонскаго не осуществились по причинѣ внезапной его смерти [2]).

По смерти Александра арабамъ не угрожала опасность отъ иноземныхъ завоевателей въ теченіе трехъ вѣковъ, и арабскіе кочевники имѣли возможность заходить во время своихъ кочевокъ, особенно въ зимнее время, въ предѣлы плодоноснаго Ирака (персид. провинціи), который отъ того получилъ названіе арабскаго Ирака (Иракъ-араби), и образовали особое царство съ главнымъ городомъ Хира (или Гира). Но съ наступленіемъ всемирнаго владычества римлянъ, Кесарь Августъ возымѣлъ рѣшительное намѣреніе или покорить арабовъ, или сдѣлать ихъ своими друзьями, такъ какъ южные арабы (въ Іеменѣ) съ давнихъ поръ считались богатымъ народомъ, вымѣнивавшимъ золото и серебро на свои благовонія и драгоцѣнные камни. Августъ надѣялся такимъ образомъ или пріобрѣсти въ іеменскихъ арабахъ богатыхъ друзей, или покорить богатыхъ враговъ, какъ говоритъ Страбонъ. Съ этою цѣлію въ Южную Аравію былъ снаряженъ походъ подъ предводительствомъ Элія Галла [3]). Элій соорудилъ сто тридцать грузовыхъ

---

[1]) Онъ задумывалъ было сдѣлать Аравію своею резиденціей по возвращеніи изъ индійскаго похода, какъ говорится у Страбона. Очевидно, имѣлась въ виду Счастливая Аравія.

[2]) Географія Страбона. Русскій переводъ Ѳ. Мищенко. Кн. 16, гл. I, 11 и гл. IV, 27. Стран. 757—758 и 802.

[3]) Въ 25 году до Рожд. Хр.

судовъ, на которыхъ и переправился съ десятью тысячами римской пѣхоты, находившейся въ Египтѣ, и союзниковъ. Въ числѣ послѣднихъ было пятьсотъ іудеевъ и тысяча набатеевъ [1]), подъ командою набатейца Силлая. Претерпѣвши много бѣдъ, Галлъ только на пятнадцатый день прибылъ въ деревню Бѣлую, большое торжище набатеевъ. Онъ потерялъ множество кораблей и нѣсколько изъ нихъ вмѣстѣ съ экипажемъ, вслѣдствіе несчастнаго плаванія, а не отъ нападенія враговъ. Причиной этихъ бѣдствій было недоброжелательство Силлая, утверждавшаго, что войско не можетъ быть проведено сухимъ путемъ въ деревню Бѣлую, между тѣмъ какъ купцы совершаютъ здѣсь путь безопасно и удобно съ такимъ количествомъ людей и верблюдовъ, что караваны ихъ не отличаются отъ арміи. „Случилось это такъ потому, что царь Обода не обращалъ большого вниманія на общественныя дѣла и въ особенности на военное дѣло, — общая слабость арабскихъ царей; онъ предоставилъ все произволу своего намѣстника Силлая; а этотъ послѣдній велъ всѣ дѣла съ коварствомъ и старался изслѣдовать страну и покорить вмѣстѣ съ римлянами нѣкоторые города и племена арабовъ, а потомъ, по истребленіи римлянъ голодомъ, болѣзнями, трудами и другими бѣдами, приготовленными для римлянъ съ помощью хитрости, сдѣлаться самому всеобщимъ повелителемъ. Итакъ, Галлъ дошелъ до деревни Бѣлой, когда войско его заболѣло уже цингой и слабостью ногъ,—двѣ мѣстныя болѣзни; у однихъ солдатъ былъ параличъ рта, у другихъ параличъ ногъ, вслѣдствіе особенныхъ свойствъ воды и травъ. Все это заставило Галла провести въ той деревнѣ лѣто и зиму для поправленія здоровья солдатъ.... Выступивши съ войскомъ изъ деревни Бѣлой, Галлъ проходилъ, слѣдуя указаніямъ вѣроломныхъ проводниковъ, по такимъ мѣстностямъ, что даже вода была везена на верблюдахъ. Много дней спустя послѣ

[1]) Главный городъ у набатеевъ былъ Петра, на сѣверѣ Аравіи.

этого, Галлъ прибылъ въ землю Ареты, родственника Ободы. Хотя Арета принялъ его дружелюбно и одарилъ подарками, но измѣна Силлая затруднила римскому войску переходъ чрезъ эту страну. Въ теченіе тридцати дней шелъ Галлъ по мѣстностямъ безъ дорогъ и доставлявшимъ только полбу, немного фиников и масло вмѣсто оливы. Ближайшая страна, въ которую онъ пришелъ, населена была кочевниками, а большею частью совершенно пустынна: называлась она Арареной, а царь ея Сабомъ. На переходъ и чрезъ эту землю, также не имѣвшую путей сообщенія, потребовалось пятьдесятъ дней, пока онъ не прибылъ въ городъ Негран, въ мирную и плодородную область [1]). Царь бѣжалъ, и городъ былъ взятъ при первомъ приближеніи къ нему. На шестой день послѣ этого войско достигло рѣки. Вступившіе здѣсь въ сраженіе варвары, въ числѣ тысячъ десяти, потерпѣли пораженіе отъ римлянъ, которыхъ было двѣ тысячи: варвары, народъ совершенно невоинственный, не умѣли пользоваться оружіемъ, именно луками, копьями, мечами и пращами; большая часть ихъ была вооружена обоюдоострыми топорами. Вскорѣ послѣ того завоеванъ былъ также покинутый царемъ городъ Аска. Отсюда Галлъ перешелъ къ городу Аѳрулѣ, который былъ взятъ безъ боя и снабженъ гарнизономъ. Запасшись хлѣбомъ, финиками и другими предметами, онъ прибылъ къ городу Маріабѣ [2]), принадлежавшему народу рамманитовъ, подчиненному царю Иласару. Послѣ шестидневной осады Галлъ вынужденъ былъ по недостатку воды отступить. Здѣсь онъ находился, какъ говорили плѣнные, на разстояніи двухъ дней отъ земли, доставлявшей благовонія. По винѣ проводниковъ, Галлъ прошелъ этотъ путь только въ шесть мѣсяцевъ. Объ обманѣ проводниковъ онъ узналъ поздно, только на возврат-

---

[1]) Въ Іеменѣ, Наджранъ.

[2]) Магребъ. См. ниже.

номъ пути, который онъ совершалъ по другому направленію. На девятый день Галлъ пришелъ въ Неграны [1]), гдѣ произошло сраженіе; оттуда одиннадцать дней спустя, онъ прибылъ къ семи источникамъ, мѣстность, названная такъ по количеству источниковъ. Отсюда черезъ мирную область Галлъ перешелъ къ деревнѣ Хааллѣ, а потомъ къ другой, лежащей на рѣкѣ Малоеѣ; дальнѣйшій путь шелъ черезъ скудно орошенную пустыню до деревни Егры, которая лежитъ у моря въ землѣ Ободы. Весь обратный путь онъ совершилъ въ шестьдесятъ дней, употребивши въ началѣ на тотъ же путь шесть мѣсяцевъ. Отъ Егры войско прибыло въ Мышиную гавань черезъ одиннадцать дней; оттуда Галлъ перешелъ въ Коптъ и наконецъ спустился въ Александрію со всѣми способными къ военной службѣ людьми; остальные солдаты его погибли не отъ враговъ, но отъ болѣзней, трудовъ, отъ голода и дурного состоянія дорогъ; отъ войны погибло только семь человѣкъ. По этимъ причинамъ походъ мало принесъ пользы для изслѣдованія этихъ земель, хотя всетаки нѣкоторая польза была“ [2]).

При императорѣ Траянѣ (98—117) у римлянъ была снова попытка овладѣть Аравіей, но и на этотъ разъ полководецъ Авлъ Корнелій могъ покорить только Каменистую Аравію въ 107 году, но внутрь полуострова проникнуть не рѣшился. Подчиненіе Каменистой Аравіи власти римлянъ сдерживало набѣги сосѣднихъ арабскихъ племенъ и обезпечивало свободу торговыхъ путей изъ Сиріи къ Ефрату. И вообще торговыя предпріятія Востока не могли уже избѣгнуть, какъ говоритъ А. Миллеръ [3]), подавляющаго вліянія

---

[1]) Неджранъ, въ Іеменѣ.

[2]) Страбонъ, кн. XVI, глав. IV, 23—24; стр. 797—799.

[3]) Исторія ислама съ основанія до новѣйшихъ временъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей Н. А. Мѣдникова. Спб. 1895 г. Т. I, стран. 27.

всемірной имперіи римлянъ. Направленіе древняго торговаго пути измѣнилось: складочные пункты внутри Аравіи были оставлены, а корабли направлялись отъ берега ладана въ египетскую гавань Міосъ-гормосъ [1]). Вслѣдствіе этого дворцы Сабы обезлюдѣли и искусственное орошеніе, превращавшее пески въ плодоносныя поля, постепенно приходило въ упадокъ. Знаменитая Магребская плотина (въ столицѣ Сабы), обусловливавшая плодородіе всего Іемена, по арабскому сказанію, вдругъ прорвалась, и сдерживаемыя его воды затопили городъ Магрибъ (др. Маріаба) и его окрестности. Катастрофа эта, относимая историками къ срединѣ второго вѣка по Р. Хр., произвела такое опустошеніе въ странѣ, что значительная часть іеменскаго населенія выселилась на сѣверъ Аравійскаго полуострова и далѣе къ Сиріи, гдѣ на берегахъ рѣки Хасана (или Гасана) уже существовало особое царство Хасанидское или Гасанидское, находившееся подъ вліяніемъ римлянъ. Одинъ только прорывъ Магребской плотины повлекъ за собой обезлюденіе древняго южноарабскаго царства Сабы, современнаго Соломону, или же это зависѣло отъ новаго направленія индійской торговли по морскому пути вмѣсто прежняго караваннаго, но уже въ первомъ столѣтіи по Р. Хр. рядомъ съ сабейцами упоминаются химьяриты, арабы южнаго побережья полуострова, и столицей этого новаго государства былъ ближайшій къ морю городъ Зафаръ. Позднѣе имя Сабы уже не встрѣчается, а прежнія владѣнія этого богатаго царства считаются принадлежащими химьяритамъ. Но химьяритское царство никогда не достигало такого богатства и славы, какъ древняя Саба. Зафаръ былъ только промежуточной станціей для индійской торговли, и торговля стала теперь болѣе доступна иноземному вліянію. Торговля іеменскимъ

---

[1]) По Страбону—Хармоѳа. Кн. XVI, гл. IV, 18. Русск. переводъ, стран. 794.

золотомъ уменьшалась, а торговля кожей (начиная съ VI в. по Рожд. Хр.) не могла дать странѣ первенствующаго значенія. Тѣмъ не менѣе мѣновая торговля іеменскими товарами съ Сиріей продолжалась и по старинному караванному пути чрезъ Мекку до самаго появленія ислама, что̀ имѣло вліяніе на развитіе Мухаммеда.

Переселеніе южно-арабскихъ племенъ на сѣверъ Аравіи ослабило могущество химьяритовъ, и мало по мало они подпадаютъ подъ власть другихъ народовъ. Начиная со второго вѣка по Р. Хр. на южную Аравію нападаютъ абиссинцы-христіане, которые въ четвертомъ вѣкѣ появляются уже въ столицѣ химьяритовъ въ Наджранѣ и въ Аденѣ также устраиваютъ христіанскія церкви. Въ началѣ шестого вѣка византійскіе императоры Юстинъ I и Юстиніанъ I (518—527 гг.), въ видахъ противодѣйствія персамъ, поддерживали абиссинскаго вассала Аксума въ Іеменѣ; но туземные химьяритскіе князья (Тобба) старались противодѣйствовать христіанскому вліянію абиссинцевъ и съ своей стороны поддерживали іудейство въ Іеменѣ, а Тобба Зу-Навасъ возбудилъ даже кровавое преслѣдованіе противъ христіанъ города Наджрана. Извѣстный христіанскій агіографъ св. Симеонъ Метафрастъ повѣствуетъ, что когда въ греческой землѣ царствовалъ Іустинъ [1]), а въ Ефіопіи (Абиссиніи) Елезвой, цари православные, въ то время въ омиритской (химьяритской) землѣ возсталъ беззаконный царь, по имени Дунаанъ (Зу-Навасъ) [2]), жидовинъ невѣрный, хульникъ имени Іисуса

---

[1]) Здѣсь нужно подразумѣвать Іустина II, царствовавшаго въ 565—578 гг. по Р. Хр., какъ это очевидно изъ самаго разсказа Послѣ Зу-Наваса въ Іеменѣ является Авраамій, т. е. Абраха, извѣстный у мусульманскихъ историковъ: онъ ходилъ на Мекку въ 570 г.

[2]) Въ толкованіи на Коранъ (Рухуль-баянъ) сказано, что собственное имя его было Юсуфъ, а Зу-Навасъ — прозвище, данное ему за длинные волосы.

Христа и великій гонитель христіанъ. У него всѣ совѣтники, слуги и войска были набраны изъ іудеевъ и язычниковъ. Онъ старался изгнать изъ своей области всѣхъ христіанъ и истребить въ химьяритской странѣ самую память имени Христова и потому жестоко преслѣдовалъ—мучилъ и убивалъ христіанъ, не покорявшихся его велѣнію и не хотѣвшихъ съ нимъ жидовствовать. Когда услышалъ объ этомъ еѳіопскій царь Елезвой, то очень опечалился и, собравъ свои войска, пошелъ войной на Зу-Наваса. Одержавъ побѣду надъ Зу-Навасомъ, Елезвой сдѣлалъ его своимъ данникомъ и возвратился въ свою страну. Но Зу-Навасъ въ скоромъ времени снова возсталъ противъ Елезвоя. Собравъ войско, онъ перебилъ всѣхъ Елезвоевыхъ воиновъ, которые оставлены были охранять города (гарнизоны) и еще съ большею силой возсталъ противъ христіанъ, объявивъ повсюду, что христіане или должны принять іудейскую вѣру, или же безъ милосердія будутъ избиваемы. Послѣ этого повелѣнія въ царствѣ Зу-Наваса не было никого, кто бы осмѣлился исповѣдывать христіанство; только въ одномъ городѣ Наджранѣ имя Іисуса Христа прославлялось. Въ этомъ городѣ христіанство утвердилось еще во времена Констанція, сына Константина Великаго [1]) и во время Зу-Наваса процвѣтало въ томъ городѣ христіанское благочестіе, были даже христіанскіе монастыри; никакихъ иновѣрцевъ тамъ не было.

Когда Зу-Навасъ услышалъ, что жители Наджрана не повинуются повелѣнію его, то пошелъ противъ нихъ со всею своею силой и разсчитывалъ уничтожить христіанъ въ своей области и тѣмъ досадить Елезвою, царю еѳіопскому. Подошедши къ городу, Зу-Навасъ обложилъ его со всѣхъ сторонъ и окопалъ рвомъ и хвалился скоро взять его, а жителей всѣхъ избить. Онъ говорилъ жителямъ Наджрана: „если хотите по-

---

[1]) Констанцій умеръ 3 ноября 361 г.

лучить отъ меня милость и остаться въ живыхъ, то свергните изображенія креста съ вашихъ церквей отъ имени распятаго на немъ Христа". Воины его ходили вокругъ города и кричали: „покоритесь царю, если хотите оставаться живыми и дары получить отъ него; если же нѣтъ, то погибнете отъ огня и меча". Самъ Зу-Навасъ продолжалъ злобствовать и хулить имя Христово... Но осажденные христіане отвѣчали ему: „ты хвалишься отвратить насъ отъ Христа, или всѣхъ насъ погубить; поистинѣ, ты скорѣе всѣхъ насъ погубишь, но не отвратишь отъ Христа Спаса нашего, за Котораго всѣ мы готовы умереть"... Отъ такого отвѣта Зу-Навасъ пришелъ еще въ большую ярость и, налегая на городъ, думалъ, что если не возметъ его силой, то изморитъ жителей голодомъ. Въ то же время онъ находилъ въ окрестностяхъ города (въ селеніяхъ и пустыняхъ) христіанъ и частію убивалъ ихъ, частію употреблялъ на работы.

Долго осаждалъ Зу-Навасъ Наджранъ и не могъ взять его силой. Наконецъ, онъ рѣшился на хитрость: съ клятвою обѣщалъ осажденнымъ, что не хочетъ причинять имъ зла и отвращать ихъ отъ христіанской вѣры, а только желаетъ получить отъ нихъ обычную дань и потому проситъ отворить городъ. Христіане повѣрили клятвенному обѣщанію врага, отворили городскія ворота и впустили въ городъ осаждающихъ. Зу-Навасъ вошелъ въ городъ съ войскомъ и занялъ своими воинами стѣны и ворота. Осмотрѣвъ затѣмъ городъ и, видя его благоустройство, похвалилъ гражданъ. Затаивъ въ сердцѣ своемъ злую месть, онъ отдохнулъ въ городѣ и вышелъ въ лагерь, пригласивъ къ себѣ всѣхъ почетныхъ мужей и властителей городскихъ. Тогда всѣ старѣйшины и власти городскія, почетные и богатые горожане отправились въ лагерь Зу-Наваса. Въ числѣ ихъ былъ князь и воевода Ареѳа, благочестивый старецъ, имѣвшій 95 лѣтъ отъ рожденія и считавшійся самымъ главнымъ лицомъ въ Над-

жранѣ [1]). Ему ввѣрено было управленіе городомъ; его совѣтами руководились горожане, храбро защищая городскія стѣны отъ нападенія осаждавшихъ. Прибывъ къ Зу-Навасу, горожане воздали ему должное почтеніе и благодареніе за то, что онъ, согласно своей клятвѣ, не причинилъ имъ бѣдъ. Но злобствующій Зу-Навасъ не сдержалъ далѣе своей клятвы: приказавъ всѣхъ пришедшихъ къ нему схватить, заковать и держать подъ стражей, онъ надругался надъ похороненнымъ два года назадъ прахомъ епископа Павла (тѣло его сожгли и пепелъ развѣяли) и умертвилъ 427 христіанъ (священниковъ, иноковъ, инокинь и дѣвицъ), приказавъ бросить ихъ въ огонь. Послѣ того его глашатаи ходили по городу и кричали, чтобы всѣ отрекались отъ Христа и принимали жидовство, какъ и царь. Приведены были предъ царя препод. Ареѳа съ прочими узниками и послѣ долгихъ увѣщаній отречься отъ Христа обезглавлены въ числѣ 340 человѣкъ.

Прекративъ, по совѣту своихъ бояръ и князей, избіеніе христіанъ Наджрана, Зу-Навасъ собралъ много тысячъ младенцевъ и дѣвицъ изъ этого города и всего округа Наджранскаго и часть ихъ оставилъ при дворѣ своемъ для работъ, а часть роздалъ своимъ вельможамъ и воинамъ и возвратился въ свою столицу. Отсюда онъ послалъ пословъ къ персидскому царю съ предложеніемъ избить всѣхъ христіанъ, находящихся въ Персіи, и къ князю арабскому Аламундару [2]), которому обѣщалъ много золота за избіеніе христіанъ, жившихъ въ его странѣ.

---

[1]) Эти подробности повторяются и въ толкованіи на Коранъ (Рухуль-баянъ), но вмѣсто Ареѳы въ этомъ толкованіи названъ Абдулла бинъ-Тамаръ, человѣкъ благочестивый и послѣдователь Христовой вѣры; Арьятъ же представляется начальникомъ войска абиссинскаго царя; Абраха былъ въ войскѣ Арьята.

[2]) Такъ называется у византійскихъ писателей Аль-Мунзиръ, правитель Хиры, на сѣверѣ Аравіи, около 420 г. по Р. Хр.

Греческій императоръ Іустинъ, когда узналъ объ этомъ, умолялъ эѳіопскаго царя Елезвоя итти войной на Зу-Наваса, такъ какъ предѣлы ихъ владѣній были близки; но Елезвой и самъ еще ранѣе зналъ о звѣрствахъ Зу-Наваса, который избилъ въ химьяритскихъ владѣніяхъ эѳіопскіе гарнизоны. Елезвой собралъ до 120 тысячъ войска и 130 кораблей, кромѣ исправленныхъ старыхъ, и выступилъ въ походъ. Часть войска онъ отправилъ сухимъ путемъ, а самъ съ остальнымъ войскомъ двинулся моремъ къ предѣламъ владѣній Зу-Наваса, котораго онъ разсчитывалъ окружить съ моря и суши. Зу-Навасъ, услышавъ объ этомъ, также собралъ войско и выступилъ на встрѣчу къ кораблямъ Елезвоя. Часть войска Елезвоя высадилась на берегъ выше мѣста стоянки Зу-Наваса, напала на его столицу (Фаре [1]) и захватила въ плѣнъ царицу и сокровища, а затѣмъ и главныя силы Зу-Наваса были разбиты, причемъ Зу-Навасъ палъ отъ меча Елезвоя. Въ гор. Наджранѣ было возстановлено христіанство. Сына мучен. Ареѳы Елезвой назначилъ начальникомъ города, а царемъ химьяритскимъ—нѣкоего Авраамія, человѣка благочестиваго и добраго, и затѣмъ отплылъ въ Эѳіопію [2]). Новопоставленный намѣстникъ Іемена Авраамій извѣстенъ у мусульманскихъ писателей подъ именемъ Абрахи [3]). Онъ имѣлъ попытку ввести христіанство

---

[1]) Очевидно, искаженное Зафаръ.

[2]) Книга житій святыхъ. Москва, 1855. Мѣсяцъ октомврій, 24 день «Страданіе св. мученика Ареѳы и иже съ нимъ»

[3]) Въ толкованіи на Коранъ, извѣстномъ подъ именемъ «Рухуль-баянъ» говорится, что пораженіе Абрахи произошло въ половинѣ Мухаррама, т. е. въ половинѣ перваго мѣсяца года рожденія Мухаммеда, а рожденіе Мухаммеда послѣдовало въ мѣсяцѣ Рабигуль-авваль, т. е. черезъ 55 дней послѣ пораженія Абрахи. «Годъ слона» считается 53 годомъ до гиджры, т. е. годомъ рожденія Мухаммеда. — Имя Абрахи съ абиссинскаго языка толкуется въ «Рухуль-баянѣ», какъ имѣющій бѣлое лицо, но ему усвоено прозвище (лякабъ) «отрубленный носъ» (ашрамъ).

въ самой Меккѣ и съ этою цѣлію предпринялъ походъ въ Мекку, окончившійся неудачей вслѣдствіе появленія въ его войскѣ оспы. Годъ этого похода извѣстенъ у арабовъ подъ именемъ „года слона“, и соотвѣтствуетъ году рожденія Мухаммеда, т. е. 570 г. по Р. Хр. И воины Абрахи съ тѣхъ поръ назывались „людьми слона“, такъ какъ въ его войскѣ были слоны. Въ Коранѣ (гл. 105) разсказывается объ этомъ случаѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Не вспоминалъ ли ты (т. е. Мухаммедъ), какъ поступилъ Господь твой съ людьми слона? Не обратилъ ли Онъ умысла ихъ къ ихъ погибели? Онъ послалъ на нихъ стаи птицъ: онѣ бросали въ нихъ камни изъ обожженныхъ глиняныхъ глыбъ. Такъ Онъ сравнялъ ихъ съ потравленной нивой“. Арабское преданіе сохранило слѣдующій разсказъ въ объясненіе неудачнаго похода Абрахи. Онъ, какъ христіанинъ, построилъ великолѣпный храмъ, имѣя въ виду отвлечь Іеменскихъ арабовъ отъ посѣщенія Меккской Каабы. Но корейшиты (жители Мекки), замѣтивъ уменьшеніе числа богомольцевъ, послали одного араба изъ племени Кенанъ осквернить построенный Абрахой храмъ, что тотъ и исполнилъ. Раздраженный этимъ Абраха поклялся въ свою очередь разрушить Каабу и отправился на Мекку съ большимъ войскомъ, при которомъ были слоны, данные Абрахѣ эѳіопскимъ царемъ. Жители Мекки, узнавъ о приближеніи войска Абрахи, испугались и убѣжали изъ города въ окрестныя горы, но Самъ Богъ защитилъ Каабу: когда Абраха подступилъ къ Меккѣ и намѣревался вступить въ городъ, слонъ, на которомъ сидѣлъ царь, заупрямился и не хотѣлъ идти далѣе; когда же слона понуждали, онъ становился на колѣни. Въ то же время надъ войскомъ появились ласточки, у которыхъ въ клювахъ и въ каждой ногѣ было по камню, которые птицы и бросали въ воиновъ Абрахи и поражали ихъ. Затѣмъ Богъ послалъ наводненіе, которое смыло тѣла убитыхъ воиновъ, а нѣкоторыхъ живыми снесло въ море. Оставшіеся невредимыми бѣжали отъ Мекки къ Іемену, но

погибли на пути, такъ что въ свой городъ возвратился одинъ Абраха. Но и онъ скоро умеръ отъ язвы [1]).

Персы, желая на будущее время обезпечить свое вліяніе на Аравію, рѣшили выдворить абиссинцевъ изъ Іемена. Хосрой Нумирванъ (531—579) послалъ подъ начальствомъ Вахриза флотъ съ войскомъ, которое Персидскимъ заливомъ прибыло въ Аденъ. Въ то время въ Іеменѣ явился претендентъ на Іеменскій престолъ изъ потомковъ химьяритовъ,—Сейфъ. Онъ произвелъ возстаніе среди Іеменскихъ арабовъ и былъ посаженъ персами на престолъ. Сдѣлавшись царемъ Іемена, Сейфъ сталъ преслѣдовать абиссинцевъ, но былъ скоро умерщвленъ ими, и Іеменъ снова подпалъ подъ власть абиссинцевъ. Тогда персидскій полководецъ Вахризъ вторично явился въ Іеменъ съ сильнымъ войскомъ, прогналъ абиссинцевъ и сталъ управлять страной на правахъ намѣстника персидскаго царя, имѣя мѣстопребываніе въ главномъ городѣ области,—Санѣ. Съ тѣхъ поръ Іеменъ оставался подъ владычествомъ персовъ: управленіе было предоставлено отдѣльнымъ князьямъ изъ рода древнихъ князей Іеменскихъ. Страна успокоилась и была довольна, какъ говоритъ А. Миллеръ; но самостоятельной политической роли персидскіе намѣстники въ Іеменѣ не имѣли. И въ наступившемъ затѣмъ религіозно-политическомъ переворотѣ, произведенномъ исламомъ, Іеменъ никакой самостоятельности не проявилъ: тамъ водворился исламъ, какъ и въ другихъ областяхъ Аравіи [2]).

---

[1]) Примѣчаніе на главу 105 Корана въ переводѣ Сойля. Русскій пер. По догадкамъ ученыхъ, войско Абрахи погибло отъ оспы.

[2]) А. Миллеръ. Исторія ислама. Т. I, стр. 30—31. Іеменскіе цари у Пококка перечисляются въ такомъ порядкѣ: 1—Кахтанъ, т. е. Іоктанъ, сынъ Евера. Онъ первый царствовалъ въ Іеменѣ и надѣлалъ діалему; 2 — Яарабъ, сынъ Кахтана. Онъ первый говорилъ по-арабски и его сыновья впервые стали привѣтствовать его поцарски; 3—Яшрабъ, сынъ Яараба; 4—Абду-Шамсъ, сынъ Яшраба. Онъ устроилъ въ странѣ Магрибъ знаменитую плотину и

На сѣверо-востокѣ Аравіи персидскіе монархи тоже должны были постоянно оберегать свои пограничныя владѣнія отъ хищническихъ набѣговъ арабскихъ

самый городъ Магрибъ, который послѣ былъ городомъ Сабы; 5 — Химьеръ, сынъ Сабы. Онъ изгналъ Тамудянъ изъ Іемена въ Хиджасъ. Его считаютъ первымъ изъ химьяритскихъ царей, возложившимъ на свою голову золотой вѣнецъ; 6 — Ваиль, сынъ Химьяра; 7—Ас-Саксакъ, сынъ Ваиля; 8 — Яафаръ, сынъ Ас-Саксака; 9—Зу-Ріашъ; 10 — Ан-Нуманъ, сынъ Яафара; 11 — Асмахъ, сынъ Нумана; 12 — Шаддадъ, сынъ Ада; 13 — Лукманъ, братъ Шаддада; 14—Зу-Сададъ, братъ Лукмана; 15—Аль-Харетъ, сынъ Зу-Салада, прозванный Раяшемъ. Онъ первый принялъ царскій титулъ *тубба;* 16 — Зуль-Карнайнъ Асаабъ, сынъ Харета Раяша; 17—Зуль-Манаръ Абраха, сынъ Зуль-Карнайна; 18 — Африкасъ, сынъ Абрахи; 19—Зуль-Азгаръ-Амру, братъ Африка; 20—Шархабиль, изъ потомковъ Саксака; 21—Аль Худхадъ, сынъ Шархабиля; 22—Балкисъ, дочь Худхада. Современница еврейскаго царя Соломона. Она царствовала 20 лѣтъ; 23—Нашируль-Наамъ, сынъ Шархабиля; 24—Шамаръ-Яраашъ, сынъ Нашира; 25 — Абу-Маликъ, сынъ Шамара; 26—Имранъ, сынъ Амира; 27 — Амру, братъ Имрана; 28—Аль-Акранъ, сынъ Абу-Малика; 29—Зу-Хабшанъ, сынъ Акрана. Онъ изгналъ племя Тасмъ и Джадисъ изъ Іемена; 30—Тубба, сынъ Акрана; 31—Куляйкарбъ, сынъ Туббы; 32—Абу-Карбъ-Асаадъ. Онъ прославился за 700 лѣтъ до Мухаммеда и первый покрылъ Каабу завѣсой. При немъ начало распространяться іудейство въ Іеменѣ; 33—Хасанъ, сынъ Туббы; 34—Амру, сынъ Туббы, извѣстный подъ именемъ Зуль-Авадъ; 35 — Абдъ-Кулялъ, сынъ Зуль-Авада; 36 — Тубба-Хасанъ; 37 — Аль-Харетъ, сынъ Амру. Онъ былъ преданъ іудейству; 38 — Марсадъ, сынъ Куляля; 39—Вакія, сынъ Мурсада; 40—Абраха, сынъ Ас-Сабаха; 41—Сабханъ; 42 — Зу-Шанатиръ. Это былъ нечестивѣйшій человѣкъ, занимавшійся педерастіей; 43 — Зу-Навасъ. Онъ бросалъ въ ровъ всѣхъ тѣхъ, которые отказывались исповѣдывать іудейство; 44 — Зу-Джаланъ. Былъ послѣднимъ изъ царей химьяритскихъ, правленіе которыхъ по Абульфедѣ продолжалось 2020 лѣтъ, а по другимъ—болѣе 3000 лѣтъ. Послѣ Зу-Джадана Іеменомъ управляли восемь царей изъ Эѳіопіи, Абиссиніи и Персіи; 45—Арьядъ эѳіоплянинъ, 46 — Абраха-Аль-Ашрамъ, упоминаемый въ гл. 105 Корана; 47—Яксумъ, сынъ Абрахи; 48—Масрукъ, сынъ Абрахи Онъ былъ послѣднимъ царемъ Іемена изъ эѳіоплянъ. Власть эѳіопскихъ царей надъ Іеменомъ продолжалась около 72 лѣтъ: Арьядъ правилъ Іеменомъ 20 лѣтъ, Абраха—около 50 лѣтъ, Яксумъ—2 года; 49 — Сайфъ-Ибнъ Зи-Язанъ былъ изъ химьяритовъ. Онъ былъ со-

кочевниковъ. Съ этой цѣлію персы содержали вдоль Ефрата особые кордоны, подъ управленіемъ князей Хиры [1]), извѣстныхъ подъ именемъ *Лахмидовъ*, т. е. принадлежащихъ къ племени Лахмъ. Первымъ княземъ Хиры, получившимъ отъ персидскаго царя Шапура I (241—272 по Р. Хр.) права и власть надъ арабами Ирака, былъ Амръ-Ибнъ-Адія. Около 380 г. по Р. Хр. династія Лахмидовъ прекратилась на время, но около 400 г. снова является правителемъ страны Нуманъ I, а около 420 г. сынъ его Аль-Мунзиръ, извѣстный у византійцевъ подъ именемъ „короля сарациновъ Аламдароса". Нуманъ III, сынъ Асвада, съ своими лучшими войсками сражался подъ знаменами Персіи съ византійцами и умеръ въ 503 году. Въ 506 г. княземъ Хиры былъ Мунзиръ III, отличавшійся жестокостію и побѣдившій предводителя киндитовъ Хариса. Мунзиръ съ своими ордами бедуиновъ постоянно нападалъ на византійскія провинціи и немилосердно грабилъ ихъ, пока не былъ убитъ. Сынъ его Амръ управлялъ Хирой въ 554—569 гг. и, по преданію, подъ вліяніемъ своей матери христіанки Ханды, самъ принялъ христіанство. Братъ его Мунзиръ IV былъ также христіаниномъ. Сынъ Мунзира Нуманъ V былъ послѣднимъ княземъ Хиры. Онъ управлялъ въ 580—602 гг., отличался любовью къ поэзіи и оказывалъ особенное вниманіе

временникомъ Ануширвана царя персидскаго, при помощи котораго и захватилъ въ свои руки власть надъ Іеменомъ. По смерти его Іеменомъ правили ставленники персидскихъ царей. Послѣднимъ правителемъ Іемена былъ Базанъ, современникъ Мухаммеда, обратившійся въ исламъ. Сынъ Базана Шахръ получилъ власть надъ частью Іемена уже отъ Мухаммеда (см. Specimen historiae arabum, p. 56—67).

[1]) Хира находилась подъ 32° с. ш. на сѣверо-восточной границѣ Аравіи, недалеко отъ мѣстоположенія позднѣйшей Куфы. См. K. V. Spruner. Hand-Atlas zur Geschichte Asiens etc. Gotta, 1855. Самое названіе Хиры на сирійскомъ языкѣ означало «военный лагерь», какъ замѣчаетъ А. Мюллеръ.

арабскому поэту Набигѣ. По смерти Нумана пало и Персидское царство подъ оружіемъ мусульманъ [1]).

Въ пограничной съ Аравіей Сиріи управляли арабы-Хасаниды или Гассаниды. Самымъ замѣчательнымъ изъ нихъ былъ Харисъ V, правившій сиріанскими арабами отъ 530 до 570 г. по Р. Хр. Императоръ Юстиніанъ, желая поднять власть Хариса въ глазахъ арабовъ, назвалъ его, по византійскому обычаю, княземъ „патрикіосомъ“, но Харисъ думалъ не столько объ интересахъ императора, сколько о своихъ личныхъ выгодахъ. Въ арабскихъ преданіяхъ Харисъ считается жестокимъ и низкимъ человѣкомъ. Знаменитый арабскій поэтъ Амруль-Кайсъ, предъ отъѣздомъ своимъ въ Константинополь, передалъ еврейскому князьку Самуилу на сохраненіе свое имущество и въ томъ числѣ пять драгоцѣнныхъ кольчугъ. Самуилъ торжественно обѣ-

---

[1]) А. Мюллеръ. Исторія ислама. Т. I, стр. 17—23. Правители Хиры перечисляются въ слѣдующемъ порядкѣ: 1—Малекъ; 2—Амру, братъ Малека; 3 — Джу-дайма, сынъ Малека, прозванный Аль-Абрашемъ; 4 — Амру, сынъ Ади; 5 — Амруль Кайсъ, сынъ Амру, прозванный Альбада, т. е. первый; 6—Амру, сынъ Амруль-Кайса; 7—Аусъ, сынъ Каляма; 8 — Нѣкто амалекитянинъ, имя котораго неизвѣстно, 9—Амруль-Кайсъ, сынъ Амру, прозванный Аль-Мухрикомъ; 10—Аль-Нуманъ Аль-Агваръ, сынъ Амруль-Кайса; 11—Аль-Мундаръ, сынъ Нумана; 12 — Аль-Асвадь, сынъ Аль-Мундара; 13 — Аль-Мундаръ, братъ Аль-Асвада; 14 — Алкама Аль-Замьяли; 15 — Амруль-Кайсъ, сынъ Нумана, внукъ Амруль-Кайса Аль-Мухрика; 16—Аль-Мундаръ, сынъ Амруль-Кайса и Мавіи, прозванной за красоту Мау-с-Самаи; 17 — Аль-Харетъ, сынъ Амра Киндійца, современникъ Ануширвана; 18 — Амру, сынъ Аль-Мундара отъ Хинды. Въ восьмой годъ его правленія родился Мухаммадъ; значитъ, онъ сдѣлался княземъ Хиры въ 562 г. по Р. Хр.; 19—Кабусъ, братъ Амру; 20—Аль-Мундаръ, другой братъ Амру; 21—Аль-Нуманъ, сынъ Аль-Мундара, называемый также Абу-Кабусомъ, христіанинъ; 22—Айясъ. Въ шестой мѣсяцъ его правленія выступилъ Мухаммадъ на свою проповѣдь; 23—Задавайя, сынъ Махана; 24—Аль-Мундаръ, сынъ Нумана, внукъ Мундара, правнукъ Мундара, праправнукъ Мау-с-Самаи (см. № 16), прозванный Аль-Магруромъ. Онъ правилъ Хирой до завоеванія ея Халидомъ Ибнуль-Валидомъ (Pocock, Specimen Historiae arabum, p. 67—76).

щалъ сохранить ввѣренное ему имущество до возвращенія Амруль-Кайса. Во время проѣзда Амруль-Кайса чрезъ владѣнія Хариса, послѣдній узналъ, что драгоцѣнныя кольчуги арабскаго героя оставлены на сохраненіе Самуилу; и когда Амруль-Кайсъ на возвратномъ пути изъ Константинополя умеръ, то Харисъ во время одного изъ своихъ набѣговъ потребовалъ отъ Самуила выдачи кольчугъ [1]). Вѣрный слову Самуилъ отказалъ Харису въ его требованіи, но Харисъ, захватившій Самуилова сына Адію, уже взрослаго юношу, когда тотъ возвращался съ охоты, сталъ грозить отцу насильственною смертію сына его. Самуилъ и тогда не нарушилъ своего слова. Жестокій Харисъ умертвилъ Адію, но кольчугъ Амруль-Кайса не получилъ... Послѣ „побоища Халимы“ [2]) Харисъ въ 566 г. самъ ѣздилъ въ Константинополь и произвелъ на тамошній дворъ сильное впечатлѣніе, въ родѣ того, какое могъ бы произвести кавказскій Шамиль или Авганскій ханъ Абдурахманъ на современные европейскіе дворы. У Хариса былъ сынъ Аль-Мунзиръ, который разбилъ въ 570 г. (годъ рожденія Мухаммада) Кабуса, князя Хиры. Затѣмъ изъ Гассанидовъ упоминаются: Амръ IV, Нуманъ VI и Харисъ VII, которые, хотя и покровительствовали арабскимъ поэтамъ своего времени, но политическаго значенія, подобно Харису V, уже не имѣли. Послѣднимъ Гассанидомъ былъ Джабалъ VI сынъ

---

[1]) Самуилъ жилъ въ сѣверо-западной Аравіи, близъ Тейма, въ мѣстечкѣ Аблакъ.

[2]) Такъ называется побѣда Хариса надъ Мунзиромъ III, княземъ Хиры, въ 554 г. Халима была красавица — дочь Хариса, которая по приказанію отца, намастила своими руками головы воиновъ отца (чтобы разжечь ихъ воинственный пылъ) любимыми у арабовъ духами—*халукъ*, при чемъ одинъ изъ воиновъ поцѣловалъ ее въ лобъ и получилъ отъ красавицы пощечину. Но отецъ, въ виду предстоящей битвы, посовѣтовалъ дочери не обращать вниманія на это оскорбленіе дерзкаго араба (Исторія ислама А. Миллера).

Айхама, начальствовавшій надъ сирійскими арабами во время вторженія мусульманъ въ эту страну [1]).

Въ сѣверной Аравіи послѣ Р. Хр. на нѣкоторое время возникала своеобразная федерація изъ нѣсколькихъ арабскихъ племенъ подъ главенствомъ сильнаго племени Киндитовъ. Союзныя племена, въ числѣ кото-

---

[1]) А. Миллеръ. Исторія ислама, т. I, стр. 17. У Пококка Гассанидскіе князья перечисляются въ слѣдующемъ порядкѣ: 1—Джафна, сынъ Амра; 2—Амру, сынъ Джафны; онъ устроилъ въ Сиріи много монастырей; 3 — Тагляба, сынъ Амру; 4 — Аль-Харетъ, сынъ Таглябы; 5—Джабала, сынъ Аль-Харета; 6 — Аль-Харетъ, сынъ Джабалы; 7—Аль-Мондаръ Аль-Акбаръ, сынъ Аль-Харета, 8—Аль-Нуманъ, братъ Аль-Мондара; 9—Джабала, второй братъ; 10—Аль-Айхамъ, третій братъ; 11—Амру, четвертый братъ; 12 — Джафна Аль-Асгаръ, сынъ Аль-Мондара Аль-Акбара. Онъ сжегъ городъ Хяру. 13—Аль-Нуманъ Аль-Асгаръ, братъ Джафны; 14—Аль-Нуманъ, сынъ Амра, внукъ Аль-Мондара; 15 — Джабала, сынъ Аль-Нумана. Онъ велъ войну съ правителемъ Хиры Аль-Мондаромъ Ман-с Самаи; 16 — Аль-Нуманъ, сынъ Аль-Айхама; 17—Аль-Харетъ, братъ его; 18 — Аль-Нуманъ, сынъ Аль-Харета; 19 — Аль-Мондаръ, сынъ Аль-Нумана; 20 — Амру, братъ его; 21—Хаджаръ, другой братъ Аль-Мондара; 22—Аль-Харетъ, сынъ Хаджара; 23—Джабала, сынъ Аль-Харета; 24—Аль-Харетъ, сынъ Джабалы; 25—Аль-Нуманъ, сынъ Аль-Харета, называвшійся также Абу-Карбомъ и Кутамомъ; 26—Аль-Айхамъ, сынъ Джабалы. Онъ правилъ также и Тадморомъ; 27—Аль-Мондаръ, братъ Аль-Айхама; 28—Шарахилъ, второй братъ Аль-Айхама; 29—Амру, третій братъ; 30—Джабала, сынъ Харета, внукъ Джабалы; 31 —Джабала, сынъ Аль-Айхама. Онъ былъ послѣднимъ правителемъ Сиріи изъ Гассанидовъ и во время Халифа Омара принялъ исламъ, а затѣмъ отправился въ Константинополь и тамъ объявилъ себя христіаниномъ. Относительно продолжительности всего періода правленія Гассанидовъ въ Сиріи существуетъ разногласіе: одни опредѣляютъ этотъ періодъ въ 400 лѣтъ, а другіе въ 600 лѣтъ. Многіе Гассаниды носили имя Арета. Нѣкоторые считаютъ первымъ сирійскимъ правителемъ Арета, сына Амра, извѣстнаго также подъ именемъ Ибнъ-Аби-Шамара. За нимъ слѣдовали 37 правителей, которые держали власть въ своихъ рукахъ въ теченіе 616 лѣтъ до послѣдняго изъ нихъ Джабалы. При этомъ предположеніи, упоминаемый во второмъ посланіи ап. Павла къ Коринѳянамъ (гл. XI, ст. 32) сирійскій князь Арета и былъ однимъ изъ первыхъ гассанидскихъ правителей Сиріи (см. Specimen historiae arabum, p. 77—79).

рыхъ были Бикриты и Таглебиты, угрожали своими набѣгами византійскимъ провинціямъ. Въ 480 году власть этого союза простиралась до границъ Хиры, но послѣ внутренняя связь этого союза то ослабѣвала, то снова укрѣплялась. Въ числѣ правителей Киндитовъ извѣстны Аль-Худжръ, сынъ его Амръ и особенно сынъ Амра-Харисъ, сдѣлавшій въ 496 г. набѣгъ на Палестину и причинившій много хлопотъ византійцамъ, которые въ 503 году должны были вступить съ нимъ въ переговоры, причемъ императоръ Анастасій обязался уплатить Харису большую сумму денегъ, чтобы обезопасить свои сирійскія границы, но въ тоже время выговорилъ условіе, что Харисъ направитъ свои воинственныя полчища противъ правителей Хиры, находившихся въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Персіи. Мунзиръ III, правившій въ Хирѣ, разбилъ Хариса на голову, а затѣмъ, въ 529 г., захватилъ сына Харисова и казнилъ его. Сыновья Хариса безплодно старались возстановить союзъ Кандитовъ. Одинъ изъ нихъ Худжръ былъ умерщвленъ арабами-асадитами, и тогда сынъ его, знаменитый поэтъ Амруль-Кайсъ [1]) поклялся отомстить за смерть отца. Онъ переходилъ отъ одного племени къ другому и возбуждалъ ихъ на мщеніе, но успѣха не имѣлъ. Съ отрядомъ всадниковъ-удальцовъ онъ нашелъ было помощь у Химьяритовъ, но его противникамъ оказали помощь войска Нушірвана. Въ стычкѣ съ персидской кавалеріей Амруль-Кайсъ потерпѣлъ пораженіе и едва спасся бѣгствомъ. Снова переходя отъ племени къ племени, онъ рѣшилъ наконецъ отправиться въ Константинополь и просить помощи у императора. Здѣсь онъ свелъ будто бы любовную интригу съ Арабіей дочерью императора Юстина II, бывшею замужемъ за главнымъ дворцовымъ интендантомъ. Находившійся въ то время въ Константинополѣ арабъ изъ вра-

[1]) Это тотъ самый поэтъ-герой, который оставилъ свои кольчуги еврею Самуилу на сохраненіе, когда самъ отправился въ Константинополь.

ждебнаго ему племени Асадитовъ разсказалъ объ этой интригѣ, и императоръ-отецъ послалъ своему гостю въ подарокъ плащъ, пропитанный ядомъ, отъ котораго знаменитый арабскій герой-поэтъ умеръ въ Анкирѣ (Ангора) и погребенъ у подошвы горы Асибъ [1]). По словамъ А. Миллера, Амруль-Кайсъ „поэтъ и король", какъ назвалъ его Рюккертъ [2]), переведшій на нѣмецкій языкъ его стихотворенія, страстно желалъ отомстить асадитамъ за смерть своего отца и возстановить славу своего дома, но, не находя удовлетворенія своему честолюбію, не зналъ покоя и внутренняго мира. При всемъ этомъ онъ не обнаруживалъ уныніе и не преклонялся предъ своими несчастіями. Онъ скоро забывалъ свои неудачи и несчастія и не упускалъ случая воспользоваться удовольствіями любви, а затѣмъ снова бросался въ водоворотъ отчаянной борьбы съ своими врагами.

Что касается собственно Хиджаза, пограничной области на Аравійскомъ полуостровѣ, прилегающей къ Красному морю, то она-то и была центромъ новаго религіознаго движенія, завершившагося объединеніемъ Аравіи подъ эгидой ислама. Въ Хиджазѣ именно находятся два города — Мекка и Медина, съ именами которыхъ было связано это движеніе и которые до сихъ поръ считаются у мусульманъ священными (альхарамеинъ). Какъ выше было сказано, съ давнихъ поръ по этой области, благодаря ея географическому положенію и физическому строенію, пролегалъ торговый караванный путь изъ Сабы, славившейся своими естественными богатствами, чрезъ Макорабу (Мекка) и Ясрибъ (Медина), и оба эти города служили наиболѣе удобными пунктами для остановокъ торговыхъ карава-

---

[1]) Энциклопедическій Словарь, составленный русскими учеными и литераторами. Спб. 1862 г. т. IV, стр. 169.

[2]) Amrilkais der Dichter und König. Sein Leben dargestellt in seinen Liedern. Aus den Arabischen ubertragen von Friedrich Ruckert. Stuttgart und Tubingen. 1843.

новъ на ихъ длинномъ и трудномъ пути съ юго-запада на сѣверъ полуострова. Незначительное плоскогорье Хиджаза, изрѣзанное въ разныхъ направленіяхъ невысокими горными кряжами, представляло для движенія каравановъ единственно удобный путь и потому съ давнихъ поръ главныя мѣста остановокъ каравановъ постепенно заселялись и значеніе ихъ среди малонаселенной вообще Аравіи постепенно возрастало. Исторія не сохранила точныхъ и подробныхъ свѣдѣній объ основаніи этихъ двухъ городовъ Аравіи, но несомнѣнно, что населеніе ихъ, особенно Мединѣ, было смѣшанное и что пришлые элементы, привлекаемые сюда не одними только торговыми выгодами, постепенно арабизировались и въ свою очередь оказывали вліяніе на аборигеновъ страны, какъ въ ихъ образѣ жизни, такъ и въ самыхъ воззрѣніяхъ на жизнь и въ религіозныхъ идеяхъ. Близкое сходство въ этнографическихъ чертахъ арабовъ и евреевъ, какъ принадлежавшихъ къ одному семитическому племени, и неблагопріятныя историческія причины побуждали евреевъ въ разное время переселяться въ Аравію, какъ страну малодоступную иноземнымъ завоевателямъ и обѣщавшую переселенцамъ спокойствіе и довольство въ жизни. Особенно послѣ разрушенія Іерусалима и въ эпоху послѣдовавшихъ затѣмъ кровавыхъ преслѣдованій іудеевъ, іудеи массами бѣжали въ Аравію и селились здѣсь навсегда. Цѣлыя племена іудеевъ поселились близъ Хайбара и Ясриба, а другія пошли далѣе на югъ и основались въ Іеменѣ. Чтобы обезпечить себя отъ случайныхъ нападеній особенно кочевыхъ арабовъ, іудейскіе переселенцы окружали свои жилища глинобитными стѣнами, которыя и дали европейскимъ ученымъ поводъ считать подобныя загородни „замками“ въ родѣ средневѣковыхъ рыцарскихъ замковъ. За стѣнами такихъ укрѣпленій, хорошо извѣстныхъ и въ средней Азіи, арабскіе евреи могли спокойно предаваться своимъ занятіямъ и при этомъ сохраняли во всей силѣ преданія отцовъ; особенно ревниво они оберегали свои вѣрованія. Подражая арабамъ во внѣшней

жизни, евреи не чуждались и языка арабовъ, охотно сами говорили по-арабски, но отнюдь не поступались своими религіозными идеями, въ пользу политеизма арабовъ, а наоборотъ старались проводить въ среду арабовъ вѣрованія, вынесенныя изъ Палестины. Предпріимчивые въ практической жизни и стойкіе въ своихъ вѣрованіяхъ еврейскіе переселенцы легко устраивались среди полудикаго туземнаго населенія Аравіи и скоро пріобрѣтали въ странѣ господствующее положеніе. Только гордая независимость арабскаго характера спасала арабовъ отъ полнаго поглощенія евреями, а своеобразное великодушіе и гостепріимство арабовъ давали возможность пришельцамъ евреямъ устраивать свою жизнь согласно древнимъ традиціямъ и привычкамъ, сложившимся во времена пророковъ. Такое положеніе хорошо напоминаетъ намъ поселеніе въ среднеазіатскихъ Киргизскихъ степяхъ татаръ и сартовъ. Пользуясь сходствомъ въ языкѣ и нѣкоторыми общими генеологическими преданіями, татары и сарты легко вообще и до сихъ поръ устраиваются въ степи, среди наивныхъ степняковъ и постепенно распространяютъ на нихъ свое вліяніе. Путемъ подобнаго же вліянія евреевъ на древнихъ номадовъ Аравіи среди послѣднихъ укоренялись древнія, общія евреямъ и арабамъ, преданія, которыя значительно помогли потомъ основателю Ислама при обнародованіи имъ новой вѣры. Къ числу такихъ преданій относятся неоднократныя упоминанія его объ Авраамѣ, въ лицѣ котораго и евреи и арабы одинаково чтили своего родоначальника, первые чрезъ Исаака, а вторые чрезъ Измаила. Такими же соображеніями нужно объяснять и поклоненіе древнихъ арабовъ камню въ Меккѣ, составлявшему и до сихъ поръ составляющему святыню меккскаго святилища арабовъ, Каабы. Въ Коранѣ Богъ представляется говорящимъ Аврааму: „Мы назначили этотъ домъ въ сборище и убѣжище людямъ: держите для себя мѣсто Авраамово мольбищемъ. Мы заповѣдали Аврааму и Исмаилу: оба

вы внушите, чтобы домъ Мой [1]) благоговѣйно чтили совершающіе вокругъ его обходы, проводящіе въ немъ время въ благочестивыхъ думахъ, преклоняющіеся и покланяющіеся до земли". И когда Авраамъ сказалъ: Господи! сдѣлай эту страну безопасною, надѣли плодами жителей ея, тѣхъ изъ нихъ, которые будутъ вѣровать въ Бога и въ послѣдній день,—Онъ сказалъ: „и тѣмъ, которые будутъ невѣрными, дамъ насладиться немного, а послѣ ввергну ихъ въ муку огненную". Какъ страшно это пристанище! И вотъ Авраамъ, вмѣстѣ съ Исмаиломъ, положилъ основаніе этому дому. „Господи нашъ, призри на насъ! Ибо ты слышащій. знающій. Господи нашъ! сдѣлай и насъ покорными Тебѣ, и наше потомство—народомъ, покорнымъ Тебѣ; научи насъ священнымъ обрядамъ и будь жалостливъ къ намъ: ибо Ты жалостливъ. милосердъ. Господи нашъ! воздвигни среди насъ посланника изъ нихъ самихъ. чтобы онъ читалъ имъ знаменія Твои. научилъ ихъ Писанію и мудрости, и сдѣлалъ ихъ чистыми: ибо Ты силенъ. мудръ" [2]).

Мусульманскія преданія пошли далѣе Корана: въ нихъ основаніе Каабы возводится ко временамъ Адама, а возстановленіе ея послѣ всемірнаго потопа ко временамъ Ноя [3]), но это нисколько не разъясняетъ дѣйствительной исторіи Меккскаго храма. Первоначально это былъ, какъ правдоподобно можно предполагать, каменный жертвенникъ подобный тому, какой воздвигъ въ свое время Іаковъ въ Веѳилѣ (Быт., гл. 36). На это указываетъ и обыкновенное имя Каабы — *бяйтулли*, т. е. *домъ Божій*, что̀ и на еврейскомъ языкѣ означаетъ *бетиль* (Веѳиль), а затѣмъ, когда арабы хотѣли обосо-

---

[1]) Т. е. Каабу.

[2]) Коранъ, гл. 2, ст. 119—123.

[3]) См. Geschichte der Stadt Mekka und ihres Tempels, von Cuth-ed-Din Muhammed Ben Ahmed el-Nahrawali. Herausgegeben von Ferdinand Wüstenfeld. Leipzig, 1857. (Арабскій текстъ и нѣмецкій переводъ).

биться отъ сосѣднихъ іудеевъ, то стали утверждать (въ связи съ преданіемъ объ Измаилѣ), что этотъ жертвенникъ устроенъ, по повелѣнію Божію, Авраамомъ и Измаиломъ. Замѣчательно, что у арабовъ есть и другое преданіе, близко напоминающее разсказъ Библіи о томъ, какъ Іаковъ за чечевичную похлебку выпросилъ себѣ право первородства у старшаго брата своего Исава (Быт. XXV, 27—34), именно: когда Кааба перешла отъ корейшитовъ въ руки хузаитовъ, то корейшитъ Кусай (Зейдъ сынъ Килаба) рѣшилъ возвратить своимъ одноплеменникамъ права храненія ключа отъ Каабы и съ этою цѣлію напоилъ до пьяна Абу-Губшана, у котораго хранился ключъ, а затѣмъ, когда Абу-губшанъ, уже пьяный, сталъ просить еще вина, то хитрый Кусай выпросилъ у него ключъ отъ Каабы за вино и удержалъ его у себя силой, причемъ хузаитовъ выдворилъ изъ Мекки, корейшитовъ же размѣстилъ въ городѣ по отдѣльнымъ кварталамъ. Кусай считается пятымъ предкомъ Мухаммада [1]) и жилъ около 400 г. по Рожд. Хр., а около половины пятаго столѣтія въ Меккѣ были построены первые дома [2]). А. Мюллеръ такъ выясняетъ постепенное упроченіе значенія Мекки въ глазахъ сѣверныхъ и центральныхъ арабскихъ племенъ: „Обезопасить себя отъ хищническихъ поползновеній сыновъ пустыни, которые ежеминутно и легко могли спуститься съ горъ на торговый путь, съ цѣлью напасть на тянущіеся къ сѣверу караваны, было главнѣйшей заботой жителей Мекки и ея окрестностей. Всѣ помышленія ихъ устремлены были къ тому, чтобы

---

[1]) Кусай, Абдъ-Манафъ, Хатимъ, Абдулъ-Мутталибъ, Абдулла и Мухаммадъ.

[2]) См. у A. P. Cossin de Perseval'я въ его «Essai sur l'Histoire des Arabes avant l'Islamisme» tom I, p. 74 et 179. Поэтому-то городъ Мекка (Макораба) и не упоминается у Страбона; Діодоръ Сицилійскій (*Βιβλιοθηκη ιστορικη*, lib. II, cap. 48 et cet. lib. III, cap. 42) также не называетъ Мекку, что подтверждаетъ Коссенъ-де Персеваля.

поставить торговлю подъ покровительство чуждаго вначалѣ для кореннаго бедуина и страшнаго, а потому и внушающаго глубокое уваженіе храма. Вотъ и основало купеческое сословіе союзъ племенъ Хиджаза, который имѣлъ своимъ религіознымъ средоточіемъ пунктъ всеобщаго почитанія, Каабу. Союзу этому удалось постепенно невѣрующихъ вначалѣ, но суевѣрныхъ бедуиновъ держать въ субординаціи и даровать имъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность вступленія въ члены союза. Ежегодно праздновался, съ большимъ торжествомъ, внутри и въ окрестностяхъ Мекки, праздникъ весны, какъ это встрѣчается у большинства семитовъ. Обычай этотъ перенесенъ сюда съ сѣвера древнѣйшими переселенцами. На празднества приглашались и остальныя племена. Дабы привлечь ихъ, устраивались вмѣстѣ съ религіозными церемоніями большія ярмарки, которыя открывались во многихъ мѣстностяхъ, по сосѣдству Мекки, до и послѣ періода празднествъ. Здѣсь же сыны пустыни обмѣнивали выдѣланныя кожи своихъ вьючныхъ животныхъ и вообще все то, что въ теченіе года получалось отъ ихъ загородями обнесенныхъ пастбищъ на разнаго рода продукты цивилизаціи: драгоцѣнныя ткани Сиріи. разныя украшенія, выдѣлываемыя въ большомъ количествѣ искусными іудеями сѣвернаго Хиджаза и многое другое, что считалось между полуварварскими номадами рѣдкостью и предметомъ вожделѣній. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что даже бедуины поняли, въ какой мѣрѣ подобнаго рода отношенія требуютъ съ обѣихъ сторонъ миролюбія и прекращенія, хотя бы на срокъ ярмарокъ, излюбленныхъ ими хищническихъ набѣговъ. И еще за нѣкоторое время да Мухаммеда, удалось горожанамъ Мекки установить, чтобы, въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ въ году, царствовалъ миръ, не только въ области торговой конфедераціи Мекки, но и почти повсемѣстно, по всей Аравіи. Въ это спокойное время отдѣльныя племена могли посылать своихъ делегатовъ въ Мекку, для устройства дѣлъ. Ворочались они назадъ, никѣмъ не обижаемые. А при замѣчательныхъ церемо-

ніяхъ торжественнаго богослуженія и жертвоприношеній могли присутствовать и посторонніе. Иноземцы не могли не замѣчать, что подобная образцовая набожность жителей Мекки даровала имъ благословеніе свыше, благоденствіе и успѣхъ. Поэтому многіе стали вскорѣ обдумывать, какъ бы и себѣ самимъ доставить такія же осязательныя выгоды. Мало по малу начали участвовать и посторонніе въ религіозныхъ обрядахъ, которые своею необычайною торжественностію должны были съ перваго раза производить сильное впечатлѣніе на людей простыхъ. Доселѣ лишь изрѣдка, когда имъ ужъ очень плохо приходилось, обращались они со своимъ безъискусственнымъ личнымъ моленіемъ къ какому-нибудь грубому идолу, метеориту или священному дереву. Умные купцы Мекки были готовы сдѣлать все, лишь бы облегчить арабамъ доступъ къ установившимся мекскимъ обычаямъ. Купцы Мекки охотно ставили и внутри и возлѣ Каабы, кромѣ своихъ собственныхъ, также и изображенія идоловъ чуждыхъ имъ племенъ. Такимъ образомъ, мало по малу мекканцы достигли того, что всякій арабъ, не слишкомъ далеко живущій отъ Мекки, признавалъ въ храмѣ Мекки и свою святыню. Божество Каабы, хотя бы арабъ и рѣдко прибѣгалъ къ нему, становилось въ концѣ концовъ его собственнымъ, ибо надъ сонмомъ идоловъ, даже въ Аравіи всѣ предчувствовали высшаго „невѣдомаго бога“, всюду царилъ древній богъ семитовъ *Илъ* или *Иляхъ*, какъ звали его арабы сѣвера. Вѣроятно, благодаря вліянію іудейскому, онъ былъ въ родѣ *всеотца* боговъ предковъ, почитаемый не непосредственной молитвой и богослуженіемъ, но пребывающій въ сознаніи народномъ, какъ бы невидимо присутствовавшій въ качествѣ властителя Каабы. Такъ началось богопочитаніе послѣ того, какъ могущество древнихъ Сабеевъ оказалось недостаточнымъ для поддержанія безопасности караваннаго пути, идущаго на сѣверъ. Такъ постепенно, хотя и въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ, зерно гражданскихъ порядковъ Мекки сдѣлало её первенствующимъ

городомъ не только Хиджаза, но и отчасти большинства арабскихъ племенъ [1]). Но замѣтимъ съ своей стороны, что такое значеніе Мекка могла пріобрѣсти только въ вѣкъ, предшествовавшій эпохѣ Мухаммада, потому что кромѣ преданія о походѣ Іеменскаго царя Абрахи въ Мекку, въ Коранѣ нѣтъ указаній на ея древнее заселеніе; въ противномъ случаѣ основатель ислама, безъ сомнѣнія, не преминулъ бы похвалиться древностію своего отечественнаго города. Напротивъ, въ Коранѣ говорится, что область Мекки не удобна для хлѣбныхъ посѣвовъ (гл. 14 ст. 40) и что продовольствіе для ея жителей доставлялось изъ сосѣднихъ областей (гл. XXVIII, ст. 57). А это само собою говоритъ не въ пользу древности заселенія города. И если область эта была безопасна (гл. XXIX, ст. 67), то только ради молитвеннаго мѣста, по договору окрестныхъ жителей.

Точно также и Медина не можетъ возводить свою исторію далѣе перваго вѣка предъ Р. Хр. и по Р. Хр., когда въ окрестностяхъ этого города и отчасти въ самомъ городѣ поселились іудеи. Но разсказы мусульманскихъ писателей о первыхъ заселеніяхъ Медины не менѣе баснословны, чѣмъ разсказъ Корана о построеніи Каабы. Вотъ эти разсказы.

По сотвореніи Мекки Богъ создалъ Медину, потомъ Іерусалимъ, а черезъ 1000 лѣтъ всю землю заразъ.... По разсказу Аль-Кальби, Ной съ семействомъ высадился изъ ковчега близъ Бабеля (Вавилона). Ихъ было 80 душъ, поэтому и мѣсто ихъ высадки названо „рынкомъ восьмидесяти" (*Сюк-ус-саманинъ*). Бабель имѣлъ въ длину десять дневныхъ переходовъ, а въ ширину 12 фарсанговъ [2]). Тамъ они жили до того времени, когда воцарился Нимвродъ, сынъ Ханаана,

---

[1]) **Исторія ислама. Томъ I, стр. 32—34. Въ приведенномъ отрывкѣ сдѣланы исправленія русскаго перевода вслѣдствіе крайней его шероховатости. Авт.**

[2]) **Около 8 верстъ каждый.**

сына Хама. Въ наказаніе за ихъ отступничество отъ истинной вѣры, произошло смѣшеніе языковъ: ихъ языкъ распался на 72 языка. Внуки Сима отъ Бога узнали арабскій языкъ. Изъ ихъ числа Абиль поселился въ Ясрибѣ (Мединѣ). Потомство его, вытѣсненное оттуда амалекитянами, перешло по направленію къ Меккѣ, гдѣ и осѣло въ 6 миляхъ отъ моря. Это мѣсто получило названіе „пучины“ (аль-джухфа), потому что, по прибытіи туда, они были настигнуты ливнемъ, затопившимъ всю мѣстность.

Якутъ называетъ первыми жителями Медины, обработавшими поля ея, насадившими пальмы и построившими дома и загороди [1]), — амалекитянъ, потомковъ Амалека, внука Сима. Они, распространяясь, заняли всю страну отъ Аль-Бахрейна и Омана до Хиджаза, Сиріи и Египта. Цари Сиріи и фараоны Египта происходили отъ нихъ. Въ Мединѣ жили ихъ роды Бяну-Хафъ и Бяну-Матравиль. Существуетъ преданіе, что когда Моисей въ сопровожденіи нѣсколькихъ израильтянъ совершилъ пилигримство въ Мекку, нѣкоторые изъ нихъ, на обратномъ пути, остались въ Мединѣ, такъ какъ имъ показалось, что это то самое мѣсто, гдѣ долженъ появиться послѣдній изъ пророковъ. Израильтяне поселились, вмѣстѣ съ нѣсколькими аравитянами, на томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи былъ рынокъ Бяну-Кайнука.

Однако преобладающее мнѣніе то, что амалекитяне были древнѣйшими жителями Медины. Два рода ихъ Санъ (или Салъ) и Фалехъ подверглись нападенію Давида, который отнялъ у нихъ 100,000 женщинъ. Всѣ эти женщины померли отъ эпидеміи, а именно отъ гніенія горла. Ихъ могилы находятся въ 3 миляхъ отъ Медины, въ равнинѣ около мѣстности Альджурфъ. Только одна женщина, по имени Зухра, осталась въ

[1]) Подъ этимъ словомъ нужно разумѣть четырехъугольныя пространства, обнесенныя стѣнами, внутри которыхъ размѣщались домашнія постройки. Въ Туркестанѣ такія загороди называются «курганчами». Авторъ.

живыхъ, но и она померла послѣ отъ той же болѣзни тамъ же, когда пожелала вернуться на родину.

Ибъ-Забала разсказываетъ со словъ Орвы-бенъ-аль-Зубейра: амалекитяне распространились; они населяли Мекку, Медину и весь Хиджазъ; но они стали надменны, и Моисей, побѣдивъ Фараона, покоривъ Сирію и истребивъ канаанитовъ, послалъ войско въ Хиджазъ съ приказаніемъ не оставить въ живыхъ ни одного амалекитянина, достигшаго зрѣлаго возраста. Это войско дѣйствительно перебило всѣхъ, не исключая царя Аль-Аркамъ-бенъ-Абуль-Аркамъ; но евреи пощадили одного изъ сыновей его, вслѣдствіе его юности и красоты, предполагая предоставить рѣшеніе его судьбы самому Моисею. Евреи повезли его съ собою, но тѣмъ временемъ Моисей умеръ, а израильтяне, (остававшіеся дома) объявили воинамъ слѣдующее: вы ослушались нашего приказанія, даннаго устами нашего пророка, и мы не пустимъ васъ въ нашу страну. Войско отвѣчало: коли вы насъ гоните отъ себя, то намъ нѣтъ лучшей земли какъ та, изъ которой мы только-что пришли.—И такъ войско израильтянъ поселилось въ Хиджазѣ, въ которомъ въ то время было много воды и деревьевъ.

Табари, въ противорѣчіе съ этимъ разсказомъ, говоритъ, что израильтяне пришли въ Хиджазъ только тогда, когда Новуходоносоръ покорилъ ихъ страну и разрушилъ Іерусалимъ.

Ибнъ-Забала продолжаетъ: войско израильтянъ заняло въ Мединѣ столько земли, сколько душѣ хотѣлось, въ Зухрѣ, — гладкой равнинѣ между Эль-Харра и Ас-Сафила, гдѣ послѣдняя граничитъ съ Эль-Кафъ. Но ихъ главное селеніе было Ясрибъ (Медина), на стеченіи водныхъ путей, гдѣ съ нимъ граничитъ Загаба Ясрибъ, была длинная стоянка, на которой собирался авангардъ ихъ войска. По вечерамъ въ слободѣ, относящейся къ Ясрибу, собиралось 70 однихъ только бурыхъ верблюдовъ, не считая верблюдовъ прочихъ мастей.

Къ арабамъ, жившимъ въ Мединѣ совмѣстно съ іудеями, раньше чѣмъ изъ Іемена туда пришли роды Аусъ и Хазраджъ, относились роды Бану-Онейфъ, который, впрочемъ, по другому мнѣнію, состоялъ изъ остатковъ амалекитянъ, затѣмъ Бану-Музейдъ, Бану-Джадзма и другіе. Сила жителей Медины заключалась въ ихъ огороженныхъ стѣнами постройкахъ воздвигнутыхъ для защиты отъ непріятелей [1]).

Изъ этихъ разсказовъ ясно видно, что іудеи главнымъ образомъ дѣлали исторію Хиджаза, а это особенно важно при выясненіи характера ученія Корана. Возводить начало заселенія Хиджаза къ такимъ отдаленнымъ временамъ, на которыя указываютъ мусульманскія преданія, нѣтъ основаній, такъ какъ объ этихъ предполагаемыхъ поселеніяхъ нѣтъ извѣстій вполнѣ достовѣрныхъ. Если во время Соломона были извѣстны жители Сабы на югѣ аравійскаго полуострова съ ихъ царицей, то какимъ образомъ о евреяхъ Хиджаза не осталось извѣстій отъ того времени?...

Приведенныя въ настоящей главѣ историческія извѣстія, при всей ихъ немногочисленности, указываютъ, что Аравія была всегда страной малодоступной для чужеземныхъ народовъ, а это обстоятельство, безъ сомнѣнія, задерживало умственное, нравственное и соціальное развитіе ея обитателей. Ни древніе азіатскіе завоеватели, ни греки, ни римляне не могли проникать въ эту страну, а если и проникали, то не могли оставлять тамъ слѣдовъ своей культуры, которая даже на югѣ полуострова, въ счастливой Аравіи, не достигала высокаго развитія и была во всякомъ случаѣ непрочна и не обезпечивала дальнѣйшаго процесса, какъ это будетъ видно изъ слѣдующихъ главъ.

---

[1]) См. Geschichte der Stadt Medina. Im Auszuge aus dem Arabischen des Samhudi von Ferdinand Wüstenfeld. Göttingen, 1860. Ss. 12, 25 et cet. На рус яз. см сочин. свящ. Анд. Свѣтлакова; «Исторія іудейства въ Аравіи и вліяніе его на ученіе Корана». Казань, 1875. стр. 17—32.

III.

ДРЕВНІЕ ОБИТАТЕЛИ АРАВІИ.

Самыми древними обитателями Аравіи были двѣ главныя отрасли Ноева потомства—Симиты и Хамиты. иначе называемыя Кушитами. Эти двѣ отрасли, происходя отъ двухъ родныхъ братьевъ,—Сима и Хама,—не могли существенно отличаться одна отъ другой, тѣмъ болѣе, что въ тѣ отдаленныя времена жизнь человѣка и сама по себѣ была несложна и близка къ природѣ и не могла еще рѣзко обособиться вслѣдствіе одинаковости духовныхъ и физическихъ потребностей. Нельзя поэтому согласиться съ Ленорманомъ, утверждающимъ, что въ отдаленной древности глубокія этнографическія и лингвистическія особенности раздѣляли народности, населявшія различныя части обширной Аравіи, и что нѣсколько различныхъ расъ являлись тамъ послѣдовательно одна за другой, чтобы доставить населенію полуострова элементы, между которыми смѣшеніе произошло очень поздно. Ихъ духъ, нравы, цивилизація, вслѣдствіе самой противоположности своей, по его словамъ, показывали будто бы, что эти народы не принадлежали къ одной и той же крови [1]). Скорѣе было наоборотъ: въ началѣ заселенія Аравіи именно сходствомъ крови отличались арабскія племена, и въ

[1]) Руководство къ др. исторіи Востока, т. II, вып. 1, стр. 6.

нравахъ этихъ племенъ не было замѣтно рѣзкихъ противоположностей. Съ теченіемъ времени, конечно, арабскія племена обособлялись постепенно, но и тогда единство крови ихъ не уничтожалось совершенно и не забывалось самими народами, какъ это подтверждается позднѣйшими арабскими преданіями. Ко времени Авраама и сына его Измаила древнія арабскія племена не успѣли особенно много обособиться; иначе самое смѣшеніе ихъ, на которое указываютъ историки, не могло бы состояться и такъ прочно, органически окрѣпнуть. Въ сущности, въ древней Аравіи происходили послѣдовательныя, но однородныя наслоенія, упоминаемыя въ Коранѣ и подтверждаемыя Библіей, а совсѣмъ нестоль различныя, какъ говоритъ объ этомъ Ленорманъ, основывающійся главнымъ образомъ на Коссенъ-де-Персевалѣ. Въ противномъ случаѣ основателю ислама было бы невозможно столь быстро (въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ) достигнуть политико-религіознаго объединенія Аравіи, если бы населеніе разныхъ частей ея было не сходно до глубокихъ этнографическихъ и лингвистическихъ отличій. Въ древнія времена, какъ и въ нашъ вѣкъ, объединиться могутъ только однородныя племена въ обширномъ смыслѣ слова, а разноплеменные народы или очень трудно поддаются объединенію, или же вовсе не соединяются между собою. Примѣромъ могутъ служить наши разноплеменные инородцы. Поэтому-то и позднѣйшая формула арабскихъ наслоеній: арабы первичные, вторичные и третичные выражается терминами одного корня: *ариба*, *мутаарриба* и *мустаарриба*. Подъ первыми нужно разумѣть первоначальныхъ *симитовъ*, подъ вторыми симитовъ-іоктанидовъ [1]), смѣшанныхъ съ хамитами, а подъ

---

[1]) Іоктаниды — потомки Іоктана, сына Евера. Ярабъ (يعرب), сынъ Іоктана (Кахтана), былъ первымъ царемъ Іемена и говорилъ *по-арабски*, а братъ его Джархамъ (جرهم) былъ первымъ царемъ Хиджаза. Двѣнадцатымъ царемъ Хиджаза былъ Мидадъ (مضاض),

третьими *измаилитовъ*. Въ Коранѣ нѣтъ и не могло быть такого дѣленія; тамъ обитатели Аравіи просто дѣлятся на древнія поколѣнія и новыя поколѣнія. Къ древнимъ поколѣніямъ въ Коранѣ отнесены: Адяне, Сямудяне, владѣтели Расса, Айканцы, Мадіанитяне, народъ Тоббы. Мухаммедъ обыкновенно заявлялъ, что всѣ эти и многія другія древнія поколѣнія, жившія въ Аравіи, были истреблены Богомъ за ихъ нечестіе [1]). Въ числѣ неупомянутыхъ въ Коранѣ древнихъ обитателей Аравіи мусульманское преданіе называетъ еще два племени Тасмъ и Джадисъ, а у Страбона [2]) упоминается о Набатеяхъ, Минаяхъ, Герраяхъ и др. Разсмотримъ эти преданія и разсказы.

Адяне [3]) происходили, по преданію, отъ правнука Симова Ада, сына Уца, сына Арама [4]), и жили въ песчаной долинѣ „Ахкафъ“ [5]) въ южной Аравіи, гдѣ имѣли

сынъ Амра. Дочь Модада была выдана за Авраамова сына Измаила. Этотъ бракъ установилъ кровную связь измаилитовъ съ іоктанидами. См. Пококкъ, стр. 79—80.

[1]) Коранъ, гл. 25, ст. 40; гл. 50, ст. 13 и др.

[2]) Географія, кн. 16.

[3]) عاد إرم. Коранъ, гл. 7, ст. 63—70; гл. 11, ст. 52—63; гл. 26, ст. 123—139 и др.

[4]) По Библіи, у Сима были сыновья: Еламъ, Ассуръ, Арфаксадъ, Лудъ, Арамъ. У Арама былъ сынъ Уцъ. О сыновьяхъ Уца въ кн. Бытія не упоминается. См. Быт. гл. 10, ст. 22—29.

[5]) Коранъ, гл. 46, ст 20. Выраженіе *Ахкафъ* есть множественное число отъ *хикфъ* песокъ. Путешествовавшій по южной Аравіи Вреде разсказываетъ, что пустыня «Аль-ахкафъ» не имѣетъ ни одного деревца, ни одной былинки; съ высоты плато (около 300 метровъ), господствующаго надъ песчанымъ пространствомъ, видишь только волну за волной на необъятномъ морѣ песковъ: нигдѣ не замѣтно ни малѣйшаго слѣда растительности; ни одна птица не летаетъ надъ безмолвной, безжизненной равниной. Въ этомъ океанѣ дюнъ мѣстами открываются страшныя бездны, называемыя «Бахруль-Сафи», т. е. Море-Сафи, по имени царя, который будто бы былъ поглощенъ здѣсь песками со всѣмъ своимъ воинствомъ. Бедуины говорятъ, что на днѣ этихъ пропастей нахо-

укрѣпленное мѣсто *Ирамъ* (Коранъ гл. 89, ст. 6). По преданіямъ, сохранившимся у арабовъ, Адъ имѣлъ двухъ сыновей: Шаддада и Шаддида, которые, по смерти отца своего, царствовали вмѣстѣ; но когда Шаддидъ умеръ, братъ его Шаддадъ остался единовластнымъ правителемъ. Услышавъ о небесномъ раѣ, онъ приказалъ устроить садъ, въ подражаніе райскимъ садамъ, въ пустынѣ Адена [1]) и назвалъ его Ирамомъ по имени прадѣда своего Арама. Въ этой мѣстности адяне построили себѣ укрѣпленія, подобныхъ которымъ не было въ той странѣ. На каждой возвышенности они строили затѣйливыя жилища [2]) для своего развлеченія и имѣли во всемъ изобиліе — въ садахъ, источникахъ, скотѣ и сыновьяхъ—и гордились своимъ богатствомъ и могуществомъ, говоря: „Кто превосходитъ насъ силой?“ Они не думали, что Богъ, который сотворилъ ихъ, превосходитъ ихъ силой, и отвергли знаменія Божіи [3]).

По вѣрѣ Адяне были многобожниками и покланялись четыремъ божествамъ, которыя ниспосылали имъ дождь и обезпечивали пищу, спасали отъ болѣзней и всякаго бѣдствія. Чтобы обратить ихъ на путь истиннаго богопочитанія, Богъ воздвигъ среди нихъ про-

---

дятся несмѣтныя сокровища подъ охраной геніевъ, но что они, бедуины, не только не пытаются овладѣть сокровищами, но даже избѣгаютъ этихъ песчаныхъ топей, легко узнаваемыхъ по ослѣпительной бѣлизнѣ песковъ, которые составляютъ рѣзкій контрастъ съ желтоватымъ пескомъ окружающихъ дюнъ. По разсказамъ бедуиновъ, извилистая цѣпь пропастей продолжается на протяженіи восьми дней ходьбы по окраинамъ пустыни (Реклю Земля и Люди. Т. IX, стр. 715—716).

[1]) На юго-западномъ берегу Аравіи.

[2]) Въ жаркихъ странахъ это обычное явленіе. Въ Туркестанскомъ краѣ и въ настоящее время еще сохранились остатки огромныхъ земляныхъ насыпей, на которыхъ были устроены жилища ихъ владѣтелей. Изслѣдованіе этихъ насыпей составляетъ предметъ занятій Туркестанскаго кружка любителей археологіи.

[3]) Коранъ, гл. 89, ст. 6—7; гл. 41, ст. 14.

рока Гуда [1]), который говорилъ имъ: „Не убоитесь ли вы Бога? Дѣйствительно, я къ вамъ вѣрный посланникъ; а потому, убойтесь Бога и повинуйтесь мнѣ. Не прошу съ васъ за это никакой награды; награда мнѣ только у Господа міровъ. Посмотрите, на каждой возвышенности вы строите какое-либо затѣйливое жилище для своей забавы; заводите себѣ великолѣпныя зданія, какъ будто вы будете жить вѣчно; когда властвуете, властвуете, употребляя насиліе. Убойтесь же Бога и повинуйтесь мнѣ. Убойтесь Того, кто вамъ далъ обиліе въ томъ, что знаете вы у себя: далъ вамъ обиліе въ скотѣ, сыновьяхъ, садахъ, источникахъ. Право, боюсь наказанія, какое будетъ вамъ въ великій день суда. Они сказали: для насъ все равно: увѣщевалъ ли бы ты насъ, или не былъ бы увѣщевателемъ; это одни только вымыслы прежнихъ людей. Наказаны мы никогда не будемъ! Они почли пророка лжецомъ, и за то Мы погубили ихъ“ [2]). Въ другомъ мѣстѣ Корана пророкъ Гудъ представляется говорящимъ своему народу такъ: „Народъ мой! покланяйтесь Богу: кромѣ Его у васъ нѣтъ другого Бога: ужели вы не будете богобоязливы? Старѣйшины невѣрныхъ въ народѣ его сказали: видимъ, что ты въ безразсудствѣ, и думаемъ, что ты одинъ изъ лжецовъ. Онъ сказалъ: народъ мой! во мнѣ нѣтъ безразсудства; но я посланникъ отъ Господа міровъ. Я передаю вамъ то, съ чѣмъ послалъ меня Господь мой: я вамъ искренній совѣтникъ. Ужели вамъ удивительно, что къ вамъ отъ Господа вашего приходитъ ученіе чрезъ человѣка изъ среды васъ, для того, чтобы онъ училъ васъ? Вспомните, что Онъ поставилъ васъ намѣстниками послѣ народа Ноева, далъ вашему росту чрезвычайную величину. Потому, помните благодѣянія Божіи: можетъ быть будете счастливы. Они сказали: для того ли ты пришелъ къ намъ, чтобы

---

[1]) У Байзави Гудъ считается сыномъ Шалиха, сына Арфахшада, сына Симова.

[2]) Коранъ, гл. 26, ст. 124—139.

мы покланялись Богу, только Ему одному, и оставили тѣхъ, которымъ покланялись отцы наши? Такъ представь же то, чѣмъ грозишь намъ, если ты изъ числа правдивыхъ. Онъ сказалъ: скоро поразитъ васъ гроза и казнь Господа вашего; будете ли спорить со мной объ именахъ, какими наименовали ихъ вы и отцы ваши? Богъ не ниспослалъ свыше никакого подтвержденія о нихъ. Ждите; вмѣстѣ съ вами и я буду въ числѣ ожидающихъ. И Мы [1]) по милости нашей спасли Гуда и тѣхъ, которые были съ нимъ, и истребили до послѣдняго человѣка всѣхъ тѣхъ, которые считали наши знаменія ложными и были невѣрующими“ [2]).

По преданію, адяне были наказаны трехлѣтнею засухой и тогда послали избранныхъ людей въ Мекку, чтобы умолить божество о ниспосланіи дождя. Правитель Мекки столь гостепріимно принялъ пришельцевъ, что они забыли о главной цѣли своего путешествія, но когда вспомнили и просили божество о дождѣ, предъ ними появились три облака: красное, бѣлое и черное. Они выбрали для своего народа черное облако, считая его дождевымъ, но изъ этого облака появилась страшная буря, которая всѣхъ адянъ истребила. Въ гл. 69, ст. 6—7 Корана говорится, что Адяне были уничтожены шумнымъ, бурнымъ вѣтромъ, который семь дней и восемь ночей непрерывно дулъ на нихъ и истребилъ ихъ: пораженные ураганомъ адяне лежали какъ стволы пальмъ, вырванныхъ съ корнемъ. Эту катастрофу Ф. Ленорманъ, основываясь на авторитетѣ Коссенъ-де-Персеваля, относитъ къ концу XVII вѣка до Р. Хр. [3]) и задаетъ вопросъ: не слѣдуетъ ли подъ ураганомъ, истребившимъ адитовъ, подразумѣвать нашествіе іектанидскихъ племенъ, которыя принуждены были слѣдовать по этому пути, чтобы вступить въ Іеменъ, и которыя являются тамъ

[1]) т. е. Богъ.

[2]) Коранъ, гл. 7, ст. 63—70.

[3]) Около XVIII вѣка.

въ эпоху постигшей адитовъ катастрофы? По его соображенію, около XVIII вѣка до нашей эры, іектаниды вошли въ южную Аравію и къ тому времени, когда была написана X-я глава книги Бытія, они успѣли уже распространиться во всѣхъ частяхъ Іемена, Гадрамаута и Махры, гдѣ поселились среди кушитовъ, первобытныхъ жителей страны. Безъ сомнѣнія, ихъ поселеніе не могло произойти безъ борьбы. Трудно думать, чтобы сабеяне кушитской крови спокойно позволили нахлынувшей волнѣ чуждыхъ пришельцевъ раздѣлить съ собой плодоносныя земли, единственными обладателями которыхъ были они до тѣхъ поръ. Чтобы найти историческую причину разрушенія перваго царства адитовъ, въ дѣйствительности котораго сомнѣваться не возможно, не смотря на баснословный характеръ обстоятельствъ, окружающихъ эти преданія, г. Ленорманъ считаетъ напраснымъ дѣломъ подъискивать фактъ, который могъ бы быть примѣненъ сюда болѣе подходящимъ образомъ, чѣмъ это вторженіе іектанидовъ, выступающее, кажется, весьма опредѣленно, какъ эпоха. А намъ кажется, что нѣтъ никакой надобности давать такое искусственное толкованіе катастрофѣ адитовъ, которая могла послѣдовать отъ причинъ физическихъ, и что нашествіе іектанидскихъ племенъ представляло собой фактъ самостоятельный. И вообще не представляется никакого основанія считать адитовъ, вопреки Библіи и Корану, потомками Хама отъ Куша, а не потомками Сима отъ Арама. Потомки Куша (Кушиты) могли поселиться въ Іеменѣ независимо отъ адитовъ.

Сямудяне [1]), т. е. потомки Сямуда, сына Еверова, сына Арама [2]), сына Сима, сына Ноева, жили въ до-

---

[1]) Сямудъ (ثمود) слышится въ произношеніи какъ Тсямудъ; у г. Саблукова передано чрезъ Θ: Θемудъ, Θемудяне.

[2]) По Библіи у Арама, сына Симова, были сыновья: Уцъ, Хулъ, Геθеръ и Машъ (Быт. гл. X, ст. 23).

линѣ Аль-Хиджръ, лежащей между Хиджазомъ и Сиріей [1]), а у арабскихъ географовъ извѣстной подъ именемъ Іемамы. Это были своего рода троглодиты, которые высѣкали себѣ жилища въ скалахъ, имѣли засѣянныя поля, пальмовые сады съ фонтанами и жили въ полнѣйшей безопасности (Коранъ, гл. 15, ст. 146—149). Для обращенія ихъ къ истинному богопочитанію, Богъ воздвигъ изъ среды ихъ пророка Салиха, потомка Сямуда въ шестомъ колѣнѣ (по Байзави), отождествляемаго съ сыномъ Евера Фалекомъ [2]) Салихъ увѣщевалъ Сямудянъ оставить идолопоклонство и поклониться Богу единому. Онъ говорилъ: „не убоитесь ли вы Бога? Дѣйствительно, я къ вамъ вѣрный посланникъ; а потому, убойтесь Бога и повинуйтесь мнѣ. Не прошу у васъ за это никакой награды; награда мнѣ только у Господа міровъ. Смотрите, вы остаетесь здѣсь безопасными среди того, что тутъ есть: среди садовъ, источниковъ, среди нивъ, пальмъ съ густыми завязями, плодовъ; въ горныхъ скалахъ высѣкаете себѣ домы, высказывая затѣйливость. Убойтесь же Бога и повинуйтесь мнѣ. Не повинуйтесь требованіямъ неумѣренныхъ, которые распространяютъ на землѣ зло и не дѣлаютъ добра. Они сказали: ты изъ такихъ, которые подверглись очарованію; ты только человѣкъ, какъ и мы. Представь намъ какое-либо знаменіе, если ты правдивъ. Онъ сказалъ: имъ будетъ верблюдица: въ извѣстный день ей пить, и *въ извѣстный день*—вамъ пить. Никакого вреда не дѣлайте ей, чтобы васъ за то не постигло наказаніе въ великій день“ [3]). Для подкрѣпленія своей проповѣди Салихъ вывелъ изъ каменной скалы верблюдицу, которая и напомнила Сямудянамъ о могуществѣ единаго истиннаго Бога и объ истинности воздвигнутаго среди нихъ пророка (Салиха). Толковники Корана поясняютъ: „Когда Сямудяне настояли на томъ,

[1]) См. Толкованіе на Коранъ Казы Байзави гл. 15, ст. 80.

[2]) Быт. гл. X, ст. 25 и гл. XI, ст. 16.

[3]) Коранъ, гл. 26, ст. 142—156.

чтобы имъ было дано знаменіе, то пригласили Салиха на свое пиршество съ тѣмъ, чтобы онъ призвалъ Бога своего, а они своихъ боговъ. Долго Сямудяне взывали къ своимъ идоламъ безъ всякаго успѣха, и князь ихъ Кодаруль-Омаръ указалъ на камень и сказалъ Салиху, чтобы онъ вывелъ изъ этого камня верблюдицу беременную и торжественно обѣщалъ, что если Салихъ сдѣлаетъ это, то онъ, князь, и народъ его увѣруютъ въ Бога. Послѣ того Салихъ обратился съ молитвой къ Богу, и вдругъ камень началъ двигаться и распался, выпустивъ изъ себя верблюдицу, которая также породила вдругъ верблюдицу уже вздоенную, величиною съ себя. Увидѣвъ это чудо, нѣкоторые изъ жителей увѣровали въ пророка, но большая часть Сямудянъ остались въ своемъ невѣріи. О верблюдицѣ толковники Корана разсказываютъ, что когда она выходила пить, то пила до тѣхъ поръ, пока не оставалось воды въ колодцѣ или рѣкѣ, и послѣ этого позволяла доить себя столько, сколько угодно было народу. Нѣкоторые говорятъ, что она ходила по городу и кричала: „кому надобно молока?“ Не смотря на это, только немногіе Сямудяне приняли проповѣдь Салиха, а большинство, надѣясь на свои жилища, укрѣпились въ скалахъ, отвергли его и подрѣзали верблюдицѣ жилы на ногахъ [1]). По другому разсказу, эта необыкновенная верблюдица устрашала скотъ сямудянъ необычайнымъ своимъ ростомъ и сгоняла животныхъ съ пастбища. Тогда одна богатая женщина Ониза Оммъ Ганемъ, которая имѣла четырехъ дочерей, нарядила ихъ, привела къ Коддаруль-Омару и сказала, что онъ можетъ взять любую изъ нихъ, только бы убилъ верблюдицу. Коддаруль-Омаръ выбралъ одну изъ представленныхъ ему дѣвицъ

---

[1]) Въ гл. 7-й Корана, ст. 71—77, говорится вообще о верблюдѣ, который служилъ знаменіемъ Божіимъ для сямудянъ и котораго они не должны были касаться; но сямудяне подрѣзали поджилки верблюду и похвалялись: «выполняй теперь твои угрозы, если ты посланникъ Божій!»

и съ помощію другихъ восьми человѣкъ убилъ верблюдицу; затѣмъ, погнался за молодымъ верблюдомъ, который убѣжалъ въ горы, догналъ его, убилъ и раздѣлилъ его мясо между своими товарищами-охотниками. Третьи разсказываютъ, что верблюженокъ не былъ убитъ, такъ какъ скала разсѣлась и скрыла его. Черезъ три дня Богъ поразилъ Сямудянъ казнію: страшная буря и землетрясеніе [1]) среди дня разрушили ихъ жилища, и невѣрующіе были истреблены.

Ленорманъ сопоставляетъ имя Коддаруль-Омара, убившаго верблюдицу, съ упоминаемымъ въ Библіи Кодорлагоморомъ, царемъ Эламскимъ, но Кодорлагоморъ былъ современникомъ Авраама [2]), поразившимъ Хорреевъ въ мѣстѣ ихъ жительства близъ горы Сеиръ, на которой впослѣдствіи жили потомки Исава, сыны Сеира, бывшіе старѣйшинами Хорреевъ [3]). У Діодора (lib. III, cap. XLIV) упоминаются тамудены (*Θαμουδηνοι*), которыхъ можно отожествить съ Сямудянами Корана.

Асхабу-р-расъ [4]) или владѣльцы колодца по толкованію, изложенному въ „Рухуль-баянъ“, принадлежали къ потомкамъ израильтянъ, жили прежде Соломона и были идолопоклонниками, чтившими сосну (*Синабаръ*), посаженную на берегу одного источника Іафетомъ, сыномъ Ноя. Изъ этого источника вытекала большая рѣка, подобной которой не было въ мірѣ, а по берегамъ рѣки находились 12 городовъ. Жители этихъ городовъ разводили сосны изъ сѣмянъ той сосны и покланялись имъ. Царемъ у нихъ былъ одинъ изъ

---

[1]) Въ гл. 7, ст. 76 говорится только о землетрясеніи, а въ гл. 41, ст. 16 упоминается буря.

[2]) См. Быт., гл. XIV.

[3]) Быт., гл. XXXVI, ст. 8, 20—21.

[4]) أصحاب الرس. Коранъ, гл. 40, ст. 25.

потомковъ Нимрода, сына Канана [1]). Царь не позволялъ жителямъ пить воду изъ того источника, на берегу котораго Іафетомъ была выращена первая сосна, потому что вода этого источника считалась Божіей. По своему языческому обычаю, Асхабу-р-расъ каждый мѣсяцъ приходили на поклоненіе священному дереву, украшали его, приносили въ жертву животныхъ и мясо ихъ бросали въ разведенный костеръ. Когда дымъ отъ костра подымался кверху и закрывалъ небо, тогда Асхабу-р-расъ падали на землю и обращались къ священному дереву съ молитвами, а изъ дерева шайтанъ провозглашалъ имъ: „я доволенъ вами, молитва ваша будетъ услышана“. Тогда они снова дѣлали поклоненіе и затѣмъ пили и веселились отъ радости, что божеству угодны ихъ молитвы.

Прошло много лѣтъ. Асхабу-р-расъ не отступали отъ своего идолопоклонства, и Богъ послалъ къ нимъ пророка изъ потомковъ Іуды, сына Іакова. По одному преданію, пророкъ этотъ назывался Шоаибомъ, а по другому преданію Ханзаля-бенъ-Сафванъ. Онъ жилъ прежде Моисея, и пригласилъ народъ къ вѣрѣ въ истиннаго Бога, но идолопоклонники не склонились къ его проповѣди; увѣровали только немногіе. Тогда по молитвѣ пророка изсохъ ручей, и священное дерево засохло. Идолопоклонники, уразумѣвъ, что ихъ священное дерево погибло по молитвѣ пророка, схватили его, бросили въ колодецъ и завалили камнями, такъ что пророкъ умеръ въ колодцѣ. Тогда Богъ сказалъ Ангелу Гавріилу: „Асхабу-р-расъ не боится Меня и убили посланнаго къ нимъ пророка. За это Я отомщу имъ“. Былъ посланъ на невѣрующихъ горячій вѣтеръ, который согналъ ихъ въ одно мѣсто, гдѣ земля была по-

---

[1]) По Библіи, Нимродъ былъ сынъ Хуша, сына Хамова. Царство его было въ Сеннаарѣ съ городомъ Вавилономъ. См. Быт. гл. X, ст. 8—10.

крыта сѣрой [1]). Затѣмъ на небѣ появилось черное облако, изъ котораго упалъ огонь на землю, воспламенилъ сѣру и всѣ Асхабу-р-расъ погибли въ этомъ пламени. По другому разсказу, Богъ прежде истребленія Асхабу-р-расъ послалъ на нихъ страшную птицу Анка [2]), которая похищала и пожирала дѣтей идолопоклонниковъ. Въ отмщеніе за это идолопоклонники убили пророка и затѣмъ сами были истреблены Богомъ [3]).

Толковники Корана не указываютъ опредѣленно мѣста жительства Асхабу-р-расъ: одни полагаютъ, что Асхабу-р-расъ жили близъ Мадіана; другіе думаютъ, что колодецъ, въ которомъ погибъ пророкъ, находится близъ Антіохіи, а иные, наконецъ, предполагаютъ, что они жили близъ колодца, оставшагося послѣ Сямудянъ, на сѣверо-западѣ Аравійскаго полуострова. Ленорманъ, на основаніи Ибнъ-Хальдуна, говоритъ, что подъ именемъ „Рассъ“ была извѣстна въ Іеменѣ мѣстность, населенная Гадурами, потомками Кахтана отъ Гидарама, которые были наказаны Богомъ за свое ослѣпленіе и жестокость: они предали смерти пророка Шоаиба, посланнаго Богомъ для уничтоженія ихъ идолопоклонства и возвѣщенія имъ истинной религіи [4]). Но съ этимъ замѣчаніемъ нельзя согласить вышеприведенныхъ толкованій Корана, по которымъ „Асхабу-р-расъ“ имѣли царемъ одного изъ потомковъ Нимрода. Значитъ, они были Хамиты, а не Симиты, и жили они близъ Мадіана, а не въ Іеменѣ, въ которомъ могла быть другая мѣстность съ тѣмъ же названіемъ.

---

[1]) Въ Сеннаарѣ, владѣніи Нимрода, земляная смола (нефть) служила жителямъ вмѣсто извести. Быт. гл. XI, ст. 3.

[2]) См. объ этой птицѣ въ моемъ изданіи «Сарты», вып. второй. Приложеніе.

[3]) Многія подробности въ приведенномъ толкованіи опущены мною.

[4]) Ф. Ленорманъ. Руков. къ др ист. востока. Т. 2, вып. 1, стр. 16.

Мадіанитяне [1]) жили въ Каменистой Аравіи, имѣли городъ Мадіанъ или Мадьянъ и соотвѣтствуютъ библейскимъ Мадіанитянамъ [2]). О нихъ въ Коранѣ упоминается нѣсколько разъ [3]). У Мадіанитянъ жилъ нѣсколько лѣтъ Моисей [4]), а потомъ къ нимъ былъ посланъ Богомъ пророкъ Шоаибъ, происходившій изъ ихъ племени. Въ „Рухуль-баянъ“ Шоаибъ считается внукомъ Авраама отъ сына его Мадьяна [5]) и дочери Лота. Онъ говорилъ Мадіанитянамъ: „Народъ мой! покланяйтесь Богу: кромѣ Его для васъ нѣтъ никого достопокланяемаго. Не уменьшайте мѣры и вѣса. Я вижу, что вы въ благосостояніи; но я боюсь, что въ нѣкоторый день охватитъ васъ казнь. Народъ мой! соблюдайте вѣрность въ мѣрѣ и вѣсѣ; не дѣлайте людямъ ущерба въ имуществѣ ихъ; не злодѣйствуйте, распространяя на землѣ нечестіе. Немногое, оставленное вамъ Богомъ, лучше для васъ, если вы вѣрующіе: а я не стражъ за вами. Они сказали: Шоаибъ! не благочестіе ли твое внушаетъ тебѣ, чтобы мы оставили то, чему поклонялись отцы наши, и чтобы мы не поступали съ нашимъ имуществомъ, какъ хотимъ? Да, ты кротокъ, правдивъ. Онъ сказалъ: народъ мой! ты видишь: если я опираюсь на ясное указаніе Господа моего и Онъ доставилъ мнѣ отъ себя хорошій достатокъ: то мнѣ какъ не желать удержать васъ отъ того, отъ чего Онъ васъ уклоняетъ? Я желаю только исправленія, сколько могу: помощь мнѣ только отъ Бога: на Него надѣюсь, и къ Нему съ со-

---

[1]) أصحاب مدين или أهل مدين.

[2]) Кн. Судей, гл. VI—VIII. Въ атласѣ Шпрунера гор. Мадіана показанъ подъ 32° с. ш.

[3]) Коранъ, гл. 7, ст. 83 и слѣд. гл. 9, ст. 71; гл. 11, ст. 85; гл. 22, ст. 43; гл. 28, ст. 21—29; гл. 29, ст. 35.

[4]) Коранъ, гл. 20, ст. 42; гл. 28, ст. 21—29; ср. Исходъ, гл. II, ст. 15—25; гл. III, ст. 1.

[5]) По Библіи, Мадіанъ былъ сынъ Авраама отъ Хеттуры. Быт. гл. XXV, ст. 1—2.

крушеннымъ чувствомъ обращаюсь. Народъ мой! мое разногласіе да не послужитъ къ увеличенію виновности вашей, такъ чтобы постигло васъ подобное тому, что постигло народъ Ноевъ, народъ Гудовъ, народъ Салиховъ. Народъ Лотовъ не далекъ отъ васъ. Просите прощенія у Господа вашего и съ раскаяніемъ обратитесь къ Нему: потому что Господь мой милосердъ, любящій. Они сказали: Шоаибъ! мы не понимаемъ многаго изъ того, что говоришь ты. Но мы видимъ, что ты между нами слабъ; если бы не твоя семья... мы побили бы тебя камнями. Ты для насъ не дорогъ. Онъ сказалъ: народъ мой! семья ли моя для васъ дороже Бога? А Его считаете такимъ, что бросить стоитъ назадъ себя, за спину? Господь мой обнимаетъ своимъ вѣдѣніемъ то, что дѣлаете. Народъ мой! дѣлайте по своему душевному настроенію, я буду дѣлать... Скоро узнаете, кто тотъ, на кого придетъ казнь и кого посрамитъ она, и кто лжецъ. Ждите, вмѣстѣ съ вами и я буду ждать. И когда пришло отъ Насъ повелѣніе, Мы по милости Нашей спасли Шоаиба и вмѣстѣ съ нимъ тѣхъ, которые увѣровали. Буря схватила нечестивыхъ, и на утро они въ жилищахъ своихъ лежали ницъ лицемъ, какъ будто они никогда не обитали тамъ. Смотри, сгинулъ Мадіамъ, какъ сгинулъ Θемудъ“ [1]), (т. е. Сямудяне, о которыхъ сказано выше).

---

[1]) Въ главѣ 7, ст. 83—91 этотъ разсказъ передается въ такой формѣ: «Народъ мой! покланяйтесь Богу: кромѣ Его у васъ нѣтъ другого Бога; отъ Господа вашего пришло къ вамъ ясное указаніе: соблюдайте вѣрность въ мѣрѣ и вѣсѣ; не вредите людямъ убавленіемъ принадлежащаго имъ; не распространяйте разстроиства по землѣ послѣ того, какъ она приведена въ благоустроиство. Это послужитъ къ вашему благу, если вы будете вѣрующими. Не дѣлайте засадъ нигдѣ при дорогахъ, устрашая и удаляя отъ пути Бога вѣрующихъ въ Него, и дерзко усиливаясь искривить его. Вспомните, что вы были не многочисленны и Онъ васъ размножилъ; также посмотрите, каковъ былъ конецъ распространителей нечестія. Если часть изъ васъ увѣровала въ то, съ чѣмъ я посланъ, и часть не увѣровала; то терпѣливо ждите времени, когда

Кромѣ Мадіанитянъ, исторія которыхъ гораздо обстоятельнѣе изложена въ Библіи, въ Коранѣ упоминаются Айканцы, жители лѣса [1]), которые также считали посланнаго къ нимъ Богомъ пророка лжецомъ. Пророкъ Шоаибъ сказалъ имъ: „не убоитесь ли вы Бога? Дѣйствительно, я къ вамъ вѣрный посланникъ; а потому, убойтесь Бога и повинуйтесь мнѣ. Не прошу съ васъ за это никакой награды; награда мнѣ только у Господа міровъ. Мѣряйте правильно и не будьте обманщиками; вѣшайте вѣсами вѣрными, и не причиняйте убытка людямъ ни въ чемъ, принадлежащемъ имъ. Не злодѣйствуйте, распространяя по землѣ нечестіе. Убойтесь Того, кто сотворилъ васъ и всѣ прежнія поколѣнія. Они сказали: ты одинъ изъ такихъ, которые подвергаются очарованію; ты такой же человѣкъ, какъ и мы; мы считаемъ тебя только лжецомъ. Вели упасть на насъ какому либо обломку отъ неба, если ты справедливъ. Онъ сказалъ: Господь мой вполнѣ знаетъ, что дѣлаете вы. Они почли его за обманщика,

---

Богъ разсудитъ насъ: Онъ наилучшій изъ судей. Старѣйшины, считавшіеся великими въ народѣ своемъ, сказали: или мы выгоним изъ нашего города тебя, Шоаибъ, и вѣрующихъ съ тобою, или возвратитесь къ нашему вѣроученію. Онъ сказалъ: уже ли и тогда, какъ мы имѣемъ къ нему отвращеніе? Мы будемъ думать ложно о Богѣ, если возвратимся къ вашему вѣроученію послѣ того, какъ Богъ избавилъ насъ отъ него. Тогда только мы можемъ возвратиться къ нему, когда захочетъ того Богъ, Господь нашъ. Господь нашъ обнимаетъ все своимъ знаніемъ на Бога уповаемъ Господи нашъ! разрѣши нашъ споръ съ народомъ нашимъ, указавъ истину: Ты наилучшій разрѣшитель. Старѣйшины невѣрныхъ въ народѣ его сказали если послѣдуете Шоаибу, вы, навѣрно, погибнете. Тогда землетрясеніе поразило ихъ, и на утро они въ своихъ жилищахъ лежали поверженными ницъ лицемъ. Считавшіе Шоаиба лжецомъ, какъ будто бы не обитали тамъ; считавшіе Шоаиба лжецомъ погибли. А онъ отошелъ отъ нихъ сказавъ: народъ мой! я передалъ вамъ то, съ чѣмъ послалъ меня Господь мои; я былъ для васъ совѣтникомъ. Какъ жалокъ народъ невѣрный!»

[1]) أصحاب الايكة. Коранъ, гл. 26, ст. 176.

и за то казнь постигла ихъ, когда появилось *надъ ними* черное облако. День казни ихъ былъ страшнымъ“ [1]).

Айканцы жили въ лѣсной мѣстности, на что указываетъ самое слово „Айка“, въ арабскомъ языкѣ означающее лѣсъ, рощу. Мѣстность эта находилась близъ гор. Мадьяна. Къ Айканцамъ былъ посланъ пророкъ Шоаибъ, который прежде того проповѣдывалъ Мадіанитянамъ и происходилъ изъ племени Мадіанитянъ, а для Айканцевъ онъ былъ иноплеменникомъ. Значитъ, и сами Айканцы не были родственны Мадіанитянамъ. Шоаибъ увѣщевалъ Айканцевъ принять истинную вѣру и отстать отъ своихъ злоупотребленій въ торговлѣ—обмѣриванія и обвѣшиванія, но Айканцы не только не исправились, но еще болѣе ожесточились и стали болѣе прежняго допускать обманъ въ торговлѣ. Тогда Богъ послалъ на нихъ сильный зной, который продолжался семь дней и ночей; въ колодцахъ и ручьяхъ вода изсякла и самимъ жителямъ было трудно переносить этотъ зной. Они сначала укрывались отъ зноя въ домахъ, а потомъ подъ тѣнью деревьевъ и наконецъ вышли въ степь и, увидѣвъ на небѣ черное облако, подъ его тѣнью почувствовали прохладу. Обрадовавшись, они начали звать другъ друга и сбѣгались подъ тѣнь этого облака; но когда они всѣ собрались, изъ облака ниспалъ огонь, и они всѣ изжарились, подобно саранчѣ, положенной въ котелъ съ масломъ [2]). Принимая во вниманіе мѣстожительства Айканцевъ и занятія ихъ торговлей, можно подъ ними разумѣть древнихъ Набатеевъ (см. ниже), такъ какъ самое названіе Набатеевъ происходитъ отъ арабскаго существительнаго *набатъ*—растительность, какъ и *айка* значитъ въ арабскомъ языкѣ лѣсистое мѣсто, рощу.

---

[1]) Коранъ, гл. 26, ст. 177—189.

[2]) См. عريس المجالس. Арабы ѣдятъ саранчу, которую поджариваютъ въ котлѣ.

Подъ *народомъ Тоббы*, упоминаемымъ въ Коранѣ [1]), должно разумѣть жителей Іемена, подданныхъ царей—Химьяритовъ, происходившихъ отъ Кахтана (Іоктана), сына Еверова, перваго царя Іеменскаго. Пятнадцатый царь Іемена Аль-Харисъ, сынъ Зу-Садада, первый принялъ титулъ *Тоббы*, соотвѣтствующій латинскому *цезарь*, персидскому *кисра*. Носившіе этотъ титулъ цари Іеменскіе владѣли Хадрамутомъ, Сабой и Химьяромъ и наслѣдовали одинъ другому, а потому носили титулъ Тоббы, подобно тому, какъ преемники Мухаммада назывались *Халифами*. Въ „Рухуль-баянъ“ замѣчено, что въ Коранѣ упомянутъ *народъ* Тоббы, а не *самъ* Тобба, и это потому, что царь (Тобба) Асадъ-Химьяръ былъ христіанинъ, а подданные его были язычники и покланялись огню, за что и погибли. Въ примѣчаніи Селя къ переводу Корана говорится, что въ Коранѣ въ приведенномъ мѣстѣ разумѣется жившій за 700 лѣтъ до Мухаммада Абу-Карбъ-Асадъ, который принялъ іудейство и распространилъ его въ Іеменѣ, за что и былъ убитъ своими подданными [2]). Очевидно, Мухаммадъ не зналъ хорошо исторіи южно-аравійскихъ племенъ и потому ограничился простымъ упоминаніемъ о народѣ Тоббы.

Кромѣ перечисленныхъ въ Коранѣ древнихъ племенъ, обитавшихъ въ Аравіи, у арабскихъ писателей встрѣчаются свѣдѣнія еще о племенахъ Тасмъ и Джадисъ. У Табари и Пококка говорится о нихъ слѣдующее: Тасмиты (по Абульфедѣ) были потомками Луда, сына Симова, а Джадисы—потомками Евера, внука Симова [3]). Оба эти племени жили въ Аравіи совмѣстно

---

[1]) عاد وثمود. Коранъ, гл. 44, ст. 36; гл. 50, ст. 12—13.

[2]) У Пококка онъ считается 32-мъ царемъ Іеменскимъ. Онъ именно подразумѣвается и въ Коранѣ (Specimen, pag. 61).

[3]) См. Быт. гл. X, ст. 22 и 24. У Ленормана, напротивъ, говорится, что племя Тасмъ и Джадисъ были потомками Геѳера, сына Арама, сына Симова. По его словамъ, племя Тасмъ жило

и мирно, при чемъ главенство принадлежало Тасмитамъ. Амлюкъ, захвативъ власть, сталъ дѣлать насилія Джадисамъ: дѣвицы Тасмитовъ, выдаваемыя въ замужество за Джадисовъ, должны были поступать въ распоряженіе Амлюка (jus primae noctis). Такое насиліе раздражало Джадисовъ, и они по совѣту Асадъ-бекъ-Афвана условились пригласить на пиръ къ себѣ царя Амлюка и знатнѣйшихъ Тасмитовъ и перебить ихъ заранѣе приготовленными и скрытыми мечами. Такъ Джадисы и сдѣлали—избили большую часть Тасмитовъ. Оставшіеся въ живыхъ Тасмиты обратились съ жалобой къ Іеменскому царю (Тобба) и просили его отомстить Джадисамъ. Іеменскій царь послалъ войско и племя Джадисъ было истреблено. Такимъ образомъ оба племени были истреблены въ междуусобицахъ, а затѣмъ и самая память о племенахъ Тасма и Джадиса почти исчезла [1]). У Табари передаются слѣдующія подробности: нѣкто Рабахъ донесъ египетскому царю объ избіеніи Тасмитовъ Джадисами. Когда египетскій царь рѣшилъ послать войско для наказанія Джадисовъ, Рабахъ сказалъ: „среди нихъ есть у меня родственница—дѣвица по имени Азрука Ямами, которая обладаетъ столь острымъ зрѣніемъ, что можетъ различать предметы на разстояніи трехъ дней пути. Если она замѣтитъ приближающееся войско, то предупредитъ Джадисовъ, и они разбѣгутся и избѣгнутъ твоего мщенія". Царь спросилъ: что нужно сдѣлать въ предупрежденіе этого? Рабахъ посовѣтовалъ царю, чтобы его воины взяли въ руки большія вѣтви и двигались бы по степи, держа вѣтви предъ собой: тогда Азрука не будетъ въ состояніи разсмотрѣть воиновъ за движущимися деревьями. Царь сдѣлалъ такъ, какъ

на сѣверо-востокѣ Неджеда (Джофскій округъ), гдѣ жило до III в. по Р. Хр., а племя Джадисъ, упоминаемое Птоломеемъ (Іодизиты) жило въ Іемамѣ (Руков. къ др. ист. востока, т. II, вып. 1, стр. 12).

[1]) Specimen historiae arabum, p. 38. Ср. Caussin de Perseval, t I, p. 28—30.

совѣтовалъ Рабахъ.—Когда войско стало приближаться къ Джадисамъ, Азрука издали замѣтила ихъ и сказала: „вижу много деревьевъ, которыя движутся какъ люди“... Чрезъ нѣсколько времени Азрука снова посмотрѣла съ возвышенія по направленію къ двигающимся предметамъ и разсмотрѣла, что за движущимися деревьями идутъ воины, которые ѣдятъ на ходу, отрывая зубами мясо отъ костей. Джадисы не повѣрили ей и никакихъ предосторожностей не предприняли противъ нападенія. Между тѣмъ войско пришло и всѣхъ Джадисовъ истребило, а дѣвицу Азруку доставили къ царю. Царь спросилъ ее: отчего у тебя такое сильное зрѣніе? Она сказала: отъ того, что я каждую ночь намазываю свои глаза сурьмой. Царь приказалъ сначала выколоть ей глаза, а потомъ убить, что и было исполнено.

Вслѣдствіе баснословнаго характера сохранившагося о Джадисахъ преданія, у арабовъ вошло въ обычай называть „сказками Джадиса“ всякій невѣроятный разсказъ [1]).

Изложенныя арабскія преданія о древнихъ обитателяхъ Аравіи очень мало уясняютъ древнюю исторію этой страны и послѣдующія событія. Какое вліяніе имѣли Адяне, Сямудяне, обитатели Рассъ и Айка на умственный, нравственный и экономическій прогрессъ жителей обособленнаго географически полуострова, судить объ этомъ на основаніи разсказовъ Корана трудно. Одно можно сказать, что почти всѣ эти народы жили жизнію близкой къ природѣ и въ полной зависимости отъ окружающей ихъ мѣстности, были мало развиты умственно и нравственно и почти ничего не могли оставить въ наслѣдіе послѣдующимъ поколѣніямъ, кромѣ смутныхъ, а иногда баснословныхъ о себѣ воспомина-

---

[1]) У Страбона (кн. 16, гл. 4, 18) упоминаются Мараниты, частью земледѣльцы, частію кочевники. Ихъ коварнымъ образомъ истребило во время пятилѣтняго празднества сосѣднее племя Гарандаи. Можетъ быть, въ преданіи о племенахъ Тасмъ и Джадисъ слышится отголосокъ преданія, записаннаго Страбономъ. Авт.

ній. И самъ проповѣдникъ новой религіи (уммій), пересказывая наивныя преданія арабовъ, не могъ осмыслить ихъ, а говорилъ только, что всѣ древніе обитатели Аравіи погибли за свое нечестіе и за то, что не внимали проповѣди посланныхъ къ нимъ пророковъ: Гуда, Салиха, Шоаиба и Ханзяля. Неопредѣленность этихъ преданій и однообразіе ихъ до послѣдней степени утомительны, такъ какъ повторяются почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ (см. Коранъ, гл. 26, ст. 123—189).

Въ дополненіе къ Корану, мы находимъ еще нѣсколько свѣдѣній о древнихъ обитателяхъ Аравіи въ Библіи и у Страбона. Въ Библіи упоминаются Набатеи [1]), потомки Набаіота, сына Измаилова (Быт. XXV, ст. 13), какъ объ этомъ говоритъ І. Флавій [2]). Они жили въ Каменистой Аравіи и были извѣстны грекамъ и римлянамъ. По Страбону, Набатеи занимались частію земледѣліемъ, частію скотоводствомъ, а также *садоводствомъ и торговлей* [3]). Было много у нихъ пастбищъ, на которыхъ паслись бѣлорунныя овцы; быки ихъ отличались крупнымъ размѣромъ; недостатокъ въ лошадяхъ пополнялся верблюдами, на которыхъ хозяева работали. Съ своими стадами Набатеи кочевали отъ Аравійскаго залива до Евфрата, а съ другой стороны, до Сиріи и принимали участіе въ южно-аравійской торговлѣ, такъ какъ главный городъ ихъ Петра, лежавшій на древнемъ караванномъ пути, служилъ передаточнымъ пунктомъ для товаровъ, направляемыхъ въ Сирію и Палестину. Городъ Петра (тоже Села) былъ расположенъ на равнинѣ, окруженной скалами, давшими ему имя (πέτρα—скала), снабжавшими равнину

---

[1]) Исаіи, гл. 60, ст. 7. 1 Мак. гл. V, ст. 25; гл. IX, ст. 35.

[2]) Древности, кн. I, гл. 12.

[3]) Какъ и Айканцы. См. выше.

ключевой водой, необходимой для жителей, садовъ и и полей. Поэтому Набатея была хорошо заселена и многолюдна. Жители ея въ прежнее время занимали и сосѣдніе острова, но были изгнаны оттуда египтянами за грабежи, какіе позволяли себѣ въ отношеніи египтянъ. Набатеи были язычники и сохраняли свою независимость до 105 г. по Р. Хр. Римскій полководецъ Трояна Корнелій Пальма взялъ столичный городъ ихъ Петру и тѣмъ положилъ конецъ ихъ царству.

Аѳинодоръ видѣлъ въ Петрѣ много римлянъ и другихъ иностранцевъ, которые тѣмъ отличались отъ туземцевъ, что вели частыя тяжбы между собою, тогда какъ туземцы жили въ совершенномъ согласіи, и жалобъ другъ на друга не допускали. Но къ иностранцамъ Набатеи относились недружелюбно и склонны были вѣроломно обманывать ихъ, какъ это показалъ правитель ихъ Силлай, намѣстникъ царя Обода, во время похода Элія Галла (см. выше, гл. II). Въ числѣ хорошихъ качествъ Набатеевъ Страбонъ упоминаетъ о ихъ воздержности, хотя и это само по себѣ хорошее качество поддерживалось среди нихъ страхомъ публичнаго наказанія и надеждой на награду за увеличеніе имущества. Рабовъ у нихъ было немного и потому въ услуженіи состояли большею частію родственники (разумѣется—бѣдняки). За неимѣніемъ родственниковъ—помощниковъ въ работахъ. Набатеи помогали другъ другу, или все дѣлали сами. Такой патріархальный обычай простирался даже на царей. У Набатеевъ было въ обычаѣ устраивать общественные обѣды группами по тринадцати человѣкъ, причемъ на каждой пирушкѣ были два музыканта. Обычай этотъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ нашего вниманія, что такой же точно обычай до сихъ поръ поддерживается среди туркестанскихъ сартовъ, которые по очереди устраиваютъ въ теченіе зимы и весной (словомъ до времени полевыхъ работъ) собранія знакомыхъ, группой въ 9 и болѣе человѣкъ и проводятъ время въ бесѣдахъ, угощеніяхъ и другихъ забавахъ, смотря по возрасту, образованію и обще-

ственному положенію. Такія собранія называются у сартовъ *гянь* (бесѣда), а самый кружокъ—*джура* т. е. общество, компанія. Царь Набатеевъ устраивалъ въ своемъ обширномъ дворцѣ частыя и продолжительныя попойки и до такой степени былъ близокъ къ народу, что не только обходился во время пира безъ прислуги, но и оказывалъ взаимныя услуги прочимъ гостямъ. Часто онъ давалъ отчетъ предъ народомъ въ своихъ дѣйствіяхъ, а иногда и самый образъ жизни его подвергался изслѣдованію. — Жилища Набатеевъ устраивались изъ камня, но города не были укрѣплены стѣнами, вслѣдствіе мирныхъ отношеній съ сосѣдними народами. Одеждой у мужчинъ служилъ простой фартукъ (?), а обувью туфли (сандаліи?). Даже цари ходили въ туфляхъ. На мертвыя тѣла они смотрѣли, какъ на навозъ, и даже царей хоронили подлѣ навозныхъ кучъ. Покланялись солнцу, въ честь котораго воздвигался на домѣ алтарь; на этомъ алтарѣ ежедневно совершались возліянія и дымился ладонъ. Товары у Набатеевъ были только привозные, именно: мѣдь, желѣзо, пурпуръ, стиракъ, шафранъ, бѣлая корица, предметы рѣзной работы, картины и статуи; золото, серебро и большая часть ароматовъ добывались на мѣстѣ [1]).

Г. Прозоровскій, на основаніи историческихъ и нумизматическихъ данныхъ [2]), перечислилъ 12 царей набатейскихъ и выяснилъ, къ кому изъ нихъ относятся показанія св. книгъ Маккавеевъ и посланія ап. Павла къ Коринѳянамъ (2 Коринѳ. гл. XI, ст. 32). Въ виду новости этого вопроса и непосредственнаго отношенія его къ предмету нашего изслѣдованія, приводимъ выдержку изъ статьи г. Прозоровскаго:

---

[1]) Географія, книга 16, гл. 4.

[2]) Ст. «о Набатеяхъ и ихъ монетахъ» въ Запискахъ Императ. Русск. Археол. Общества, т. II, выпускъ второй. Спб., 1886 г., стр. 49—59.

1) Около 166 г. до Р. Хр. у Набатеевъ былъ царемъ *Арета*, во владѣніяхъ котораго скитался изгнанный іудейскій первосвященникъ Іасонъ или Іисусъ [1]).

2) Послѣ него упоминается *Малхъ*. На его попеченіи Александръ Бала оставилъ своего сына Антіоха, котораго впослѣдствіи выдалъ Трифону, по усиленнымъ убѣжденіямъ послѣдняго. Въ 1 Маккав. кн. (гл. XI, ст. 39) царь этотъ именуется *Емалкуемъ*.

3) Царю *Завдіилу* по 1 Маккав. кн. (гл. XI, ст. 17), называемому у І. Флавія [2]) Завиломъ, приписываютъ убійство Александра Бала, бѣжавшаго къ нему послѣ несчастнаго сраженія съ Птоломеемъ Филометоромъ и Димитріемъ Никаторомъ въ 144 году до Р. Хр. Діодоръ Сицилійскій (кн. XXXII) смѣшалъ царей Малха и Завдіила, которые царствовали въ одно время, но въ разныхъ мѣстахъ.

4) Почти за 100 лѣтъ до Р. Хр. царь *Оведъ* поразилъ іудейскаго царя Александра Яннея, устроилъ ему засаду близъ Гадары [3]). Іосифъ Флавій называетъ этого царя *Ооодіемъ*, а городъ Гавланіею [4]).

5) Царь *Зизъ* вмѣстѣ съ Парѳянами былъ призванъ въ помощь верійскимъ тираномъ Стратономъ, вооружившимся противъ Димитрія Евкера, царствовавшаго въ 95 году до Р. Хр. По предположенію г. Прозоровскаго, Александръ Янней, іудейскій царь, отдалъ Зизу землю, завоеванную у Моавитовъ и Галадитовъ [5]).

6) Царь *Арета* обѣщалъ городу Газѣ помощь, когда Александръ Янней напалъ на этотъ городъ; но Арета не поспѣлъ на помощь во время. Вскорѣ послѣ этого, въ 85 г. до Р. Хр., Арета былъ призванъ въ Дамаскъ на царство.

---

[1]) 2 Маккав. кн., гл. V, ст. 8.

[2]) Древн. Іуд., кн. XIII, гл. IV, 8.

[3]) Древн. Іуд., кн. XIII, гл. XIII, 5.

[4]) Древн. Іуд., кн. I, гл. IV, 4.

[5]) Древн. Іуд., кн. XIII, гл. XIV, 2, 3.

7) Къ царю Аретѣ, владѣвшему Петрой, бѣжалъ іудейскій первосвященникъ Гирканъ, подговоренный Антипатромъ. Арета согласился вспомоществовать Гиркану въ возвращеніи престола, занятаго Аристовуломъ, а бѣглецы обѣщали за то возвратить Аристовулу отнятую ими прежде у арабовъ область съ двѣнадцатью городами. Арета пошелъ на Аристовула съ 50,000 войска и, одержавъ побѣду, осадилъ Іерусалимъ, но Аристовулъ освободился отъ засады при содѣйствіи Помпеева полководца Скавра, а потомъ и самъ, напавъ на Арету, разбилъ его при мѣстечкѣ Папиронѣ. Помпей шелъ уже войною на Набатеевъ, какъ вдругъ, недовольный Аристовуломъ, обратился на него, взялъ Іерусалимъ и ушелъ въ Киликію, оставивъ для дальнѣйшихъ предпріятій Скавра, который въ 62 году предъ Р. Хр., хотя и подступилъ къ набатейской столицѣ Петрѣ, но не могъ взять ее, а успѣлъ только убѣдить Арету откупиться отъ опустошенія его владѣній 300 талантами. Потомъ другой римскій полководецъ Габиній побѣдилъ Набатеевъ. Г. Прозоровскій полагаетъ, что у І. Флавія разумѣется этотъ самый Арета подъ названіемъ царя аравійскаго, съ которымъ подружился Антипатръ, женатый на идумеянкѣ изъ знатной арабской фамиліи и имѣвшій отъ нея, въ числѣ другихъ дѣтей, Ирода, въ послѣдствіи царя іудейскаго, прозваннаго Великимъ; можетъ быть, по родству Антипатръ ввѣрилъ Аретѣ своихъ дѣтей, когда велъ войну съ Аристовуломъ [1]).

8) Царь *Малхъ* состоялъ въ дружбѣ съ Иродомъ, когда послѣдній не былъ еще царемъ. Удаляясь отъ Антигона, Иродъ хотѣлъ искать убѣжища у Малха, въ Петрѣ, но тотъ его не принялъ, и Иродъ отправился въ Египетъ. Хотя Малхъ и раскаялся въ своемъ поступкѣ, но уже не могъ догнать Ирода, чтобы по-

[1]) Древн. Іуд., кн. XIII, гл. XIII, 3; гл. XV, 2, гл. XVI, 2;—кн. XIV, гл. I, 4; гл. II, 1, 3; гл. V, 1; гл. VI, 4; гл. VII, 3; гл. VIII, 1;—О Войнѣ Іуд., кн. I, гл. IV, 7

править свой промахъ. Сношенія Малха съ Гирканомъ были причиною, по которой Иродъ велѣлъ казнить послѣдняго [1]). I. Флавій называетъ этого Малха *Малихомъ* и описываетъ войну, веденную съ нимъ Иродомъ, по повелѣнію Антонія. Около Діосполя Иродъ одержалъ побѣду надъ аравитянами, а при Кенаѳѣ былъ самъ разбитъ, за что отплатилъ побѣдою при Филадельфіи, гдѣ аравитянами предводительствовалъ Ельѳемъ. По словамъ I. Флавія [2]), Клеопатра побуждала Антонія погубить Ирода и Малха, изъ которыхъ послѣдній дѣйствительно и погибъ.

9) Царь *Оводъ*, безхарактерный правитель Набатеевъ, находившійся подъ вліяніемъ своего любимца Силлея [3]), пріѣзжавшаго къ Ироду, который черезъ этого вельможу ссудилъ Оводу въ долгъ 60 талантовъ. За неплатежъ этихъ денегъ и за невыдачу разбойниковъ, Иродъ началъ войну съ Оводомъ, взялъ и разрушилъ крѣпость Расипу и разбилъ аравійскаго полководца Нацеба. Такъ какъ Силлей, бывшій тогда въ Римѣ, нажаловался на Ирода Кесарю, то послѣдній положилъ опалу на іудейскаго царя.

10) Царь *Арета*, сынъ Овода, былъ названъ такъ при воцареніи, по смерти своего отца, а до того времени носилъ имя *Енея*. Онъ обвинялъ Силлея въ умерщвленіи ядомъ Овода и въ убійствѣ многихъ знатныхъ людей города Петры. И такъ какъ Арета принялъ власть безъ Кесарева разрѣшенія, то Кесарь объявилъ ему за то свой гнѣвъ, но потомъ утвердилъ его на царствѣ. Арета былъ во враждѣ съ великимъ Иродомъ, изъ ненависти къ которому сдѣлался другомъ Римлянъ. Когда,

---

[1]) Древн. Іуд., кн. XIV, гл. XIII, 1, 6; кн. XV, гл. VI, 2, 3.

[2]) О Войнѣ Іуд., кн. I, гл. XIII, 8; гл. XIV, 1, 2; гл. XV, 1; гл. XVIII, 4; гл. XIX; гл. XXIII, 3.

[3]) Очевидно, этотъ Силлей упоминается у Страбона подъ именемъ Силлая, который сопутствовалъ Элію Галлу въ его походѣ въ Аравію и былъ причиною неуспѣшности этого похода. См. выше, гл. II.

по смерти Ирода, произошло въ Іерусалимѣ возмущеніе, для усмиренія котораго спѣшилъ въ Іудею сирійскій правитель Варъ съ легіонами, то Арета далъ ему въ помощь значительное войско. На дочери этого Ареты былъ женатъ тетрархъ Иродъ Антипа. Когда онъ вступилъ въ связь съ женою своего брата Филиппа, Иродіадою, умертвившею св. Іоанна Крестителя, то жена его удалилась къ своему отцу и между Аретою и Иродомъ возникла изъ-за этого вражда. Враги воспользовались первою причиною къ войнѣ, и когда полководцы Ареты совершенно разбили Ирода войско, то Иродъ жаловался на Арету Тиверію. Тиверій приказалъ сирійскому проконсулу Вителію объявить войну царю Набатеевъ, но предпринятый Вителіемъ походъ къ Петрѣ не состоялся по случаю смерти Тиверія [1]). По всей вѣроятности объ этомъ Аретѣ упоминаетъ св. апостолъ Павелъ [2]).

11) *Авіл*, по приглашенію Адіавинянъ, недовольныхъ своимъ царемъ Изатомъ за принятіе имъ іудейскаго закона, напалъ на Адіавину и, будучи разбитъ Изатомъ, умертвилъ самъ себя, чтобы не отдаться въ плѣнъ [3]). Это происходило уже въ царствованіе Клавдія (41—51 гг. по Р. Хр.).

На южной половинѣ полуострова Страбонъ помѣщаетъ: Минаевъ подлѣ Краснаго моря съ городомъ Карной [4]) или Карнаной; Сабаевъ съ главнымъ городомъ Маріабой [5]), Каттабановъ съ главнымъ городомъ Тамной въ юго-западномъ углу полуострова; Хатрамотитовъ, жившихъ къ востоку отъ Каттабановъ и имѣв-

---

[1]) Др Іуд., кн. XVI, гл. VII, 6; гл. IX, 1, 4; гл. X, 8, 9;—кн. XVII, гл. III, 2; гл. X, 9;—кн. XVIII, гл. VI;—О Войнѣ Іуд., кн. I, гл XXIV, 6; кн. II, гл. V, 1.

[2]) 2 Коринѳ. гл. 11, ст. 32.

[3]) I. Флавій. Древн. Іуд., кн. XX, гл. IV, 1.

[4]) Подъ 20° с. ш. южнѣе Макорабы (Шпрунеръ).

[5]) Подъ 15° с. ш., почти на одной широтѣ съ гор. Сабой.

щихъ городъ Сабатъ [1]) и Герраевъ съ гор. Геррою [2]). Каждая область занимала пространство, больше египетской дельты. Города управлялись монархически, находились въ цвѣтущемъ состояніи и роскошно украшались храмами и царскими дворцами. Дома жителей своею постройкой напоминали египетскіе дома. Царская власть наслѣдовалась не сыномъ отъ отца, но первымъ родившимся въ какомъ-либо знатномъ родѣ послѣ назначенія царя. Поэтому, лишь только царь вступалъ на престолъ, беременныя жены знатныхъ мущинъ записывались, и къ нимъ для наблюденія приставлялась стража; мальчика, прежде всѣхъ родившагося отъ какой-либо изъ этихъ женщинъ, принимали согласно закону и воспитывали по-царски, какъ наслѣдника престола.

Каттабанія производила ладонъ, а Хатрамотитида смирну. Эти благовонія продавались купцами въ обмѣнъ; купцы прибывали къ нимъ изъ Айланы [3]) въ Минаю семидесятидневнымъ путемъ, а Герраи приходили въ Хатрамотитиду въ сорокъ дней.

Область Сабаевъ [4]) Страбонъ называетъ благодатнѣйшею и многолюднѣйшею. Тамъ произрастали смирна, ладонъ и корица, а на берегу бальзамъ и другое растеніе, очень душистое, но быстро теряющее запахъ. Тутъ были также душистыя пальмы и тростникъ. Вслѣдствіе излишка плодовъ населеніе было лѣниво и въ образѣ жизни легкомысленно. Простой народъ спалъ на срѣзанныхъ сучьяхъ деревьевъ. Что касается торговли, то обыкновенно товары продавались ближайшимъ сосѣдямъ, которые передавали ихъ слѣдующимъ за ними жителямъ и такъ далѣе до Сиріи и Месопотаміи. Лишаемые сознанія благовоніями, Сабаи удаляли

---

[1]) У Шпрунера показанъ гор. Тафаръ.

[2]) Подъ 26° с. ш., въ 200 стадіяхъ отъ Персидскаго залива.

[3]) Близъ сѣвер. края Эланитскаго залива.

[4]) Иначе: Сабеи, Савеи.

безпамятство куреніемъ асфальта и козлобородника. Городъ Сабаевъ, Маріаба (позд. Магребъ), расположенъ на покрытой деревьями горѣ. Въ немъ жилъ царь, разрѣшавшій тяжбы и другія дѣла. Выходить изъ царскаго замка не дозволялось; въ противномъ случаѣ лицо, согласно изреченію оракула, немедленно подвергалось побіенію камнями народной толпой. Царь и окружающіе его проводили жизнь въ женскихъ наслажденіяхъ. Народъ занимался или обработкой земли, или торговлей благовоніями, какъ съ туземцами, такъ и съ лицами, пріѣзжавшими изъ Эѳіопіи, къ которымъ Сабаи переплывали въ кожаныхъ лодкахъ черезъ проливы. У Сабаевъ было такое изобиліе благовоній, что въ качествѣ прутьевъ для поджиганія какого-либо дерева они употребляли киннамомъ, касію и другія благовонныя растенія. Въ ихъ странѣ произрасталъ также ларимнъ, благовоннѣйшая курительная трава. Благодаря торговлѣ, Сабаи и Герраи были очень богаты, владѣли большимъ количествомъ золотыхъ и серебряныхъ предметовъ, какъ напримѣръ, диванов, треножниковъ, чашъ и стакановъ; дома ихъ отличались роскошнымъ убранствомъ: двери, стѣны, потолки были украшены слоновой костью, золотомъ, серебромъ и дорогими каменьями [1]).

Герраевъ Страбонъ считаетъ халдеями, изгнанными изъ Вавилона. Они вели сухопутную торговлю арабскими товарами и благовоніями, но Аристобулъ утверждаетъ, что Герраи сплавляли свои товары въ Вавилонъ на плотахъ, спускались по Ефрату до Ѳапсака, а потомъ развозили свои товары въ разныя страны сухимъ путемъ [2]).

---

[1]) Географія, кн. 16, гл. 4. Въ п. 25 той же главы Страбонъ передаетъ мало вѣроятные разсказы о нравахъ жителей Счастливой Аравіи, въ родѣ того, что братья имѣли одну жену и что у нихъ допускалось будто бы сношеніе съ матерями, при чемъ прелюбодѣи (изъ другого рода) наказывались смертью.

[2]) Географія, кн. 16, гл. 3, п. 3.

У Шпрунера въ атласѣ показаны еще нѣсколько племенъ, обитавшихъ въ южной Аравіи предъ Р. Хр., какъ напр., Джобариты, Сахалиты, Катаниты (Кахтаниты=Іектаниты) и др., а въ сѣверо-восточной Аравіи—Измаилиты.

По Библіи и арабскимъ преданіямъ, измаилиты были потомки Измаила, сына Авраама. Авраамъ удалилъ отъ себя Агарь, когда она стала кичиться предъ бездѣтной Саррой сыномъ своимъ Измаиломъ [1]). „Авраамъ всталъ рано утромъ,—разсказывается въ Библіи,—и взялъ хлѣба и мѣхъ воды, и далъ Агари, положивъ ей на плеча, и отрока, и отпустилъ ее. Она пошла, и заблудилась въ пустынѣ Вирсавіи. И не стало воды въ мѣхѣ, и она оставила отрока подъ однимъ кустомъ. И пошла, сѣла вдали, въ разстояніи на *одинъ* выстрѣлъ изъ лука. Ибо она сказала: не *хочу* видѣть смерти отрока. И она сѣла противъ, и подняла вопль, и плакала. И услышалъ Богъ голосъ отрока; и Ангелъ Божій съ неба воззвалъ къ Агари, и сказалъ ей: что съ тобою Агарь? не бойся; Богъ услышалъ голосъ отрока оттуда, гдѣ онъ находится. Встань, подними отрока, и возьми его за руку; ибо Я произведу отъ него великій народъ. И Богъ открылъ глаза ея, и она увидѣла колодезь съ водою, и пошла, наполнила мѣхъ водою и напоила отрока. И Богъ былъ съ отрокомъ; и онъ выросъ, и сталъ жить въ пустынѣ; и сдѣлался стрѣлкомъ изъ лука. Онъ жилъ въ пустынѣ Фаранъ; и мать его взяла ему жену изъ земли Египетской“ [2]). Въ арабскихъ преданіяхъ [3]) объ удаленіи Агари изъ дома Авраамова разсказывается такъ: „на Авраамовомъ челѣ находился свѣтъ Мухаммада. Этотъ свѣтъ Авраамъ обѣщалъ Саррѣ: пусть-де онъ будетъ у сына тобою рожденнаго. Но Сарра наконецъ состарилась, ей

---

[1]) Измаилъ родился за 1906 лѣтъ до Р. Хр.

[2]) Кн. Бытія, гл. XXI, ст. 14—21.

[3]) См. общеизвѣстное сочиненіе подъ заглавіемъ قصص الانبياء.

было уже 90 лѣтъ, а дѣтей она не рождала: у нея не было ни дочерей, ни сыновей. И вотъ она сама предложила Аврааму рабыню свою, Агарь. Когда Агарь зачала во чревѣ, свѣтъ Мухаммада направился съ чела Авраама въ утробу Агари. Сарра увидѣла, что свѣтъ уходитъ съ Авраамова чела и сильно разгнѣвалась на Авраама изъ зависти къ Агари. Досадуя на Авраама, Сарра ухватила пророка за воротъ его одежды. Тогда явился Гавріилъ и сказалъ: Авраамъ! скажи Саррѣ, пусть она потерпитъ. Авраамъ исполнилъ совѣтъ небожителя, но Сарра отвѣчала: какъ же я стану терпѣть! 80 лѣтъ назадъ, Авраамъ обѣщалъ этотъ свѣтъ мнѣ, а теперь онъ оказывается у моей рабыни. Сарра поклялась обезобразить Агарь такъ, чтобы она не нравилась Аврааму и хотѣла было сначала отрѣзать у нея носъ и ухо, но Агарь закричала, а на крикъ ея явился Гавріилъ и сказалъ Аврааму: скажи Саррѣ, чтобы она не дѣлала насилія Агари, потому что Богъ всевышній не терпитъ дѣлающихъ насиліе. Сарра говорила въ свою очередь: какимъ образомъ я, поклявшись, не исполню клятвы? Тогда Гавріилъ указалъ Саррѣ, какъ ей обезобразить Агарь. Сарра исполнила совѣтъ Гавріила и проговорила съ радостью: „теперь я изуродовала ее; Аврааму она уже не полюбится“... Но когда Гавріилъ принесъ изъ рая серьги и вложилъ ихъ въ уши Агари, то ея красота увеличилась и, хотя она была обрѣзана, а все-таки Аврааму нравилась [1]). Сарра, наконецъ, не вытерпѣла и настояла, чтобы Авраамъ удалилъ Агарь въ пустыню, что между Меккой и Іерусалимомъ, гдѣ она родила вскорѣ сына, на лбу котораго появился свѣтъ Мухаммада“.

Въ пустынѣ у Агари не достало воды. Она завернула сына въ одежды, положила его на землю, а сама пошла искать источникъ. Отъ холма Сафа (около Мекки) она услышала голосъ: вотъ вода! и отъ холма

---

[1]) Въ подлинникѣ сцена эта неприлична, а потому неудобна для передачи въ русскомъ переводѣ.

Мярва (около Мекки) услышала то же. Тогда она отправилась сначала по направленію къ Сафа, но воды не нашла; потомъ пошла къ Мярва и также не нашла воды. Семь разъ прошла она между этими двумя холмами, какъ дѣлаютъ это современные мухаммедане, путешествующіе на поклоненіе Каабѣ, но воды всетаки не находила. Въ своихъ поискахъ она, наконецъ, обезсилѣла и потому воскликнула: истамигъ, я илъ, илъ, т. е. вонми (мнѣ), Господи, Господи! Отсюда произошло и имя Измаила. Когда Агарь услышала плачъ Измаила, то поспѣшила къ нему и увидѣла, что онъ перевернулся, лежитъ лицемъ къ землѣ и ботаетъ по ней ногами. Гавріилъ вывелъ изъ этого мѣста воду, и по опредѣленію Бога всевышняго, это сталъ колодецъ Замзамъ“ [1]).

Когда Измаилъ выросъ, то взялъ себѣ жену изъ рода Амаликовъ [2]), занимаясь скотоводствомъ и охотой въ окрестностяхъ Замзама. Авраамъ время отъ времени навѣщалъ Измаила. Такъ, черезъ годъ послѣ женитьбы Измаила, Авраамъ пріѣхалъ (верхомъ) повидаться съ сыномъ и познакомиться съ его женой. Между тѣмъ Сарра взяла обѣщаніе съ Авраама, что онъ не сойдетъ съ своего сѣдла, когда пріѣдетъ къ Измаилу. Авраамъ обѣщалъ. И когда подъѣхалъ къ шатру Измаила, то постучалъ. У входа въ шатеръ показалась жена Измаила. Авраамъ спросилъ ее: „кто ты“? — Она отвѣтила: „я жена Измаила“. — Гдѣ же Измаилъ? спросилъ Авраамъ.—„Онъ на охотѣ“, отвѣчала она. — „Я не могу сойти съ сѣдла; нѣтъ ли у

[1]) См. Критическій разборъ мухаммеданскаго ученія о пророкахъ (Казань, 1874 г.) стр. 130—131. Миссіонер. противомусульм. сборникъ, вып. IV.

[2]) Арабскіе историки полагаютъ, что египетскіе фараоны временъ Авраама и даже Моисея происходили изъ рода Амаликовъ, но съ этимъ предположеніемъ едва ли можно согласиться. По Библіи, Амаликъ былъ сынъ Элифаза, сына Исавова, отъ Ѳамны, наложницы Элифаза (Быт. гл. XXXVI, ст. 12 и 15—16).

тебя чего-нибудь поѣсть мнѣ?“ спросилъ Авраамъ.— „Нѣтъ у меня ничего: эта страна пустынная“, отвѣчала жена Измаила. Авраамъ же спросилъ поѣсть только за тѣмъ, чтобы испытать жену своего сына.— „Такъ я уѣзжаю“,—сказалъ онъ ей. Когда возвратится твой мужъ, опиши ему мои черты и скажи, что я совѣтую ему перемѣнить порогъ его двери (шатра). „Когда Измаилъ вернулся, жена его описала ему черты незнакомца и передала его слова. Измаилъ узналъ путешественника и, понявъ таинственный смыслъ его совѣта, немедленно же развелся съ женою. Вскорѣ за тѣмъ и Амалики удалились отъ этой мѣстности, а съ юга прикочевало другое племя изъ потомковъ Іоктана или Кохтана [1]). Тогда Измаилъ женился на дочери Модада, предводителя колѣна Джорхамова, родоначальникъ котораго Джорхамъ былъ сынъ Кохтана [2]). Немного спустя Авраамъ опять навѣстилъ Измаила, обѣщавъ Саррѣ и на этотъ разъ не сходить съ своего сѣдла. На стукъ его у шатра Измаила, къ нему вышла женщина высокаго роста и доброй, привѣтливой наружности. „Кто ты такая“? спросилъ ее Авраамъ.— „Я жена Измаила“, отвѣтила она.—„Гдѣ же Измаилъ?“ сказалъ Авраамъ. — „Онъ на охотѣ“, отвѣчала она. Тогда Авраамъ, желая также испытать и эту жену своего сына, сказалъ: „не дашь ли ты мнѣ поѣсть чего-нибудь“?—„Да“ —отвѣтила жена Измаила и, войдя въ шатеръ, принесла оттуда молока, вареннаго мяса, фиников и сказала Аврааму: „извини насъ, —хлѣба у насъ нѣтъ“. Авраамъ благословилъ предложенную ему пищу, поѣлъ немного и сказалъ: „да умножитъ для

---

[1]) По Библіи, Іоктанъ былъ сынъ Евера, правнука Симова (Быт. гл. X, ст. 22 и 25).

[2]) Такъ говорится у Пококка (Spec. hist. arab. p. 46), который, согласно съ Библіей, считаетъ у Измаила 12 сыновъ, но имена ихъ не сходятся съ разсказомъ кн. Бытія (гл. XXV, ст. 13—15). Модадъ (см. выше) былъ 12-мъ царемъ Хиджаза изъ потомковъ Джорхама, сына Кахтана.

васъ Господь эти произведенія въ сей странѣ!“ Тогда жена Измаила сказала Аврааму: „сойди съ сѣдла, чтобы я (по обычаю арабскаго гостепріимства) могла обмыть твою голову и бороду“. Авраамъ сказалъ: „я не могу сойти“. Но оставя одну ногу на сѣдлѣ, другую онъ поставилъ на камень и наклонился къ невѣсткѣ, которая смыла съ его лица и бороды покрывавшую ихъ пыль. Уѣзжая Авраамъ сказалъ женѣ своего сына: „когда вернется Измаилъ, опиши ему мое лице и скажи отъ меня, что порогъ его двери (шатра) равно добръ и прекрасенъ“. По возвращеніи Измаила, жена его разсказала о случившемся. Измаилъ отвѣтилъ ей: „человѣкъ, котораго ты видѣла, это мой отецъ, а порогъ моей двери (моего шатра)—это ты сама. Отецъ велитъ мнѣ держать тебя“ [1]).

Потомки Измаила населяли сѣверныя части Аравійскаго полуострова и отличались отъ южныхъ арабовъ, происходившихъ отъ Іоктана и извѣстныхъ поэтому подъ именемъ Іоктанидовъ. Первые, т. е. Измаилиты, были кочевники попреимуществу и назывались „бедуинами“, а вторые — жили въ городахъ и уже задолго до Р. Хр. достигли извѣстнаго благосостоянія, благодаря своей торговлѣ, какъ видно изъ исторіи Соломона и царицы Савской. Но когда они (уже послѣ Р. Хр.) вынуждены были выселиться на сѣверъ Аравіи, то долгое время находились во враждебныхъ отношеніяхъ съ Измаилитами, пока, наконецъ, подъ вліяніемъ мѣстности, сами мало-по-малу склонились къ кочевому образу жизни. Словомъ, ко времени появленія ислама въ Аравіи, чистаго, несмѣшаннаго населенія въ странѣ едва ли можно было бы найти, особенно въ виду давнишнихъ поселеній евреевъ въ Аравіи. Поэтому позднѣйшія мусульманскія стремленія доказывать

---

[1]) См. Первоначально богооткровенная истина единства Божія въ древней до-мухаммеданской религіи аравитянъ. Соч. Е. Н. Воронца. Казань, 1873 г. стр. 20—24.

чистоту арабскаго народа въ смыслѣ этнографическомъ могутъ имѣть значеніе только для мусульманъ. Но во всякомъ случаѣ происходившія смѣшенія между древними арабскими населеніями не искажали коренного семитическаго типа, и онъ сохранился въ Аравіи въ большей степени, чѣмъ въ другихъ странахъ. Населеніе это въ эпоху основателя ислама распадалось на много отдѣльныхъ поколѣній, управляемыхъ своими старѣйшинами (шейхами). Изъ этихъ поколѣній у толковниковъ Корана названы: Асадиты, Асламъ, Бекриты, Газазины, Хамаданъ, Гассаниды, Гатафанъ, Гамириты, Гыфаръ, Худзайль, Джухайна, Кяльбъ, Кянанъ, Кында, Лахмъ, Мадзхиджъ, Мисамъ, Мурадъ, Мудладжъ, Музайна, Суляймиты, Сякифъ, Тай, Тамимъ. Физаря, Хузага, Хунайфиты, Ярбугиты, а самымъ почетнымъ поколѣніемъ считались Корейшиты, какъ главные распорядители въ Меккѣ. Задолго до Мухаммада спорили съ Корейшитами изъ-за власти Хузаиты, предводителемъ которыхъ былъ Амръ Ибнъ Лохай. Но корейшитъ Зейдъ, прозванный Кусаемъ, путемъ хитрости (подпоилъ Худаита Абу-Губтана) вернулъ себѣ право распоряженія ключами Каабы и послѣ упорной борьбы выгналъ изъ Мекки Хузаитовъ, возвратилъ своихъ единоплеменниковъ Корейшитовъ въ Мекку и возстановилъ ихъ прежнее положеніе въ городѣ. Онъ устроилъ „домъ собранія“, куда сходились подъ его главенствомъ старѣйшины племени на совѣщанія по общественнымъ дѣламъ. Въ этомъ домѣ хранилось и военное знамя ихъ (*лива*). Обложивъ Корейшитовъ данью, Кусай распредѣлялъ собираемыя суммы на прокормленіе чужестранныхъ богомольцевъ. Имъ же были установлены почетныя общественныя должности: а) *рифада*—распоряженіе общественными суммами, б) *кіяда* - предводительство на войнѣ, в) *сикая* — завѣдываніе колодцами и распредѣленіе воды между горожанами и богомольцами (должность особенно важная въ Меккѣ при отсутствіи рѣкъ и дождей въ странѣ), г) *хиджаба*—наблюденіе за Каабой и д) *нджаза* — руководительство

во время религіозныхъ церемоній въ городѣ и право отпускать богомольцевъ по домамъ, по окончаніи хаджа. Двѣ изъ этихъ должностей — *сикая* и *рифада* Кусай закрѣпилъ за родомъ Абдъ-Манафа и именно за домомъ Хашима, который считается прадѣдомъ Мухаммада. Предки Мухаммада считаются въ такомъ порядкѣ: Кусай, Абдъ-Манафъ, Хашимъ, Абдуль-Мутталибъ, Абдулла, отецъ основателя ислама. Новѣйшій историкъ ислама А. Мюллеръ [1]) сомнѣвается въ истинности этой генеалогіи, но можно одинаково критиковать и сомнѣніе историка, такъ какъ провѣрять приводимые мусульманскими писателями и г. Мюллеромъ данныя одинаково нѣтъ возможности, и суть дѣла отъ этой генеалогіи не страдаетъ. Гораздо важнѣе установленіе того факта, что южные арабы, переселившіеся въ Мекку, сроднились съ коренными жителями города около 400 лѣтъ по Р. Хр. или лѣтъ за 200 (приблизительно) до Мухаммада.

Что же представляетъ собою исторія древнихъ народовъ, населявшихъ Аравію? Въ смыслѣ культурно-историческомъ страна немного унаслѣдовала отъ этихъ народовъ для своего дальнѣйшаго развитія. О сѣверно-арабскихъ племенахъ не можетъ быть въ этомъ случаѣ особой рѣчи уже потому, что они были большею частію кочевники и полуосѣдлы, и самыя преданія о нихъ крайне скудны и однообразны, а южно-арабскія населенія въ свою очередь не выработали и не оставили послѣ себя особенно замѣтныхъ историческихъ слѣдовъ: ихъ богатства, ихъ постройки, ихъ образованность не удивляютъ насъ въ такой степени, какъ культура египтянъ, которой южно-арабскіе народы слѣдовали. Авторъ извѣстнаго сочиненія „Внѣшній бытъ народовъ" Германъ Вейсъ, на основаніи Страбона

[1]) Исторія ислама. Томъ I, стр. 35—37.

(XVI) и Діодора (III. 47), говоритъ, что въ южной Аравіи было не мало городовъ съ богатыми храмами и роскошными дворцами. Діодоръ (III. 45) упоминаетъ, сверхъ того, о трехъ храмахъ, лежавшихъ на возвышеніи на юго-западномъ берегу полуострова; а Плиній (VI. 23, 28; XII. 14, 15) насчитываетъ не менѣе шестидесяти храмовъ въ Саввать, главномъ городѣ Хатрамотитовъ, и шестьдесятъ пять храмовъ въ столицѣ Катабановъ [1]). Объ архитектурѣ этихъ зданій ни одинъ изъ названныхъ писателей не даетъ никакихъ положительныхъ указаній, а потому и сообщаемыя ими извѣстія Вейсъ считаетъ мало достовѣрными, какъ и всѣ вообще разсказы о „несмѣтныхъ“ богатствахъ южно-аравійскихъ народовъ. Поэтому можно считать болѣе вѣроятнымъ предположеніе Вейса, что большая часть древне-аравійскихъ храмовъ были такой же простой архитектуры, какъ и знаменитый храмъ Минеевъ въ Макорабѣ (позд. Мекка), въ первоначальномъ его видѣ, т. е. въ видѣ простого четырехугольнаго каменнаго зданія (Кааба), въ которомъ хранился почитаемый и до сихъ поръ мусульманами черный камень. Такова была форма этого храма даже при Мухаммадѣ, и таковы же были безъ сомнѣнія и древніе южно-аравійскіе храмы. Такъ какъ для поклоненія и жертвоприношеній древними арабами выбирались преимущественно вершины горъ, то и храмы они строили, вѣроятно, на мѣстахъ возвышенныхъ. Идолы, которыхъ, по преданію, Мухаммадъ разрушилъ болѣе трехъ сотъ въ одной только Меккѣ, были можетъ быть въ родѣ тѣхъ камней съ высѣченнымъ на нихъ подобіемъ человѣческаго лица, которымъ молились нѣкоторыя арабскія племена и какіе находятся въ настоящее время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Туркестанскаго края, т. е. такъ называемыя *каменныя бабы*. Къ болѣе замѣчательнымъ остаткамъ

---

[1]) Главнымъ городомъ у Катабановъ былъ Тамна. См. у Страбона, кн. XVI, гл. 4, 2.

древне-аравійской архитектуры принадлежатъ недавно открытыя развалины въ Мезенатѣ, Макаллѣ, Маребѣ и Накабѣ, которыя были построены искусными каменщиками; но архитектура ихъ не изящна и своею массивностію напоминаетъ архитектуру египетскихъ гробницъ древнѣйшаго періода; въ ней не замѣтно еще и слѣда тѣхъ арокъ, сводовъ и колоннъ, которыми такъ богата позднѣйшая арабская архитектура. Между развалинами Хаджара уцѣлѣло нѣсколько зданій, имѣющихъ форму тупой четырехсторонней пирамиды, безъ всякихъ отверстій, похожихъ на двери или окна. На нѣкоторыхъ зданіяхъ высѣчены химьяритскія надписи, перечисляющія закупки, сдѣланныя для постройки храма и т. п. Во многихъ мѣстахъ, преимущественно въ Іеменѣ, сохранились остатки гигантскихъ водопроводовъ и бассейновъ, которымъ древнія преданія приписываютъ минувшее процвѣтаніе страны. На основаніи отсутствія какихъ бы то ни было архитектурныхъ орнаментовъ на всѣхъ этихъ зданіяхъ, Вейсъ предполагаетъ, что строители ихъ, какъ народъ торговый, заботились болѣе о практическихъ удобствахъ своихъ построекъ, чѣмъ объ ихъ изяществѣ, и что въ украшеніяхъ домовъ ограничивались убранствомъ внутренности зданій коврами, стѣнною раскраской и т. п. Кромѣ того, Вейсу кажется весьма правдоподобнымъ, что торговыя сношенія южныхъ аравитянъ съ Египтомъ и Абиссиніею не остались безъ вліянія на стиль ихъ зданій: это подтверждается съ одной стороны упомянутыми выше развалинами, напоминающими египетскія постройки, а съ другой свидѣтельствомъ Страбона, который, въ своемъ описаніи народа Катабановъ (XVI, 4. 3), говоритъ о ихъ деревянныхъ домахъ, великолѣпныхъ (?) храмахъ и дворцахъ, построенныхъ въ египетскомъ стилѣ. О сходствѣ и даже нѣкоторой родственности архитектурнаго вкуса осѣдлыхъ аравитянъ юго-западнаго побережья съ египетскимъ говорятъ, наконецъ, ихъ колоссальныя водоемы и глубокіе, высѣ-

ченные въ скалахъ гроты [1]). Но всѣ эти дворцы Сабы обезлюдѣли, а искусственные водопроводы уничтожились, и не было у жителей и правителей умѣнья и средствъ поддерживать то, чѣмъ прежде пользовались и гордились.

---

[1]) Внѣшній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. Исторія одежды, вооруженія, построекъ и утвари народовъ древняго міра. Т. I, ч. 1, стр. 122—123. Москва, 1873 г.

IV.

ДОМАШНІЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТЪ ДРЕВНИХЪ АРАБОВЪ.

Въ зависимости отъ географическихъ особенностей Аравійскаго полуострова, образъ жизни древнихъ арабовъ былъ въ однихъ мѣстахъ осѣдлый, въ другихъ кочевой [1]). Осѣдлые арабы жили въ городахъ и селеніяхъ и занимались земледѣліемъ и только отчасти скотоводствомъ, а также садоводствомъ, ремеслами и торговлей: кочевые арабы, наоборотъ, только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ занимались немного земледѣліемъ, а главнымъ и постояннымъ занятіемъ ихъ было скотоводство, унаслѣдованное отъ первыхъ родоначальниковъ арабскаго народа—Авраама и Измаила.

Изъ древнихъ пунктовъ осѣдлой жизни арабовъ извѣстны: Айла (поздн. Акаба), Хаджаръ (Села, Петра) и Бостра—въ Сѣверной Аравіи; Тадморъ (Пальмира)—въ Пустынной Аравіи; Сана, Наджранъ, Саба (Магрибъ), Саботъ, Зафаръ, Шаджаръ, Маскатъ, Сахаръ, Хаджаръ, Ямама (Джофъ)—въ Южной и Юго-восточной Аравіи; наконецъ: Мекка (Макораба) [2]), Медина (Ятриппа, Ясрибъ) Янбо, Таифъ и Оказъ (въ Хиджазѣ) [3]).

---

[1] Ср. Pocock. Specimen historiae arabum. p. 3. Вмѣсто объясненія этого названія съ еврейскаго «*макка рабба*», какъ предлагаетъ Дози, гораздо естественнѣе считать это названіе чисто арабскимъ — مكّة عربي, откуда и произошло сокращенное *Макка* (Мекка).

[2]) См. Очеркъ быта арабовъ въ эпоху Мухаммада. М. Машановъ. Казань, 1885 г., стр. 80—118.

Подробное описаніе быта осѣдлыхъ арабовъ затруднительно по недостатку историческихъ свидѣтельствъ. Одно можно замѣтить, что домашняя и общественная жизнь во всѣхъ осѣдлыхъ пунктахъ Аравіи была однообразна и примитивна и зависѣла отъ географическихъ и историческихъ условій страны. Болѣе разнообразна и оживленна была жизнь въ городахъ Южной Аравіи, чему прежде всего способствовали естественныя богатства Іемена, Хазрамаута и сосѣднихъ мѣстностей. Близость Еѳіопіи также оказывала нѣкоторое вліяніе на домашній и общественный бытъ южно-аравійскихъ государствъ. Но, сравнительно, процвѣтаніе ихъ было невысоко, хотя они существовали въ продолженіе 2000 лѣтъ. Политическая независимость этихъ государствъ пала навсегда въ концѣ шестого вѣка по Р. Хр., и послѣ ихъ паденія въ Южной Аравіи мало осталось слѣдовъ ихъ продолжительнаго существованія. Правда, такъ называемыя „Химьяритскія надписи“ говорятъ о существованіи отдѣльныхъ государствъ на югѣ Аравіи, объ ихъ князьяхъ и богатствѣ, а развалины древнихъ дворцовъ и храмовъ подтверждаютъ существованіе такихъ государствъ; но исторія не можетъ признать, что эти маленькія государства достигли извѣстной степени внутренняго развитія. Богатство и великолѣпіе исчезнувшей жизни южныхъ арабовъ могли казаться таковыми только по сравненію съ кочевымъ бытомъ бедуиновъ. По словамъ г. Машанова, архитектура древнихъ южно-арабскихъ храмовъ была крайне незатѣйлива и проста, не отличалась украшеніями, какими были богаты греческіе храмы: въ нихъ не было ни арокъ, ни сводовъ, ни колоннъ, ни другихъ подобныхъ аксессуаровъ болѣе развитаго архитектурнаго искусства, почему онъ допускаетъ предположеніе объ отсутствіи даже оконъ въ этихъ храмахъ. Большая часть этихъ храмовъ была сдѣлана изъ необожженныхъ кирпичей, а потому они

отличались непрочностью и скоро превращались въ развалины [1]).

Объ архитектурѣ храмовъ у сѣверныхъ арабовъ въ исторіи не сохранилось вообще свѣдѣній, но можно съ увѣренностью предполагать, что эти храмы въ архитектурномъ отношеніи были еще менѣе замѣчательны, чѣмъ храмы южно-арабскіе, такъ какъ самый главный храмъ Аравіи Кааба имѣлъ грубую постройку, не отличавшуюся прочностью: во время Джорхомитовъ зданіе было разрушено дождями и горными потоками. Возобновленная Кааба представляла собою простой четыреугольникъ безъ крыши; стѣны ея были сложены изъ камней, безъ цемента, и имѣли въ вышину 13½ футовъ, въ длину 45 фут. и въ ширину 33 ф. Зданіе имѣло одну дверь. Послѣ (около 445—45[illegible] гг. по Р. Хр.) корейшитъ Косай придалъ Каабѣ нѣсколько лучшій видъ, но и то весьма незавидный: стѣны ея были сложены изъ нетесаныхъ камней и были высотою въ ростъ человѣка, окружность ея была менѣе 200 футовъ, крыши не было; въ Каабу вела одна дверь; идолъ Гобалъ, а можетъ быть и нѣкоторые другіе, находились внутри Каабы; самымъ священнымъ предметомъ храма былъ черный камень, предметъ почитанія всѣхъ арабовъ, приходившихъ въ Мекку на богомолье въ установленное время [2]).

Не достигло культуры и царство Набатеевъ, существовавшее болѣе 1400 лѣтъ, именно до временъ Траяна. Набатеи были народомъ промышленнымъ, торговымъ и не чуждымъ гражданственности. У нихъ были свои цари, чеканившіе собственныя серебряныя деньги, надписями которыхъ подтверждаются показанія объ этихъ народахъ Библіи, Іосифа Флавія, Страбона, Діона Кассія, Орозія, Плутарха и Діодора. Но разсказъ о Набатеяхъ Страбона даетъ не высокое понятіе о наба-

[1]) Очеркъ быта арабовъ въ эпоху Мухаммеда какъ введеніе къ изученію ислама. Часть первая. Казань, 1885 года, стр. 606.

[2]) См. Sprenger, Das Leben und die Lehre des Mohammad. Bd. II, p. 342. Въ цитиров. сочин. г. Машанова, стр. 567—569.

тейской образованности. О другихъ государствахъ, или, точнѣе, отдѣльныхъ владѣніяхъ осѣдлыхъ арабовъ, въ родѣ Хиры и Хиджаза, исторія не даетъ и такихъ подробностей. Жизнь ихъ не отличалась культурой, и образованные сосѣди ихъ (персы, византійцы и др.) не сохранили объ этихъ государствахъ особыхъ воспоминаній. Господствовавшій среди осѣдлыхъ арабовъ патріархальный бытъ былъ похожъ на бытъ бедуиновъ, отъ которыхъ они отличались только тѣмъ, что жили на одномъ мѣстѣ, а не кочевали. Даже Мекка и Медина были бѣдныя поселенія: Медина еще походила на городъ, благодаря поселившимся въ ней съ давнихъ поръ евреямъ, а Мекка долгое время не была достаточно заселена.

Чтобы лучше характеризовать описываемое положеніе осѣдлыхъ и кочевыхъ арабовъ, напомнимъ читателю, что и въ настоящее время мы не видимъ большого культурнаго различія въ жизни среднеазіатскаго кочевика-киргиза и осѣдлаго жителя сарта, особенно тамъ, куда русское цивилизующее вліяніе не успѣло еще проникнуть.

Осѣдлые арабы жили въ домахъ, выстроенныхъ изъ известняка, или изъ дерева: во времена Страбона въ Южной Аравіи было много домовъ, сложенныхъ изъ толстыхъ брусьевъ. Въ Оманѣ для построекъ употреблялись высушенные на солнцѣ кирпичи, или же простой булыжникъ, смазанный глиною. Стѣны домовъ штукатурились смѣсью глины съ соломой. Болѣе бѣдные жители строили для себя хижины изъ тонкихъ жердей, обмазывали ихъ глиной съ навозомъ, а затѣмъ поверхность стѣнъ, особенно внутреннихъ, штукатурили. Крыша приготовлялась изъ пучковъ камыша или длинной травы, а вмѣсто дверей служила циновка. Такимъ образомъ постройки древнихъ арабовъ напоминаютъ намъ современныя постройки осѣдлаго туземнаго населенія Туркестанскаго края (сартовъ).

Въ южно-аравійскихъ государствахъ, гдѣ арабы жили осѣдло, существовали нѣкоторыя производства

изъ глины, дерева и металла; но тѣ принадлежности ихъ домашняго быта, которыя отличались нѣкоторымъ изяществомъ и роскошью, были обыкновенно иноземнаго происхожденія. Древніе писатели вообще свидѣтельствуютъ, что арабы, не только кочевые, но и осѣдлые, не стремились къ развитію у себя ремеслъ и промысловъ, а предпочитали доставать все необходимое въ готовомъ видѣ, вымѣнивая это на предметы туземнаго происхожденія. Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить посѣщеніе Соломона Савской царицей: она прибыла въ Іерусалимъ съ верблюдами, навьюченными благовоніями и великимъ множествомъ золота и драгоцѣнныхъ камней, и когда увидѣла дворецъ Соломона, то сказала царю: „я не вѣрила словамъ, пока не пришла сама и не увидѣли глаза мои: мнѣ и половины не сказано,—мудрости и благъ у тебя больше, нежели какъ я слышала (3 Цар. 10, 1—10. 2 Пар. 9, 1—9). Очевидно, царица Савская разсчитывала произвести на Соломона впечатлѣніе своимъ богатствомъ, но была поражена царскою обстановкой еврейскаго царя, какой южно-аравійская царица, довольствуясь естественными дарами своей страны, никогда не видѣла и не воображала.

Государственной жизни въ строгомъ смыслѣ слова у осѣдлыхъ арабовъ не было. Правители ихъ не умѣли сплотить подвластное населеніе точными законами и вести къ единой для всѣхъ цѣли. У древнихъ евреевъ были точно выраженные въ религіозномъ кодексѣ законы; они имѣли своеобразную гражданственность и преслѣдовали въ жизни своей опредѣленную цѣль:—у древнихъ арабовъ не было ни религіознаго кодекса, ни такихъ руководителей въ жизни, какими были у евреевъ пророки. Поэтому въ каждомъ маленькомъ арабскомъ государствѣ была своя жизнь, были свои житейскіе интересы. Въ Южной Аравіи насчитывалось въ древности нѣсколько отдѣльныхъ владѣній, жители которыхъ не имѣли никакихъ общихъ интересовъ. Всѣ они жили, кто какъ могъ и умѣлъ, занимаясь земледѣ-

лемъ и торговлей, наполняя свободное время самыми неизысканными развлеченіями, изъ коихъ угощеніе было на первомъ планѣ. Умственныхъ интересовъ не было и не откуда было имъ взяться.

Религія, которая обыкновенно служитъ главнымъ центромъ духовной жизни народа, у древнихъ арабовъ была неразвита и не могла возвышать умъ и сердце ихъ за предѣлы внѣшняго міра. Вліяніе другихъ религій (еврейской и христіанской) было слабо, по причинамъ, о которыхъ будетъ сказано ниже. Оставалось одно: вліяніе взаимнаго общенія жителей разныхъ мѣстностей, сходившихся въ опредѣленныя времена въ извѣстныхъ пунктахъ для общественнаго богомолья. Но и это вліяніе было не сильно: въ указанныхъ мѣстахъ арабы разныхъ племенъ сходились не надолго: при томъ же у разныхъ племенъ были свои священныя мѣста.

Болѣе значенія въ древне-арабской жизни имѣли ярмарки. Въ странѣ, не имѣющей постоянныхъ торговыхъ центровъ, было неизбѣжно избирать опредѣленные пункты, куда бы къ назначенному времени съѣзжались жители разныхъ мѣстъ: одни для продажи своихъ продуктовъ, другіе для покупки. Такимъ самымъ бойкимъ пунктомъ на сѣверѣ Аравіи былъ *Оказъ* [1]) — мѣстечко между Таифомъ и Нахлой, въ одномъ переходѣ отъ Таифа по направленію къ Іемену. Оказъ славился своими пальмами и принадлежалъ арабскому племени Сякифъ. Сюда, на ярмарку, сходились арабы всѣхъ племенъ и всѣхъ мѣстъ Аравіи. И вмѣстѣ съ продавцами и покупателями являлись и поэты арабскіе, для

[1]) عكاظ. Въ معجم البلدان говорится, что ярмарка въ Оказѣ начиналась съ перваго числа мѣсяца Зуль-кагда и продолжалась до двадцатаго числа, а по другому свидѣтельству — до 15 числа того же мѣсяца. Изъ Оказа арабы переходили на другую ярмарку, въ мѣстечко *Наджна*, гдѣ оставались до конца мѣсяца. Отсюда арабы переходили въ третье мѣсто и тамъ оставались до восьмого числа мѣсяца Зуль-хаджа (مصباح الميزان).

которыхъ ярмарка представляла самое удобное мѣсто показать свой поэтическій талантъ и прославить въ своихъ стихотвореніяхъ подвиги соотечественниковъ и вообще лучшія черты характера своего племени [1]). Стихотворенія, признанныя лучшими, вывѣшивались потомъ въ Каабѣ, а по другому преданію — писались золотыми буквами, отчего и получили названія: *муаллака* (подвѣшанныя) и *мудзаггаба* (позолоченныя) [2]). Самъ основатель ислама, еще до выступленія своего въ роли проповѣдника новой религіи, посѣщалъ вмѣстѣ съ соотечественниками своими эту ярмарку и, вѣроятно, вынесъ оттуда немало разныхъ впечатлѣній. Но ярмарочныя сборища древнихъ арабовъ не могли, конечно, оказывать продолжительнаго вліянія на жизнь сыновъ пустыни: кончалась ярмарка, а съ ней оканчивались дни единенія разрозненныхъ арабскихъ племенъ, и снова наступали дни разобщенія. Очевидно арабы, при такихъ условіяхъ, не могли сплотиться въ одно государственное цѣлое.

Государственной жизни у древнихъ арабовъ въ строгомъ смыслѣ слова не было; о порядкѣ управленія древнихъ царей арабскихъ сохранилось такъ мало свѣдѣній, что невозможно составить подробное описаніе царскаго быта и царскаго правленія. Но въ позднѣйшій періодъ у арабовъ были религіозные представители народа, имѣвшіе громадное вліяніе на общественную жизнь арабовъ, пользовавшіеся особыми правами. Та-

---

[1]) Объ этомъ упоминается въ مختار الصحاح и въ منتخب اللغات.

[2]) معلقة мн. معلقات и مذهبة мн. مذهبات. Арабскій текстъ семи муаллака или поэмъ, принадлежащихъ поэтамъ: Амрулькайсу, Тарафѣ, Зогайру, Лебиду, Антарѣ, Амру и Харису былъ изданъ А. Болдыревымъ въ Москвѣ въ 1832 году; въ томъ же году былъ изданъ латинскій и французскій переводъ. Переводъ на русскій яз. моаллаки Амрулькайса былъ изданъ проф. Лазаревскаго Института Г. А. Муркосомъ.

ковы были жрецы и жрицы (*кягинъ* и *аррафъ*) [1]), которые совершали жертвоприношенія и давали предсказанія о будущемъ. пользуясь при этомъ разными предзнаменованіями и гаданіями. При Каабѣ и другихъ капищахъ были особые стражи (*сядинъ*) и привратники (*хиджибъ*) [2]). Обыкновенно сядины выбирались изъ того же племени, которому принадлежало капище, пользовались почетомъ своихъ единоплеменниковъ и имѣли вліяніе на общественныя дѣла. Своимъ вліяніемъ они поддерживали религіозные обычаи въ народѣ, и даже такіе жестокіе обычаи, какъ напримѣръ принесеніе въ жертву дѣтей и зарываніе ихъ живыми въ землю. При Каабѣ имѣлъ особенно важное значеніе хранитель ключей этого храма, такъ какъ безъ него нельзя было вступить въ Каабу. Потому карейшиты имѣли значеніе въ Меккѣ. При взятіи Мекки Мухаммедомъ хранителемъ ключей Каабы былъ корейшитъ Османъ, сынъ Тальхи. — Для урегулированія годового счисленія въ Меккѣ была особая должность—*наси* [3]). Занимающій эту должность назначалъ время священнаго мѣсяца, или вставлялъ тринадцатый мѣсяцъ. Должность эта была отмѣнена Мухаммедомъ. Послѣднимъ замѣстителемъ ея былъ Джанада изъ племени Кинана. Для снабженія водою стекавшихся въ Мекку богомольцевъ была особая должность *сикая* [4]), а для снабженія ихъ пищею во время хаджа была должность *рифада* [5]). Во время Мухаммада обѣ эти должности были соединены въ рукахъ дяди его Аббаса. Для распоряженій религіозными церемоніями во время хаджа были двѣ должности: *ифадза* [6]) и *иджаза* [7]). Лице, занимавшее первую должность, объявляло время отправленія богомоль-

---

[1]) كاهن ж. ة; عرّاف ж. ـة. [2]) سادن и حجاب. [3]) نسيء.

[4]) السقاية. **Во время хаджа корейшиты приготовляли особый напитокъ (изюмный квасъ), которымъ угощали богомольцевъ.**

[5]) الرفادة. [6]) افاضة т. е. **выступленіе изъ Арафата.** [7]) اجازة.

цевъ въ долину Мина, а занимавшій вторую должность объявлялъ время окончаній хаджа. Послѣднимъ лицомъ, занимавшимъ эту должность предъ исламомъ, былъ Карибъ сынъ Сафвана. Для совершенія обрѣзанія надъ дѣтьми у арабовъ были также особыя лица, мужчины для мальчиковъ и женщины для дѣвочекъ, но особаго значенія и вліянія на общественныя дѣла эти лица не имѣли.

Главные моменты въ жизни древняго араба представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Новорожденному ребенку давалось имя, которое иногда имѣло религіозный характеръ, указывало на отношеніе человѣка къ верховному божеству, Аллаху, или къ божествамъ второстепеннымъ, напримѣръ: Абдулла, т. е. рабъ Аллаха, Абдуманадъ, т. е. рабъ Манаты, и т. под. Но иногда имя указывало на отношеніе новорожденнаго къ своему отцу: „сынъ такого-то“, или къ матери: „сынъ такой-то“. Чаще же всего давались имена по какому нибудь случайному признаку или случайному обстоятельству [1]), вслѣдствіе чего получались у арабовъ иногда унизительныя имена [2]). Въ виду этого основатель ислама объявилъ въ Коранѣ, чтобы его послѣдователи не давали другъ другу унизительныхъ именъ [3]). Древніе арабы радовались рожденію сыновей, а при рожденіи дочерей печалились, и иногда даже зарывали ихъ въ песокъ, противъ чего также возставалъ Мухаммедъ [4]).

---

[1]) Напр. Арта (дерево, растущее въ пескахъ), Усайдъ (львенокъ), Усама (левъ), Укайма (холмикъ), Умайя (рабыня), Уясъ (отчаяніе), Барикъ (молніеносный), Баширъ (благовѣстникъ), Джаррахъ (хирургъ) и под.

[2]) У современныхъ киргизъ до сихъ поръ въ обычаѣ давать своимъ дѣтямъ имена по случайному признаку, напримѣръ: «*собачья нога*», «не ѣстъ мяса» и т. под. См. собственныя имена въ араб. словарях.

[3]) Коранъ, гл. 49, ст. 11.

[4]) Коранъ, гл. 43, ст. 16; гл. 16, ст. 60—61; гл. 81, ст. 8—9.

Арабы, по примѣру древнихъ евреевъ [1]). совершали обрѣзаніе надъ своими сыновьями и устраивали по этому случаю пиршество, на которое приглашали не только родныхъ, но и знакомыхъ. Обычай обрѣзанія былъ удержанъ и основателемъ ислама, а въ средней Азіи до сихъ поръ это семейное торжество сопровождается большими пиршествами (*туи*), для многихъ разорительными [2]). Обрѣзаніе у древнихъ арабовъ совершалось и надъ женщинами; Мухаммедъ, признавъ этотъ обычай похвальнымъ [3]).

Женщины и дѣвицы у арабовъ исправляли всѣ домашнія хозяйственныя обязанности: готовили пищу, поддерживали чистоту въ жилищѣ, присматривали за скотомъ и доили его, стригли овецъ и козъ, пряли шерсть ихъ, готовили изъ пряжи матеріи и шили изъ нихъ одежду. На долю мужчинъ оставались болѣе тяжелыя работы, особенно производившіяся внѣ дома, а также торговля и участіе въ вооруженныхъ набѣгахъ на враговъ.

Нельзя предполагать, чтобы древніе арабы особенно заботились о чистотѣ своего тѣла: гигіеническія требованія относительно этого важнаго для здоровья условія не были имъ извѣстны. Но омовенія, по древнему обычаю, они совершали часто, и это было необходимо при жаркомъ климатѣ Аравіи и при той, невообразимой для европейца, пыли, какая постоянно отдѣляется тамъ отъ почвы и разносится вѣтрами. По другимъ позднѣйшимъ свидѣтельствамъ, они омывали голову, полоскали ротъ, промывали носъ, чистили

---

[1]) Кн. Быт. гл. 17, ст. 10—14. Измаилъ, сынъ Авраама, былъ обрѣзанъ въ 13-лѣтнемъ возрастѣ (ст. 25). Ср. кн. Левитъ, гл. 12, ст. 3.

[2]) Въ Ташкентѣ богатые люди расходуютъ при этомъ болѣе 1000 р. Автору извѣстенъ случай, какъ одинъ почтенный туземецъ откладывалъ много лѣтъ совершеніе обрѣзанія надъ своими сыновьями. изъ-за недостатка средствъ.

[3]) Pocock, Specimen historiae arabum, p. 309.

зубы, подстригали усы и ногти, выдергивали волосы подъ мышками и т. д. Несомнѣнно, что эти обычаи древнихъ арабовъ были общи съ древними еврейскими узаконеніями [1]), и основатель ислама утвердилъ всѣ эти обычаи, при чемъ придавалъ нѣкоторымъ изъ нихъ чисто формальное значеніе. Такъ, напримѣръ, онъ предписалъ, при недостаткѣ воды, отирать себя пылью [2]).

Какими обычаями сопровождалось сватовство у арабовъ и бракосочетаніе, мы сказать не можемъ, но несомнѣнно, что этотъ радостнѣйшій въ жизни человѣка случай и у древнихъ арабовъ сопровождался торжествомъ и пиршествомъ. Что касается возраста дѣвицъ, вступавшихъ въ бракъ, то объ этомъ есть несомнѣнныя свѣдѣнія: дѣвицы были выдаваемы замужъ въ очень ранніе годы, даже девяти лѣтъ, какъ видно изъ примѣра самого Мухаммеда, женившагося на Айшѣ. Число женъ у древнихъ арабовъ не было опредѣлено, но и многоженство встрѣчалось какъ рѣдкое исключеніе, какъ прихоть зажиточнаго человѣка. Браки заключались и въ ближнемъ родствѣ [3]).

Погребеніе у древнихъ арабовъ совершалось такъ: Они омывали умершихъ холодной водой, смѣшанной съ благовоніями; затѣмъ одѣвали въ саванъ и созывали на погребеніе своихъ знакомыхъ. Въ знакъ печали женщины громко плакали, раздирали на себѣ одежды, царапали лица и грудь, открывали лице свое, надѣвали траурную одежду, а мужчины посыпали свои головы прахомъ, какъ дѣлали евреи. По прибытіи знакомыхъ и ближнихъ, надъ покойникомъ начинали причитать плакальщицы, восхваляя его качества; затѣмъ клали покойника на особыя погребальныя носилки и относили на кладбище, гдѣ и зарывали въ могилѣ. Могилы обыкновенно были глубоки и имѣли боковое углубле-

---

[1]) Кн. Левитъ, гл. 15. [2]) Коранъ, гл. 5, ст. 9; гл. 4, ст. 46

[3]) Миссіонерскій противомосульм. сборникъ вып. X.

ніе, въ которомъ и укладывалось тѣло покойнаго на боку, съ подогнутою подъ голову рукою. Это боковое углубленіе въ могилѣ закладывалось большимъ камнемъ, а затѣмъ вся могила заполнялась землей и наверху ея насыпался холмикъ изъ земли въ видѣ небольшаго кургана. Намогильный холмъ арабы старались оживить зеленью. Иногда дѣлалось возвышеніе изъ камней. Подобно всѣмъ извѣстнымъ языческимъ народамъ, древніе арабы клали въ могилу вмѣстѣ съ умершимъ его мечь и нѣкоторыя другія принадлежности его одѣянія. На могилѣ, послѣ погребенія, устраивались тризны, при чемъ глиняная посуда, въ которой была пища, здѣсь же и разбивалась. Было въ обычаѣ также оставлять на могилѣ верблюдицу, на которой покойный ѣздилъ при жизни; голову ея пригибали къ туловищу (назадъ), покрывали попоной и оставляли умирать голодной смертью.

Вдовы соблюдали глубокій трауръ послѣ погребенія мужей въ теченіе года, не употребляя благовоній и одеждъ краснаго цвѣта, а по истеченіи этого срока совершали особые обряды и освобождались отъ всѣхъ стѣсненій траура.

Но самой характерной особенностью въ жизни древнихъ арабовъ было требованіе немедленной мести за смерть родственника, если онъ былъ убитъ. Всѣ обряды откладовались до тѣхъ поръ, пока не совершена была эта месть [1]).

Жизнь кочевыхъ арабовъ (бедуиновъ) отличалась еще большею простотой, чѣмъ жизнь осѣдлыхъ арабовъ. Патріархальный бытъ не далъ развиться у бедуиновъ роскоши; поэтому у нихъ не было ни ремеслъ ни художествъ [2]). Мало того, они почти вовсе не за-

---

[1]) Машанова, «Очеркъ религіознаго быта Аравіи», стр. 729—756.

[2]) Внѣшній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ Германа Вейса. Т. I, ч. 1. Русскій перев. съ нѣмецкаго В. Чаева. Москва, 1873 г., стр. 111—127.

нимались земледѣліемъ, а жили отъ стадъ своихъ [1]). Изъ шерсти верблюдовъ, овецъ и козъ они приготовляли для себя одежду, сами выдѣлывая грубое сукно и войлокъ. У кочевыхъ арабовъ и до настоящаго времени почти не встрѣчается никакихъ другихъ матеріаловъ для одежды.

Во времена болѣе отдаленныя арабы имѣли такую одежду: отъ поясницы до колѣнъ они закрывали свое тѣло особою повязкою, на плечи набрасывали широкій кусокъ матеріи. а голову покрывали большимъ платкомъ, спускавшимся до плечъ и придерживаемымъ на головѣ особымъ шнуркомъ. Лучшимъ образцомъ древней одежды арабовъ можетъ служить та особая покаянная одежда, которая предписана въ Коранѣ мусульманскимъ паломникамъ (хаджи), и въ которую они облекаются при вступленіи въ священную область Мекки. Это такъ называемый *ихрамъ* (Коранъ; гл. 5, ст. 96—97), состоящій изъ двухъ большихъ и не сшитыхъ кусковъ бѣлаго полотна. Однимъ изъ этихъ кусковъ, называемымъ *изаромъ*, паломникъ прикрываетъ наготу своего тѣла отъ средины живота до колѣнъ, а другой кусокъ—*рида* —набрасываетъ на плеча и закрываетъ ихъ.

Въ позднѣйшую (историческую) эпоху. какъ объ этомъ можно судить по выраженіямъ Мухаммеда, арабы носили исподнее платье. то есть рубашку. Рубашка приготовлялась изъ грубой бумажной или шерстяной матеріи. или же изъ небѣленаго холста, имѣла глухую грудь и широкіе и длинные рукава. Бумажныя рубашки бывали не только бѣлаго, но и синяго и коричневаго цвѣтовъ, а иногда и полосатыя. Сверхъ рубашки надѣвался широкій плащъ, имѣющій вверху отверстіе для головы и по бокамъ отверстія для рукъ. Плащъ большею частію приготовлялся изъ козьей или верблюжьей шерсти и былъ одноцвѣтный. полосатый. Нѣкоторыя арабскія племена носили черные плащи, протканные

---

[1]) Страбонъ, Географія, кн. XVI, гл. 3, 1. Русск. перев. стр. 782.

золотомъ, а другія—желтоватые съ черными и коричневыми полосами. Различный цвѣтъ плащей служилъ наружнымъ отличіемъ различныхъ племенъ. На ногахъ арабы носили грубыя сандаліи, сдѣланныя изъ кожи и прикрѣпляемыя къ ступнямъ ногъ тонкими бечевками.

Одежда женщинъ у кочевыхъ арабовъ состояла изъ широкой и длинной рубашки, подвязываемой поясомъ, головной повязки и плаща. Плащъ дѣлали изъ бѣлой матеріи съ синими клѣтками, или съ красными и желтыми полосками. Иногда, въ болѣе близкихъ къ осѣдлымъ пунктамъ мѣстахъ, женщины закрывали свое лицо кускомъ прозрачной матеріи. Обувью женщинъ служили также сандаліи, а при недостаткѣ средствъ, ноги женщинъ оставались необутыми. На ногахъ у женщинъ, какъ и у мужчинъ, были шаровары. — Состоятельные арабы умащали свое тѣло благовонными мазями и пахучими маслами, а женщины, кромѣ того, сурмили себѣ брови, окрашивали ногти цвѣткомъ хены [1]), а иногда татуировали свое тѣло.—По свидѣтельству Буркхардта, у всѣхъ вообще бедуиновъ признакомъ красоты считались густые волосы на головѣ [2]) и особенно густая борода; вслѣдствіе этого, человѣка съ рѣдкими волосами считали обиженнымъ судьбой. О Муххаммедѣ извѣстно, что онъ любилъ расчесывать свою бороду и умащать свои густые волосы на головѣ. Женщинъ, благовонія и цвѣты онъ считалъ лучшимъ развлеченіемъ человѣка. Арабки носили въ качествѣ украшеній металлическіе браслеты на рукахъ и ногахъ, серги и ожерелья, кольца и нарядные пояса изъ кожи или шерстяной матеріи.

Жилищемъ кочевыхъ арабовъ служили шатры, или палатки, покрытыя войлокомъ, сдѣланнымъ изъ верблюжьей или козьей шерсти. Эти войлоки были чернаго,

---

[1]) Lausonia inermis, красный цвѣтокъ, распространенный и среди современнаго осѣдлаго населенія русскаго Туркестана.

[2]) У пророка Іереміи говорится, что арабы остригали волосы на вискахъ (кн. прор. Іереміи, гл. 9, ст. 25; гл. 49, ст. 32); слѣдовательно, обычай брить волосы на головѣ—позднѣйшій обычай.

или темнокоричневаго цвѣта, или же полосатые: они натягивались на жерди, служившія остовомъ для шатровъ и привязывались веревками изъ верблюжьей шерсти. Такіе шатры раздѣлялись внутри занавѣсками на три части, изъ которыхъ одна служила помѣщеніемъ для мущинъ, другая—для женщинъ, третья—для прислуги и мелкаго скота. Шатры ставились или кругомъ, если ихъ было немного, или же вытягивались въ одну линію вдоль рѣки или ручья, или же разставлялись рядами по три и четыре шатра въ каждомъ ряду. Шатеръ шейха или начальника рода ставился всегда на западномъ концѣ становища, потому что съ этой стороны бедуины всегда ожидали гостей и враговъ. Передъ каждымъ шатромъ въ землю втыкалось копье хозяина шатра (для чего деревянный конецъ копья заостривался); къ копью привязывалась лошадь хозяина; передъ шатромъ паслись верблюды.

Домашнюю утварь бедуина составляли подстилки для спанья, то есть камышевыя циновки, или войлокъ, а также—ковры и одѣяла и самая необходимая посуда. Для перевозки и храненія воды и молока у нихъ служили мѣхи изъ козьей кожи; изъ той же кожи приготовлялись и ведра для черпанія воды изъ колодцевъ. Для приготовленія пищи имъ служили глиняные горшки и каменныя корыта. Въ послѣднихъ они замѣшивали тѣсто для лепешекъ, которыя пекли на горячей золѣ подъ глинянымъ горшкомъ [1]). Для приготовленія муки

---

[1]) Относительно формы хлѣба и способа его приготовленія у современныхъ намъ средне-азіатскихъ мусульманъ замѣчается большое сходство съ древними арабами, отъ которыхъ къ нашимъ сартамъ перешло и самое названіе печи—*таннуръ* (تنور). Печь эта представляетъ собою высокій глиняный горшокъ, имѣющій въ діаметрѣ основанія около аршина и отверстія сбоку и наверху. Такой сосудъ ставится на кирпичномъ фундаментѣ широкимъ своимъ основаніемъ. Во время топки пламя и дымъ выходятъ въ верхнее отверстіе. Когда стѣнки этой печи накалятся, топка прекращается,— и тотчасъ пекарь (*нанвай*) беретъ приготовленную сырую лепешку

служили ручныя мельницы, состоявшія изъ двухъ жернововъ. Размалываніемъ зерна занимались исключительно женщины.—Приготовляя мясо, бедуины разрѣзывали его на небольшіе куски, надѣвали на деревянный прутъ (вертелъ), который устанавливали на двухъ рогулькахъ надъ горячими углями и жарили. Иногда они зажаривали цѣлыя туши въ раскаленныхъ и наглухо закрытыхъ ямахъ. Въ этомъ мы видимъ опять поразительное сходство съ нынѣшними среднеазіатскими туземцами, которые отлично приготовляютъ такимъ же образомъ жаркое въ кускахъ и цѣлаго ягненка. Изжаренное мясо разрѣзывалось на деревянныхъ тарелкахъ. Обѣдали бедуины обычно на полу, на разостланной циновкѣ или кожѣ, на которыхъ они и спали, завернувшись въ свой плащъ; плоская кожаная или шерстяная подушка во время обѣда подкладывалась подъ локоть, или замѣняла стулъ. Живя сообразно съ природой, бедуины ложились спать съ наступленіемъ темноты, не зажигая огня; только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ зажигали они пропитанные асфальтомъ факелы.—При простотѣ и несложности своихъ жизненныхъ потребностей, бедуины не развили у себя домашнихъ производствъ; жены ихъ имѣли только прялку для пряденія шерсти и самый простой ткацкій станокъ, а мужчины приготовляли простую сбрую и оружіе. Это былъ народъ безпечный, живущій беззаботно, не имѣя ни дверей, ни запоровъ [1]). При передвиженіи съ одного пастбища на другое все несложное домашнее хозяй-

---

(*нанъ*) и ловко прилѣпляетъ ее ко внутренней стѣнкѣ горшечной печи, гдѣ лепешка скоро пропекается и отнимается отъ стѣнки. На мѣсто испеченной лепешки прилѣпляется другая и т. д. Если печь велика, то пекарь прилѣпляетъ къ ея стѣнкамъ двѣ или болѣе лепешекъ въ одинъ разъ. — Самыя лепешки приготовляются изъ пшеничной или ячменной муки и имѣютъ большіе и малые размѣры; самый обыкновенный размѣръ лепешки—четверть аршина ширины при толщинѣ въ полвершка.

[1]) Кн. пророка Іереміи, гл. 49, ст. 31.

ство свое бедуины навьючивали на верблюдовъ, какъ это и до сихъ поръ дѣлаютъ наши среднеазіатскіе киргизы.

И во внутреннемъ самоуправленіи кочующіе арабы сохранили во всей строгости патріархальный строй жизни. Они жили отдѣльными родами, состоявшими изъ родственныхъ семействъ, съ отдѣльнымъ старѣйшиной (*шейхомъ*) во главѣ [1]). Болѣе близкіе роды составляли въ свою очередь новый союзъ — племя (*кабиля*). Во главѣ племени стоялъ главный шейхъ, который во время войны считался повелителемъ (амиръ), подобно древнеримскимъ полководцамъ. Но при этомъ каждый арабъ сохранялъ свою личную обособленность и не терпѣлъ никакого насилія надъ собою; всѣ пользовались одинаковымъ уваженіемъ и свободой. У арабовъ не было потомственной аристократіи въ европейскомъ смыслѣ, никто не пользовался особыми преимуществами и привиллегіями; арабы цѣнили только личныя достоинства и личныя заслуги и на основаніи этихъ достоинствъ избирались шейхи и амиры, какъ это видно изъ древняго изрѣченія:

„Чей сынъ ты — все равно.
Но собственной заслугой
Ты родословную старайся замѣнить;
Тотъ человѣкъ, кто сказалъ: „я таковъ-то“.
А не тотъ, кто говоритъ: „Вотъ мой отецъ *таковъ*“ [2]).

Отличаясь демократическимъ характеромъ, арабская община пользовалась самоуправленіемъ; ея начальники были только первыми между равными, предсѣдательствовали на общихъ собраніяхъ, назначали время

---

[1]) Пр. Іеремія также упоминаетъ, что арабы живутъ разрозненно (гл. 49, ст. 31).

[2]) Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеалы человѣчества. М. Карьера, т. III. Рус. перев. Москва, 1874, стр. 112.

перекочевокъ и мѣста для остановокъ, разбирали возникавшія среди сородичей своихъ разногласія и ссоры и рѣшали вопросы о войнѣ и мирѣ. И этихъ ограниченныхъ правъ своихъ шейхи и амиры не могли передавать своимъ непосредственнымъ потомкамъ по наслѣдству, ничего не получали и жили такъ же просто, какъ и сородичи: амиръ, напримѣръ, самъ ухаживалъ за своимъ конемъ и самъ сѣдлалъ его, а его жена и дѣти исполняли своими руками всѣ хозяйственныя работы. Только болѣе обширная палатка и болѣе обширное хозяйство отличали его отъ прочихъ арабовъ.—И до настоящаго времени бедуины не измѣнили своего основного взгляда на своихъ начальниковъ. О современныхъ арабахъ Реклю замѣчаетъ, что „шейхъ не обладаетъ никакими правами; онъ избирается равными ему; его смѣщаютъ, когда онъ становится неугоденъ. Спеціальная его функція, кромѣ чествованія гостей,—судить споры съ старѣйшинами. Это—примиритель и третейскій судья; но его рѣшенія не имѣютъ силы закона. Рѣшеніямъ этимъ, вообще опирающимся на обычное право и поддерживаемымъ общественнымъ мнѣніемъ племени, обыкновенно подчиняются; но никакая уголовная санкція не связана съ его вердиктомъ... Нѣкоторые шейхи успѣваютъ пріобрѣсти значительную власть, когда съумѣютъ отожествить свои интересы съ интересами племени, но племя никогда не забываетъ своего права смѣнить шейха. Нерѣдко случается, что шейхъ избирается только на мирное время, какъ „мужъ совѣта и мудрости“, а для веденія войны избирается особый, отважный предводитель, временныя полномочія котораго оканчиваются съ заключеніемъ мирнаго договора“ [1]). Гельвальдъ замѣчаетъ: „Когда у арабовъ являлась необходимость въ единодушномъ дѣйствіи или вмѣшательствѣ избраннаго мироваго судьи, они обыкновенно назначали шейха или вождя, но какъ только кризисъ

[1]) Земля и люди. Всеобщая географія. Рус. перев. т. IX, стр. 743 (Спб. 1887 г.).

даннаго положенія проходилъ и нужда въ избранномъ начальникѣ миновала, то арабъ уже не подчинялся никому, считалъ себя независимымъ и никого не признавалъ своимъ повелителемъ [1]). Начальникъ нѣсколькихъ родовъ, главный шейхъ (*шейхуль-машайхъ*) былъ суровъ и грозенъ для враговъ племени, а въ сношеніяхъ со своими долженъ былъ отличаться справедливостію, кротостію и отеческою снисходительностію; злоупотребленіе властію порождало въ окружающихъ его недовольство, и онъ могъ быть отставленъ избравшими его родами. До самовластнаго господства главный шейхъ никогда не простиралъ своихъ стремленій.

Такое стремленіе къ обособленности каждой отдѣльной личности и къ самоуправленію развилось въ арабахъ и поддерживалось какъ географическими, такъ и историческими условіями ихъ родины, Аравіи. Почти запертая для остальнаго человѣчества, Аравія была извѣстна древнимъ народамъ только на сѣверной границѣ и со стороны морскаго побережья. Въ концѣ жизни Мухаммеда, полководецъ его Халидъ совершилъ геройскій походъ черезъ внутреннюю пустыню Аравіи, и походъ Халида, по трудностямъ, съ какими онъ былъ сопряженъ даже для арабовъ, считается безпримѣрнымъ въ исторіи. Поэтому описатель жизни Мухаммеда, Ирвингъ, могъ сказать: „возникали царства и падали, исчезали древнія династіи; имена и границы земель измѣнялись; цѣлые народы были истребляемы, или уводились въ неволю; но эти бури лишь слегка касались пограничныхъ областей Аравіи, а въ глубинѣ своихъ степей она сохраняла первобытный характеръ и независимость, и никогда ея бродячія племена не склоняли гордой главы своей ни подъ какое иго“. Эти слова почти дословно повторилъ покойный А. К. Козембекъ (Русское Слово, 1860 г.).

Живя разрозненно, дѣйствуя раздѣльно, по племенамъ, бедуины не могли имѣть постоянныхъ опредѣ-

---

[2]) Земля и ея народы. Томъ IV (Спб. 1879) стр. 65.

ленныхъ политическихъ цѣлей: не составляя объединенныхъ государствъ, они не могли имѣть и постояннаго войска. Для случайныхъ военныхъ предпріятій, которыя отличались характеромъ „набѣговъ“,—въ родѣ киргизскихъ набѣговъ *(баранта)*. — у арабовъ созывались временныя ополченія всадниковъ *(харисъ)* подъ начальствомъ особыхъ предводителей *(амиръ)*, дѣйствовавшихъ въ интересахъ своего рода, а иногда и отдѣльной личности [1]). При такихъ условіяхъ у арабовъ и быть не могло войска въ европейскомъ смыслѣ слова; арабъ не былъ способенъ подчинять навсегда свою волю волѣ другого (т. е. начальника), безъ чего не можетъ существовать правильно организованная постоянная армія. Арабскій воинъ подчинялся своему предводителю, когда ему это было выгодно, или когда онъ видѣлъ въ немъ полное превосходство надъ собою. За то въ битвахъ арабы были неутомимы и счастливы: впередъ двигались они съ надеждой на побѣду и добычу, а при неудачѣ имѣли увѣренность въ безопасномъ быстромъ отступленіи. Среди знойной пустыни, самый неустрашимый завоеватель-европеецъ не могъ бы настигнуть арабскихъ всадниковъ, быстро отступавшихъ на арабскихъ коняхъ и выносливыхъ верблюдахъ, которые, кромѣ того, были способны переносить голодъ и жажду. Рыцарь пустыни, поэтъ Антара [2]), говорилъ о самомъ

---

[1]) По свидѣтельству Геродота, древніе арабы вступали иногда въ союзы съ сосѣдними народами и участвовали въ ихъ войнахъ, какъ напр. въ войнахъ Ксеркса (кн. VII, 69).

[2]) عنترة. Онъ происходилъ изъ племени Абсъ и былъ сыномъ Шаддада, современника Абдуллы, отца Мухаммедова; умеръ до появленія ислама. Рожденный отъ черной невольницы Себиби, Антара въ малолѣтствѣ былъ преслѣдуемъ законной женой своего отца, но въ юношескомъ возрастѣ за храбрость въ стычкѣ со врагами получилъ отъ отца свободу и затѣмъ прославился своими рыцарскими подвигами. Отличаясь храбростью, онъ не былъ безумно отваженъ, не бросался въ неравный бой, не тратилъ силъ напрасно, а съ разсчетливымъ мужествомъ отражалъ врага: сначала онъ на-

себѣ: „Видишь ли, я всегда на сѣдлѣ, на быстроногомъ конѣ моемъ, который былъ уже причиною погибели многихъ воиновъ: стремится онъ одинъ въ сѣчу и мгновенно возвращается въ ряды опытныхъ стрѣлковъ. Кто вмѣстѣ со мною сражался, тотъ разскажетъ тебѣ, что я всегда первый въ битвѣ и послѣдній тамъ, гдѣ дѣлятъ добычу".

Вооруженіе арабскаго воина состояло изъ длиннаго копья, лука со стрѣлами, кольчуги и меча. Лукъ со стрѣлами унаслѣдованъ арабами еще отъ родоначальника ихъ Измаила, о которомъ въ Библіи сказано, что онъ сдѣлался стрѣлкомъ изъ лука. Другой арабскій витязь-поэтъ, Шанфара [1]), говорилъ, что съ нимъ всегда три спутника: „первый-то спутникъ — сердце смѣлое; второй спутникъ—свѣтлый, острый мечъ; третій спутникъ—длинный, темный лукъ; онъ звенитъ гладкообточенный, весь разубранный репейками и привѣсками, а при немъ и ратный приборъ, колчанъ со стрѣлами. И

падалъ на менѣе опаснаго противника, чтобы заставить трепетать и храбрѣйшихъ непріятелей. Огромный поэтическій талантъ доставилъ ему, «сыну невольницы» высокую честь быть въ числѣ семи славнѣйшихъ поэтовъ, произведенія которыхъ были вывѣшены въ Каабѣ. Въ своей поэмѣ онъ воспѣваетъ любовь къ Аблѣ, своей возлюбленной, которая, будучи близкою его родственницей, отдала поэту свою руку за его рыцарскую храбрость и геройскіе подвиги въ битвахъ родного племени. Въ своихъ рыцарскихъ подвигахъ онъ могъ соперничать съ знаменитымъ Амруль-Кайсомъ и кончилъ жизнь въ преклонной старости отъ раны стрѣлой. Впослѣдствіи его героическая личность послужила неизвѣстному автору сюжетомъ для романа «*Сиратъ Антарать-альбатталъ*» т. е. Приключенія бойца Антары. Въ романѣ Антара является рыцаремъ-пѣвцомъ, защитникомъ и поклонникомъ женщины и мстителемъ за кровь родныхъ. (См. Энциклопед. словарь, составл. русскими учеными и литераторами. С.-Петербургъ, 1862. Томъ IV, стр. 510—511. Энциклопед. Словарь, издав. подъ ред. пр. И. Е. Андреевскаго. Т. I. С.-Петербургъ, 1890 г. стр. 827).

[1]) الشنفرى. Быт. 21, 20. По словамъ Геродота, арабы носили на правомъ плечѣ длинные луки (кн. VII, 69).

какъ пуститъ онъ стрѣлу мѣткую.—взвоетъ, что не мать о сынѣ плачетъ, мертваго въ землю провожаючи“ [1]). Достойна вниманія похвальба своею храбростью упомянутаго Антары: „Многихъ героевъ,—которыхъ страшились и храбрѣйшіе героевъ, которые никогда не обращались въ бѣгство и не сдавались,—сразила уже рука моя, послѣ краткаго боя, прямымъ и упругимъ копьемъ. Ихъ латы разлетались въ куски; копье мое прокладывало себѣ дорогу ко всякому храброму сердцу; и сраженнаго врага, какъ заколотого барана, я отдавалъ на съѣденіе дикимъ звѣрямъ, которые глодали его мощныя плечи и желѣзные пальцы. Сколько мой мечъ раздробилъ кольчугъ на всадникахъ, которые умѣли храбро защищать все для нихъ дорогое! Сперва я повергаю ихъ копьемъ, а потомъ устремляюсь на нихъ съ блестящимъ мечемъ. Иной былъ такъ крѣпокъ и такого огромнаго роста, что можно было почесть его за дубъ, одѣтый въ латы; цѣлая воловья кожа нужна была для закутыванія одной ноги его“ [2]). Съ неменьшею хвастливостью поэтъ Амру говорилъ: „Мы всегда выступаемъ въ поле битвы съ бѣлыми знаменами, но приносимъ ихъ назадъ обагренными непріятельскою кровью. Копья наши пронзаютъ бѣгущихъ отъ насъ, и мы всегда хватаемся за мечъ, когда на насъ нападаютъ. И тогда черепы непріятельскіе лежатъ по землѣ кучами, подобно караваннымъ вьюкамъ, снятымъ съ верблюдовъ во время ночлега въ каменистой пустынѣ.... Мы выходимъ съ юношами, любящими смерть благородную, и со старцами, опытными въ войнѣ. Ни одинъ народъ не припомнитъ, чтобъ мы когда-либо унижались: никогда не покорялись мы по малодушію!... Прекрасныя жены слѣдуютъ за нами на войну, и мы мужественно охраняемъ

---

[1]) М. Карьеръ, Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры... Т. III, стр. 113.

[2]) Сенковскій, Поэзія пустыни, стр. 183—185 въ полномъ собраніи его сочиненій.

ихъ, чтобы онѣ не сдѣлались добычею вашей и не были посрамлены. Онѣ кормятъ нашихъ коней и говорятъ: „Вы не мужья намъ, если насъ не обороните“ [1])!

Личное мужество, доблесть, страстное стремленіе къ подвигу въ битвахъ составляли отличительныя черты древнеарабскаго рыцаря. Вотъ какъ одинъ изъ нихъ ободряетъ себя къ мужеству: „я говорю душѣ своей, когда въ страхѣ и смятеньи она ищетъ ускользнуть отъ битвы: да не бойся же ты ничего! Дальше срока, предназначеннаго судьбой, не вымолить тебѣ ни единаго дня лишку. Да, право, и не почетная, вѣдь, одежда, эта оболочка существованія; иначе не щеголяли бы въ ней такіе трусы и хвастуны“ [1]).—Рыцарь Шарранъ никогда ни на что не жаловался и не тужилъ; надѣясь на острый свой мечъ, скакалъ онъ одинъ по горамъ и долинамъ и только звѣзды надъ его головой были его спутниками. Однажды собиралъ онъ медъ на крутой вершинѣ горы; туда былъ всего одинъ проходъ, и то непріятель засѣлъ въ немъ. Шарранъ разлилъ медъ по утесу, скатился внизъ и запѣлъ:

„Какъ скоро человѣкъ не находчивъ на всѣ случаи и когда хоть что-нибудь его затрудняетъ, онъ погибъ; нечего ему тогда и тужить, если отъ него отвернется счастіе. Но кто настолько рѣшителенъ, что ни при одной нежданной встрѣчѣ не теряетъ изъ виду, какъ выбраться изъ бѣды, тотъ всегда найдется, что дѣлать, и заткни ему одну ноздрю, онъ передышетъ таки другою. Я сказалъ однажды Лійяну, когда въ бурдюкѣ у меня не осталось ни капельки, когда исходу не было, и обступили меня кругомъ всѣ напасти: вы оставляете мнѣ одно изъ двухъ: или смерть или плѣнъ постыдный; въ такомъ случаѣ благородный говоритъ рѣшительно: да будетъ смерть моей долей! Но я польщу душѣ своей и другимъ еще внушеніемъ: не стала ли она чрезъ это самое любимымъ жилищемъ смѣлости? Тогда я легъ на каменную скалу пе́редомъ и спусти-

[1]) Морицъ Карьеръ, Т. III, стр. 112.

лась по утесу широкая грудь, хотя узокъ былъ путь спасенія. Такъ достигъ я по разщелинамъ внизъ, до самой равнины, безъ единой царапинки; тутъ уже и смерти стало передо мной стыдно“ [1]).

Чтобы пополнить помѣщенныя въ этой главѣ данныя о домашнемъ и общественномъ бытѣ древнихъ арабовъ, приводимъ здѣсь свѣдѣнія, касающіяся бедуиновъ Сиріи и Палестины настоящаго времени.

По описанію въ „Сообщеніяхъ Императорскаго православнаго Палестинскаго общества“ [2]) сирійскіе и палестинскіе бедуины и въ настоящее время живутъ въ шерстяныхъ палаткахъ, матерію для которыхъ бедуинскія женщины приготовляютъ сами изъ шерсти черныхъ козъ или овецъ. Палатки разставляются на открытыхъ мѣстахъ и поддерживаются внутри особыми шестами, а снаружи притягиваются веревками къ колышкамъ, вбитымъ въ землю. Палатки ставятся одна подлѣ другой и образуютъ кругъ, внутрь котораго на ночь загоняется скотъ. У главы рода (шейха) бываетъ всегда особая палатка, которая служитъ ему для пріема гостей, что составляетъ съ давнихъ поръ отличительную черту арабскихъ нравовъ.

Современные бедуины, какъ и древніе, отличаются чадолюбіемъ. По случаю рожденія мальчика бедуинъ устраиваетъ пиръ, на который приглашаетъ родныхъ и знакомыхъ. Не имѣя особыхъ понятій о воспитаніи дѣтей, бедуины прилагаютъ свои заботы къ тому, чтобы ребенокъ былъ сытъ и здоровъ, а свои родительскія ласки проявляютъ въ томъ, что украшаютъ дѣтей возможными способами (дѣвочекъ, напримѣръ, татуируютъ), при чемъ и амулеты отъ дурного глаза привѣшиваются на виду. Когда дѣти подростутъ, то самою жизнію

---

[1]) Морицъ Карьеръ, Томъ III, стр. 115.

[2]) См. Правит. Вѣст. 1897 г. №№ 18 и 19 и соотвѣт. №№ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей.

пріучаются къ разнымъ домашнимъ занятіямъ и упражненіямъ: мальчики стерегутъ стада и ѣздятъ верхомъ, а дѣвочки собираютъ топливо, носятъ воду и т. п.

Обычаи сватовства у бедуиновъ представляются въ такомъ видѣ: мальчику 14-ти лѣтъ, а чаще и ранѣе этого возраста, родители стараются высватать невѣсту, согласія которой обыкновенно не спрашиваютъ. Для сватовства отецъ жениха вмѣстѣ съ сыномъ и старшинами приходятъ въ палатку родителей невѣсты и тамъ молча сидятъ. Послѣ долгаго молчанія происходитъ въ установленной формѣ разговоръ, касающійся сватовства, и, въ случаѣ благопріятнаго исхода переговоровъ, сваты угощаются, поздравляются и затѣмъ расходятся. Свадебныя празднества начинаются послѣ того, какъ женихъ, въ сопровожденіи родныхъ и знакомыхъ, явится въ палатку невѣсты. Тогда невѣста съ провожатою садится на верблюда своего жениха, и брачный поѣздъ съ пѣніемъ, пляскою, стрѣльбой изъ ружей, возвращается на мѣсто стоянки шатра жениха. На утро, при выходѣ новобрачной изъ палатки, братъ ея рѣжетъ овцу, и начинается пиръ, продолжающійся до семи дней. Невѣста получаетъ отъ жениха приданое. Если же женихъ бѣденъ и не можетъ уплатить вѣно, то совершеніе брака откладывается иногда на нѣсколько лѣтъ, пока условленное вѣно не будетъ сполна выплачено.

Какъ у народа кочевого, скотоводство составляетъ самое главное занятіе и богатство бедуина. Въ числѣ разныхъ животныхъ лошади цѣнятся выше другихъ породъ домашняго скота, особенно лошади чистокровныя, арабскія, цѣнящіяся иногда въ нѣсколько тысячъ рублей. Породистыя лошади употребляются только во время войнъ и набѣговъ, такъ какъ онѣ отличаются не только быстрымъ бѣгомъ и выносливостью, но и необыкновенною понятливостью и чутьемъ, способнымъ открыть непріятеля, скрывающагося въ засадѣ. Изъ другихъ животныхъ у бедуиновъ обычны верблюды и овцы, доставляющіе молоко и шерсть,

а также ослы и мулы, служащіе для обыкновенныхъ рабочихъ нуждъ кочевника. Орудія домашнихъ производствъ остаются у бедуиновъ до сихъ поръ первобытныя.

Отчасти развлеченіемъ, отчасти промысломъ для бедуиновъ служитъ охота, которая производится при помощи собакъ и соколовъ.

Въ недавнее время бедуины начали понемногу заниматься земледѣліемъ, — явленіе, замѣчаемое и среди туркестанскихъ кочевниковъ, киргизъ.

Торговля производится домашними продуктами и бедуину особой прибыли не приноситъ: какъ у насъ, въ Средней Азіи, кочевникъ-киргизъ находится всецѣло въ рукахъ осѣдлаго торгаша сарта, такъ и осѣдлый арабъ усердно и безжалостно обираетъ простодушнаго бедуина. Бедуинъ не знаетъ дѣйствительной цѣны продаваемаго ему товара, не дорожитъ и своими продуктами, а этимъ пользуется смѣлый торгашъ, рискнувшій заѣхать въ степь для своей плутовской торговли. Но бедуинъ не огорчается и до нѣкоторой степени утѣшаетъ себя полученными отъ заѣзжаго торговца новостями, до которыхъ онъ, какъ и другіе обитатели степей, большой охотникъ.

У бедуиновъ для распространенія новыхъ вѣстей всегда находятся охотники, которые развозятъ новости съ необыкновенною быстротой, — опять черта вполнѣ сродная нашимъ киргизамъ.

Гостепріимство особенно цѣнится среди бедуиновъ: они защищаютъ и берегутъ даже имущество гостя и не допускаютъ, чтобы ему была причинена какая-нибудь обида. Гость шейха становится гостемъ всего рода. Чтобы давать возможность путникамъ пользоваться столь дорогимъ въ пустынѣ отдыхомъ и покоемъ, бедуины по ночамъ зажигаютъ „огни гостепріимства“, а въ холодное и дождливое время привязываютъ къ своимъ палаткамъ собакъ, чтобы ихъ лаемъ указывать путешественникамъ на кровъ гостепріимства. Словомъ: какъ бы ни былъ бѣденъ бедуинъ, онъ дол-

женъ принять гостя въ своей палаткѣ, накормить его, чѣмъ можетъ, и предоставить ему покойный ночлегъ. Соотвѣтственно состоянію и общественному положенію, самыми почетными гостями у бедуиновъ считаются амиры и шейхи; за ними слѣдуютъ вліятельные по своему богатству арабы, а ниже всѣхъ считаются пастухи. Гостя бедуины отличаютъ даже по тому, на какомъ животномъ онъ пріѣхалъ—на лошади, на мулѣ или на ослѣ. Первый пользуется бо́льшимъ почетомъ, хозяинъ мула занимаетъ среднее мѣсто, а пріѣхавшій на ослѣ — послѣднее. Каждый гость долженъ прежде всего обойти вокругъ „палатки гостепріимства“, и этимъ показать уваженіе къ хозяину и его роду, а затѣмъ уже входить въ самую палатку. Къ прибывшему гостю сходятся всѣ наличные и свободные отъ занятій бедуины и стараются оказать ему помощь и вниманіе. Въ палаткѣ разстилается коверъ, стелятся подушки, и гость садится на почетномъ мѣстѣ; ему приносятъ молоко, яйца, сыръ и, если гость, подкрѣпившій свои силы, продолжаетъ еще сидѣть, то это значитъ, что онъ желаетъ воспользоваться и ночлегомъ у своего хозяина. Тогда всѣ бедуины, принадлежащіе къ данному мѣсту и племени, заявляютъ о своей готовности накормить гостя ужиномъ. Гостю, принявшему угощеніе, никто не можетъ причинить какую бы то ни было обиду; даже убійца, вошедшій въ палатку убитаго, считается неприкосновеннымъ для лицъ, имѣющимъ право мстить за убитаго, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока убійца находится въ „палаткѣ гостепріимства“.

Но рядомъ съ гостепріимствомъ, у бедуиновъ удержались до настоящаго времени набѣги на непріятелей и считаются не разбоями, а наоборотъ, дѣломъ геройскимъ, похвальнымъ. Набѣги служатъ естественною школой, въ которой бедуинъ развиваетъ ловкость и пріобрѣтаетъ почетъ за свое удальство. Такая черта въ нравахъ бедуиновъ поддерживается взаимною рознью различныхъ племенъ бедуинскихъ и ихъ характеромъ,

какъ это будетъ выяснено въ слѣдующей статьѣ. Поэтому каждый бедуинъ, уклоняющійся отъ участія въ набѣгѣ на непріятелей, подвергается насмѣшкамъ, а бѣжавшаго съ поля сраженія даже и жена не принимаетъ въ свою палатку. Набѣги у арабовъ являются общимъ дѣломъ цѣлаго племени, и представитель племени становится естественнымъ предводителемъ нападающихъ. Возвратившихся побѣдителей женщины привѣтствуютъ радостными криками, а захваченная добыча поступаетъ въ раздѣлъ между участниками нападенія, причемъ предводитель (шейхъ) получаетъ пятую часть. Только лошади, отбитыя у непріятеля, не подлежатъ дѣлежу, а остаются въ рукахъ тѣхъ, кто захватилъ ихъ. Если же набѣгъ окончится неудачей, то женщины встрѣчаютъ побѣжденныхъ бранью и возбуждаютъ къ новому набѣгу, чтобы удовлетворить чувству мести. Женщины бедуиновъ нерѣдко сами принимаютъ участіе въ набѣгахъ, наряду съ мужчинами, и своимъ присутствіемъ ободряютъ нападающихъ и перевязываютъ имъ раны. Иногда болѣе отважныя бедуинки, даже дѣвицы, принимаютъ личное участіе въ схваткахъ съ непріятелемъ, и тогда побѣдительницы получаютъ право получить самаго виднаго жениха.

V.

ХАРАКТЕРЪ И НРАВЫ ДРЕВНИХЪ АРАБОВЪ.

Трудно изобразить въ болѣе или менѣе живыхъ чертахъ характеръ древнихъ арабовъ, отличавшійся, какъ у другихъ некультурныхъ народовъ, рѣзкими противорѣчіями. Подъ вліяніемъ почти недоступныхъ естественныхъ границъ, у арабовъ развилась любовь къ независимости и свободѣ; вмѣстѣ съ любовью къ свободѣ и независимости соединялась грубость нравовъ; гостепріимство, чисто патріархальное, уживалось съ грабежами; при чисто рыцарской щедрости проявлялась жадность къ чужому добру; чувство личной и родовой чести побуждало ихъ къ ожесточенной кровной мести; наконецъ, несмотря вообще ни низкій уровень умственнаго и нравственнаго развитія, у нихъ процвѣтала безыскуственная поэзія, отличавшаяся многими самобытными красотами.

Историки обыкновенно отмѣчаютъ только очень немногія черты народнаго арабскаго характера, какъ хорошія, такъ и дурныя, вслѣдствіе чего характеристики ихъ не даютъ цѣльнаго впечатлѣнія. А между тѣмъ древніе арабы жили своеобразною жизнію и поддерживали особенности своего быта въ теченіе многихъ столѣтій, пока, наконецъ, не утратили нѣкоторыхъ своихъ природныхъ чертъ подъ вліяніемъ ислама, которому они же дали жизнь и силу.

Чтобы яснѣе и полнѣе представить себѣ характеръ древнихъ арабовъ, нужно прежде всего имѣть въ виду, что они были *семиты* и, живя патріархальною жизнію, близкою къ природѣ, не умѣли сдерживать своихъ пылкихъ чувствъ, подчинялись своимъ природнымъ влеченіямъ. Къ нимъ, какъ семитамъ по происхожденію, можетъ быть приложена общая характеристика семитическихъ народовъ [1]). А по сравненію съ современными азіатскими народами, древніе арабы нѣсколько напоминаютъ собою туркестанскихъ кочевниковъ-киргизъ, условія жизни которыхъ и степень духовнаго развитія близко подходятъ къ быту и развитію древнихъ арабовъ.

Какъ всѣ семиты, арабы отличались вообще здравымъ смысломъ, практическимъ складомъ ума, но вмѣстѣ съ тѣмъ обладали глубокимъ чувствомъ, были впечатлительны и живы до страстности. Отсутствіе искусственной, утонченной культуры предохранило ихъ отъ тѣхъ ненормальностей и уклоненій въ физической и духовной жизни. съ какими мы встрѣчаемся въ исторіи цивилизованныхъ народовъ. Тѣло и духъ арабовъ находились въ естественной гармоніи: въ здоровомъ тѣлѣ у нихъ была и душа непорочная. При сильной впечатлительности они бывали и разсудительны, отличались задушевностію и поэтичностію; но спокойное настроеніе у нихъ, какъ у дѣтей природы, легко переходило въ восторженное состояніе. Живя въ однообразной странѣ, безъ рѣзкихъ констрастовъ, и въ тѣсной связи съ природой, арабы рѣдко выдѣляли изъ своей среды выдающихся личностей, потому что распредѣленіе духовныхъ дарованій у нихъ было большею частію равномѣрное. Рѣдко появлялись среди арабовъ выдающіяся личности, но за то и бездарности

---

[1]) Такую характеристику мы имѣемъ въ ст. проф. Д. Хр. Хвольсона: «Характеристика семитическихъ народовъ», напечат. въ Русскомъ Вѣстникѣ 1872 г. кн. 2, стр. 423—475.

встрѣчались не часто. Самое названіе глупости (جهالت) означало на языкѣ арабовъ, какъ намъ кажется, не отсутствіе здраваго смысла, а только неправильное примѣненіе его къ жизни, зависѣвшее отъ недостатка образованности,—невѣжество. Ни наукъ, ни искусствъ, въ греко-римскомъ смыслѣ, арабы не знали; не было у нихъ философіи и утонченной схоластики, но они просто и здраво разсуждали о Творцѣ міра, о самомъ мірѣ и человѣкѣ. Религіозныя воззрѣнія ихъ были не сложны и доступны пониманію каждаго. И тѣ немногіе скептики, которые возражали основателю ислама и противодѣйствовали его проповѣди, были грубы и дѣтски-наивны, какъ объ этомъ будетъ сказано нами въ другомъ мѣстѣ.

Природная отзывчивость ко всему у древнихъ арабовъ выражалась съ одной стороны въ великодушіи, сострадательности и гостепріимствѣ, а съ другой—въ способности нѣжно любить друга и глубоко ненавидѣть врага и жестоко мстить ему.

Гостепріимство и великодушіе къ бѣднымъ и неимѣющимъ пристанища считалось у арабовъ въ числѣ самыхъ благородныхъ качествъ, послѣ личной храбрости. Лишь только побѣда погашала пламя войны, то первымъ долгомъ побѣдителя было зажечь „огонь гостепріимства“, который бы указалъ путнику во время ночи готовый для него столъ и кровъ, какъ замѣтилъ покойный Сенковскій [1]).

Образцомъ щедрости почитался у арабовъ Хатамъ изъ племени Тай. Въ своихъ стихахъ онъ такъ говорилъ своей женѣ: „Ежели ты мнѣ приготовила кушанье, то добудь мнѣ еще и товарища для обѣда; одинъ я не могу ѣсть. Призови или сосѣда или путешественника: я не хочу, чтобы послѣ моей смерти говорили обо мнѣ худо.... Какъ человѣкъ можетъ досыта на-

---

[1]) Извѣстная статья его «Поэзія пустыни» въ полномъ собраніи сочиненій, изд. въ 1859 г. Томъ VII.

ѣдаться, когда желудокъ его сосѣда пустъ? Лучше смерть, нежели изобиліе скупца, который утомленнаго путника безъ жалости пропускаетъ мимо! Я слуга моихъ гостей, пока они находятся подъ моимъ кровомъ; только для этого одного — рабское во мнѣ чувство. Клянусь Тѣмъ, Который одинъ знаетъ сокровенное и оживляетъ истлѣвшія кости, что мнѣ пріятнѣе угощать моихъ гостей и самому голодать, нежели слыть скрягою?“

На основаніи Д'Ербело и Ганье, историкъ Гиббонъ замѣчаетъ, что характеръ Хатама представляетъ полнѣйшій образецъ арабскихъ добродѣтелей: онъ былъ храбръ и щедръ, былъ даровитымъ поэтомъ и счастливымъ въ своихъ предпріятіяхъ хищниковъ; для его гостепріимныхъ пиршествъ жарили по сорока верблюдовъ, а молившему о состраданіи врагу онъ возвращалъ и плѣнниковъ и добычу. Его соотечественники, изъ привычки къ свободѣ, пренебрегали требованіями правосудія, но съ гордостію руководствовались тѣми внушеніями состраданія и милосердія, какія были имъ свойственны [1]).

Щедрость и великодушіе прославляются во многихъ древнихъ арабскихъ стихотвореніяхъ [2]), а скупость порицается. „Оставь меня, мать моего Хатама! говоритъ одинъ поэтъ: скупость лишаетъ человѣка лучшихъ его достоинствъ. Дозволь мнѣ быть великодушнымъ: благородная слава безъ пятна весьма дорога моему сердцу. Оставь меня! мнѣ должно исправить важныя дѣла; священныя обязанности призываютъ меня помогать несчастному. Вольный (бедуинъ) страшится только того, чтобы его гостепріимство не было

---

[1]) Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи, т. V, стр. 486—487.

[2]) Сборникъ такихъ стихотвореній извѣстенъ подъ именемъ «Хамаса», собранъ Абу-Хаммамомъ и переведенъ на нѣмецкій языкъ Фр. Рюккертомъ (изд. въ Штуттгартѣ въ 1846 г. въ 2-хъ частяхъ).

осуждаемо, а путь, которымъ идутъ такіе люди, есть путь добродѣтели. Клянусь твоею жизнію, никакая земля не тѣсна для такихъ жителей!... Одни только пороки дѣлаютъ ее для насъ тѣсною". Другой поэтъ говоритъ: „Я поклялся, чтобы, когда мрачная ночь окружаетъ мою юрту, никогда не скрывать огня своего отъ странника. Друзья! пусть огонь ярко пылаетъ у насъ, чтобъ всю ночь свѣтить нуждающемуся путнику; пусть къ огню нашему приближается всякій честный человѣкъ, котораго одолѣли голодъ и усталость. Если онъ потомъ захочетъ со мною познакомиться и спросить, какъ меня зовутъ, я громко возвѣщу ему имя мое. Весело провелъ я ту ночь, въ которую удалось мнѣ принять гостя и предложить ему лучшія свои яства, которыхъ я не выигриваю въ кости" [1]).

Но вотъ примѣръ выдающагося великодушія арабовъ уже временъ Мухаммеда: однажды въ Меккѣ жители заспорили, кто среди нихъ великодушнѣе всѣхъ. Вызваны были для сравненія три мекканца. Первый изъ нихъ, Абдулла, сынъ Аббаса, дяди Мухаммеда, собрался въ дальній путь и уже занесъ ногу въ стремя, когда услышалъ жалобную мольбу: „Сынъ дяди посланника Божія! Я—странникъ и нахожусь въ нуждѣ". Абдулла немедленно слѣзъ, отдалъ страннику своего верблюда и кошелекъ съ 4000 золотыхъ монетъ, а у себя оставилъ только саблю.—Другого щедраго мекканца нуждающійся засталъ въ постелѣ, но слуга его немедленно вынесъ просителю кошелекъ съ 7000 золотыхъ монетъ и прибавилъ: „это — все, что есть изъ денегъ у моего господина, но вамъ дадутъ еще верблюда и раба". Хозяинъ, когда проснулся и узналъ о случившемся, то похвалилъ своего вѣрнаго слугу и далъ ему свободу, но слегка упрекнулъ, зачѣмъ слуга не разбудилъ его, чтобы онъ самъ могъ вручить бѣдняку милостыню.—Третьимъ щедрымъ мекканцемъ былъ

[1]) «Поэзія пустыни». Ст. проф. Сеньковскаго, стр 186—189.

слѣпой Арибахъ. Онъ спѣшилъ на молитву, опираясь на плечи двухъ своихъ рабовъ, и его просили о помощи бѣдному. „Увы! воскликнулъ онъ: кошелекъ мой пустъ, но вы можете продать этихъ рабовъ.... Если вы этого не сдѣлаете, я все-таки откажусь отъ нихъ". Послѣ того онъ оттолкнулъ отъ себя рабовъ и ощупью сталъ пробираться вдоль стѣны, опираясь на свою палку [1]).

Теплотою и искренностью души всегда отличались арабы; поэтому-то они и были отзывчивы на все хорошее, гуманное, были склонны къ гостепріимству и благотворительности, какъ замѣчаетъ о семитахъ проф. Хвольсонъ.

Чтобы понять чувство любви арабовъ къ женщинѣ, нужно имѣть прежде всего въ виду страстность арабовъ и отсутствіе въ ихъ характерѣ какой бы то ни было склонности къ аскетизму. Отшельничество мало находило послѣдователей среди арабовъ и аскеты не были популярны среди этого народа. Истый сынъ Аравіи, основатель ислама, прямо высказался въ Коранѣ, что жизнь монашескую христіане выдумали сами [2]). Подобно евреямъ, арабы не любили налагать на себя никакихъ тѣлесныхъ лишеній и не отказывались отъ радостей семейной жизни; безбрачная жизнь казалась имъ противоестественною и, наоборотъ, имѣть много женъ и дѣтей считалось величайшею радостію. Въ Коранѣ мы находимъ много весьма выразительныхъ мѣстъ, касающихся этого вопроса. Правда, и среди арабовъ встрѣчались такъ называемые *захиды* (подвижники, одиночествующіе) [3]), но ихъ было очень мало и это были люди уже отжившіе свою молодость и въ свое время достаточно насладившіеся жизнію, можетъ быть даже въ излишествѣ.

---

[1]) Гиббонъ, томъ V, стр. 486.

[2]) Коранъ, гл. 57, ст. 27.

[3]) زاهد мн. زهّاد.

Удивляться ли поэтому, если въ исламѣ узаконено многоженство и если, говоря о постѣ, основатель поучалъ своихъ послѣдователей: „Во время ночи поста вамъ разрѣшается сношеніе съ женами вашими: онѣ — одежда вамъ, а вы — одежда имъ. Богъ знаетъ, что вы обмановали себя самихъ; поэтому Онъ жалѣетъ васъ и прощаетъ“ [1]). Эта страстность, эта любовь къ женщинѣ не могла не высказываться и въ пѣсняхъ древнихъ арабскихъ поэтовъ. „Никакое мученіе, говорится въ сборникѣ „Хамаса“, не равняется мученію любящаго, хотя бы онъ и вкусилъ пріятнѣйшую награду любви. Его томятъ то желанія, то боязнь разлуки, и онъ всякій часъ плачетъ. Удалится ли его любезная, онъ вздыхаетъ во слѣдъ ея; подлѣ него ли она, — тутъ овладѣваетъ имъ страхъ, чтобъ не ушла. Краснѣютъ глаза его, когда она удаляется отъ него; горятъ, когда она возвращается“. Или: „Я былъ силенъ, какъ герой, доколѣ разлука не раздула въ моемъ сердцѣ горячихъ углей; мнѣ представлялось, что продолжительное блаженство прежнихъ дней умалитъ мою любовь. Но сердце мое такъ жаждетъ новаго свиданія, какъ изсохшая земля, послѣ перваго весенняго дождичка, ожидаетъ другого. Я томлюсь желаніемъ видѣть раскрашенныя руки любезной, черные локоны, золотыя ея ожерелья и бѣлыя щеки. Прелестна стройность ея! Перлы должны бы украшать шею, но не они даютъ ей блескъ, а сами отъ нея блескъ получаютъ. О красная дѣвица! ты такъ дѣлала меня счастливымъ, что сердце мое плавало въ нѣгѣ, подобно дикому голубю, купающемуся въ ночной росѣ“. Поэтъ Ааша, жившій уже во время Мухаммеда, такъ воспѣвалъ свою любезную Хорейру: „Настала минута сказать Хорейрѣ — прощай! Племя ея выступаетъ въ путь, чтобы перейти на другое пастбище. Но достанетъ ли силъ произнести ей: „прощай?“ Какъ ослѣпительна бѣлизна ея чела! Какъ длинны и густы ея волосы! Какъ бле-

[1]) Коранъ, гл. 2, ст. 183.

стятъ ея зубы! Медленна и спокойна ея походка, какъ шагъ коня, пораненнаго въ ногу. Когда она идетъ изъ юрты своей сосѣдки, то величественно колеблется, подобно облаку, которое тихо плаваетъ въ воздухѣ. При каждомъ выступѣ, слышится звукъ бряцающихъ привѣсокъ, которыми украшены ея безчисленныя косы, звукъ, подобный издаваемому сѣменами вѣтромъ колеблемаго ишрика. Она не изъ числа тѣхъ дѣвицъ, которыхъ ненавидятъ подруги, потому что никогда не ищетъ она подслушивать ихъ тайны. Она сложена такъ нѣжно, что для нея тяжело даже посѣтить свою сосѣдку. Когда она немного поиграетъ съ своею подругою, то все тѣло ея приходитъ въ трепетаніе. Едва я видѣлъ ее, тотчасъ и полюбилъ: но, увы, она пламенѣетъ къ другому, который расточаетъ любовь свою передъ иной красавицей! Любитъ и меня также другая дѣвица, но я къ ней нечувствителенъ. Такъ дѣлимъ мы всѣ одинаковую участь; такъ чувствуемъ всѣ мученія любви, и каждый попадаетъ въ тѣ же сѣти, которыми самъ опутывалъ другихъ".—Поэтъ Антаръ говоритъ своей возлюбленной: „Я думаю о тебѣ, когда даже непріятельскія копья утоляютъ во мнѣ свою жажду и острые клинки купаются въ моей крови. Меня веселятъ мечи, когда ударяютъ другъ о друга, потому что они сверкаютъ тогда, какъ твои блестящіе глаза, когда ты улыбаешься" [1]).

Идеаломъ совершенства у арабовъ считались болѣе духовныя, чѣмъ тѣлесныя качества; арабы всегда цѣнили въ человѣкѣ духовную мудрость, а не внѣшнія мірскія доблести, что особенно подтверждается позднѣйшею исторіею. Мусульманское государство въ Аравіи создано было Мумаммедомъ, который считалъ себя

[1]) Неудивительно, что римскій историкъ и писатель второй половины IV и начала V вѣка по Р. Хр. Амміанъ Марцеллинъ замѣтилъ о страстности арабовъ: incredibile est, quo ardore apud eos in venerem uterque solvitur sexus (Regum gestarum liber XIV, cap. IV, 4).

„пророкомъ“, а не полководцемъ, и въ настоящее время имена полководцевъ мусульманскихъ если не совершенно забыты, то стоятъ на второмъ планѣ. тогда какъ имена богослововъ, ученыхъ и поэтовъ извѣстны и пользуются величайшимъ уваженіемъ. Это особенное уваженіе къ личнымъ духовнымъ качествамъ человѣка до такой степени утвердилось въ исламѣ, что даже и въ настоящее время въ мусульманскихъ странахъ нѣтъ „аристократовъ“ въ европейскомъ смыслѣ слова. а есть окруженные необыкновеннымъ почетомъ представители религіи и знанія (казіи, мударрисы. ишаны). До какой степени велико уваженіе массы къ этимъ лицамъ, можно судить тому, кто имѣлъ случай видѣть это своими глазами. Напримѣръ, въ Туркестанѣ вы видите, какъ предъ казіемъ и извѣстнымъ ишаномъ каждый мусульманинъ остановится, отдастъ поклонъ почтительный и т. д. Но тотъ же самый мусульманинъ сплошь и рядомъ пропуститъ мимо себя безъ всякаго вниманія русскаго чиновника, даже занимающаго высокій постъ [1]). Самая идея власти соединяется у мусульманъ съ понятіемъ о представительствѣ въ религіи. Шейхуль-Исламъ въ Турціи до сихъ поръ еще не потерялъ своего значенія; всѣмъ извѣстно также, что на Кавказѣ Шамиль назывался у мусульманъ не предводителемъ войска. а ученымъ казіемъ и имамомъ, т. е. предстоятелемъ на молитвѣ, хотя для насъ русскихъ онъ былъ предводителемъ повстанцевъ, съ оружіемъ въ рукахъ отстаивавшихъ свою независимость. Самыя войны велись арабами при Мухаммедѣ и послѣ него подъ знаменемъ религіи.

Изъ рѣзкой обособленности личности арабовъ объясняется также ихъ эгоизмъ, подъ вліяніемъ ко-

---

[1]) Въ настоящее время далеко не всѣ сарты отдаютъ честь (вставаніемъ) полицейскимъ приставамъ, а казію и ишану непремѣнно всѣ кланяются установленнымъ способомъ. Въ 1892 году нѣсколько сартовъ въ чай-ханѣ не встали даже предъ проѣзжавшимъ военнымъ губернаторомъ.

тораго они преувеличивали собственныя достоинства, — и жадность, которую часто сопровождала расточительность.

Вслѣдствіе своей сильной впечатлительности, арабы были съ одной стороны способны къ состраданію, гуманности и глубокой любви, а съ другой стороны отличались склонностію къ ненависти и мстительности. Кровная месть извѣстна была древнимъ евреямъ, которымъ было предписано очищать землю отъ пролитой крови кровью пролившаго ее [1]); и у древнихъ арабовъ кровная месть поддерживалась силою преданія и вѣковаго обычая. Для совершенія мести существовали правила, отъ которыхъ никто не смѣлъ отступить. И Мухаммедъ „сынъ арабовъ“ не могъ отрѣшиться отъ этого жестокаго обычая, не отмѣнилъ его, а только смягчилъ. Въ Коранѣ отъ имени Божія возвѣщено арабамъ: „вамъ предписана месть за убитыхъ: свободный за свободнаго, рабъ за раба, женщина за женщину“ [2]). Но въ другомъ мѣстѣ сказано: „тѣ, которымъ нанесена обида, могутъ отомстить сами за себя. Отплатой за зло пусть будетъ соразмѣрное зло. Но кто проститъ и примирится, тому награда отъ Бога: Онъ не любитъ несправедливыхъ. Тѣмъ, которые отмщаютъ за обиды, нанесенные имъ, не слѣдуетъ доходить до излишества“ [3])... Неисполненіе исконнаго обычая — отомщать кровь убитаго кровью убившаго — налагало тяжелую отвѣтственность на родственниковъ убитаго; поэтому древніе арабы остерегались при встрѣчахъ на дорогѣ сообщать другъ другу свои имена и свое происхожденіе изъ боязни случайно обнаружить, что предокъ одного былъ убитъ предкомъ другого и что тогда на одного изъ нихъ ляжетъ долгъ кровной

---

[1]) Кн. Левитъ, гл. 24, ст. 19—21; кн. Числъ, гл. 35, ст 16—33; кн. Второзаконія, гл. 19, ст. 4—13.

[2]) Коранъ, гл. 2, ст. 173.

[3]) Коранъ, гл. 42, ст. 37—39.

мести. Каждый арабъ, или, по крайней мѣрѣ, каждая семья, была судьею въ своихъ собственныхъ дѣлахъ и мстительницею за нанесенныя оскорбленія. Оскорбленіе, въ какой бы формѣ не наносилось, никогда не забывалось; обиженные нерѣдко выжидали случая къ отмщенію не только мѣсяцы, но цѣлые годы, „Въ мести жизнь для васъ“ укоризненно замѣчено въ Коранѣ объ арабахъ, современныхъ Мухаммеду [1]). Кто не мстилъ, тотъ считался безчестнымъ. Арабъ произносилъ обѣтъ не умываться, не обрѣзывать ногтей, не бриться, не входить подъ кровъ своей палатки, пока не отомститъ своему врагу. Когда поэтъ Амрулькаисъ былъ изгнанъ своимъ царственнымъ отцемъ изъ родительскаго жилища за свое соблазнительное поведеніе и случайно услышалъ во время одной попойки, что отца его убили въ возстаніи, то не прервалъ веселаго пира своего. Но на другой день, когда оправился, поклялся не касаться жены и не пить вина до тѣхъ поръ, пока не выполнитъ долга кровомщенія... Затѣмъ, желая узнать приговоръ судьбы, онъ вынулъ изъ пучка стрѣлъ у идола Дзуль-Халясы одну. Но на ней оказалась надпись „запретъ“. Тогда онъ съ гнѣвомъ бросилъ эту стрѣлу въ лицо идола и воскликнулъ: „Если бы у тебя былъ отецъ, и если бы его убили, то ты не запретилъ бы отмстить за него“...

Мстить за убитаго былъ обязанъ ближайшій родственникъ [2]). Въ „Хамасѣ“ въ одномъ стихотвореніи дядя, умирая отъ ранъ, завѣщеваетъ племяннику своему отомстить за себя [3]):

Иногда кровомститель даже презиралъ голову непосредственнаго убійцы, а избиралъ себѣ въ жертву самаго лучшаго и почетнѣйшаго человѣка изъ той семьи,

---

[1]) Коранъ, гл. 2, ст. 175.

[2]) Коранъ, гл. 17, ст. 35.

[3]) Морицъ Каррьеръ. Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеалы человѣчества. Томъ третій. Москва. 1874 г. стр. 116—117.

членомъ которой онъ былъ оскорбленъ. Чувство мести тогда осложнялось и кровомщеніе оканчивалось истребленіемъ цѣлаго семейства, если только родственники убійцы не успѣли примириться съ родственниками убитаго. Семейная месть иногда переходила въ племенную и притомъ по побужденіямъ очень мелкаго свойства. При кочевой жизни древніе арабы могли нерѣдко сталкиваться между собою просто изъ-за пастбищъ и такимъ образомъ ко времени появленія Мухаммеда почти всѣ арабскія кочевыя племена перессорились между собою. Арабское преданіе насчитываетъ 1700 битвъ за все время „невѣдѣнія“ т. е. язычества арабовъ, хотя Д'Ербело упоминаетъ о 1200 битвахъ. Изъ этихъ усобицъ древнихъ арабовъ наиболѣе характерны двѣ слѣдующія [1]).

Въ концѣ V вѣка по Рождествѣ Христовѣ могущественнѣйшимъ человѣкомъ во всей Аравіи считался Кулейбъ, сынъ Рабига, представитель сильнаго племени Бену-Таглибъ, занимавшаго тогда, вмѣстѣ съ родственнымъ ему племенемъ Бену-Бекръ, весь сѣверовостокъ полуострова. Предъ славой Кулейба, даже Асиръ, сынъ Худжра, отступалъ на второй планъ, не смотря на то, что отецъ послѣдняго, не задолго передъ тѣмъ, образовалъ изъ бедуиновъ центральной Аравіи сильную коалицію—союзъ Кинда. Родъ Кинда, едва только достигшій гегемоніи, лишился ея опять на нѣкоторое время, такъ какъ большинство союзныхъ племенъ согласились подчиниться верховенству Кулейба, который съ того времени столь сильно возгордился, что его самомнѣнію, казалось, не было границъ [2]). Онъ былъ женатъ на Джилилѣ, изъ родственнаго племени Бекръ, и братья ея со своими ближайшими родственниками дружили съ Кулейбомъ. Рядомъ съ его палаткой поселился одинъ изъ шуриновъ,

[1]) Описаніе ихъ заимствуется изъ исторіи ислама А. Мюллера.

[2]) Имя его вошло потомъ въ поговорку: позднѣйшіе арабы говорили о гордецахъ: «онъ превосходитъ гордостію даже Кулейба».

Джессáсъ, къ которому пріѣхала въ гости родная его тетка Бесýсъ. Чуждая обоимъ колѣнамъ (Бекръ и Таглибъ), она могла пользоваться покровительствомъ своего племянника Джессасъ. Вслѣдъ за ней прибылъ вскорѣ землякъ ея, нѣкто Сагдъ, и остановился также у Джессасъ. Сагдъ привелъ съ собою верблюдицу, кличкою Сарабъ. Находясь подъ кровлей, а стало быть и защитой Джессаса, Сагдъ выпускалъ свою верблюдицу на пастбище, гдѣ ходили и стада Кулейба. Однажды Кулейбъ обходилъ ограду выгона и случайно замѣтилъ жаворонка, сидѣвшаго въ гнѣздѣ. Птичка испуганно вскрикнула и затрепетала крылышками. Кулейбъ былъ тогда въ хорошемъ настроеніи и сказалъ: „Чего боишься? ты и твое гнѣздо находятся подъ моимъ покровительствомъ! Повѣрь, никто не посмѣетъ тебя тронуть“. А когда, немного спустя, онъ снова проходилъ по тому же мѣсту, то замѣтилъ слѣдъ верблюда, и яйца жаворонка растоптанными. Вернулся Кулейбъ домой сердитымъ. Когда на другой день, вмѣстѣ съ Джессасомъ, обходилъ онъ пастбище и увидѣлъ верблюдицу Сагда, то догадался, что это она раздавила яйца, и кликнулъ Джессасу: „Смотри у меня! Я кое-что подозрѣваю. Если узнаю доподлинно, то приму мѣры, чтобы эта верблюдица никогда болѣе не ходила съ моимъ стадомъ“. — Сильно не понравилась Джессасу рѣзкость тона родственника и онъ самоувѣренно отвѣтилъ: „Клянусь Создателемъ, она вернется сюда опять, какъ было и прежде“.... Слово за слово, — поднялась ссора. Кулейбъ сталъ грозить, что если онъ еще увидитъ верблюдицу Сагда, то пронзитъ ей стрѣлою вымя. — На это Джессасъ отвѣтилъ въ запальчивости: „Попробуй только ранить ее въ вымя..... Мое копье не замедлитъ тогда пробить твой позвоночный столбъ“. А самъ, между тѣмъ, погналъ верблюдицу прочь. Кулейбъ вернулся домой очень мрачнымъ и жена его Джелила (родная сестра Джессаса) замѣтила сразу, что что-то не ладно. Стала его разспрашивать, допытываться, въ чемъ дѣло...

Наконецъ онъ произнесъ мрачно: „Знаешь ли ты такого, кто бы осмѣлился защищать любимца своего наперекоръ мнѣ?“ Она отвѣчала, не долго думая: „Едва ли кто на это рѣшится; развѣ вотъ братъ мой Джессасъ“. Кулейбъ сказалъ, что онъ сомнѣвается въ этомъ. Съ его языка сорвалась ѣдкая насмѣшка по адресу шурина, но насмѣшка не осталась безъ отвѣта. Тогда съ обѣихъ сторонъ послышались грубые перекоры... Послѣ этой вспышки, однажды Кулейбъ вышелъ опять поглядѣть на верблюдовъ, которыхъ въ это время вели на водопой.—Впереди шли Кулейбовы верблюды, но верблюдица Сагда (Сарабъ), находившаяся въ стадѣ Джессаса, рванулся впередъ и бросился къ водопою. Кулейба передернуло. Ему сообщили при этомъ, что это животное принадлежитъ чужестранцу. Показалось гордому шейху, что такъ случилось нарочито; все это штука Джессасъ, подумалъ онъ. Тогда Кулейбъ схватился за лукъ; натянулъ тетиву, и стрѣла прободала вымя верблюдицы. Съ крикомъ понеслась Сарабъ прямо въ стойло, къ палаткѣ Джессаса. Пріѣзжая тетка его Бесусъ все это видѣла и вознегодовала, горько сѣтуя на нанесенный ущербъ собственности ея родственниковъ: „О позоръ! О поношеніе! Гостя моего обидѣли!“ голосила она въ надеждѣ, что Джессасъ отомститъ за нанесенную ея гостю обиду. Напрасно старался Джессасъ успокоить тетку обѣщаніемъ богатаго вознагражденія; Бесасъ день за днемъ не переставала преслѣдовать племянника насмѣшками и упреками, что гость подъ кровлей его не можетъ найти защиты, которую всякій честный человѣкъ обязанъ оказывать даже чужому, принятому въ домъ. Не выдержалъ наконецъ Джессасъ и разразился проклятіями: „Замолчишь ли ты, наконецъ, женщина! Завтра будетъ убитъ одинъ, и погибель его для племенъ Бекра и Таглиба обойдется дороже твоей верблюдицы!“ Слова эти переданы были буквально Кулейбу. Шейхъ подумалъ было, что дѣло идетъ о его верблюдѣ-любимцѣ и порѣшилъ въ умѣ жестоко

отомстить, если шуринъ осмѣлится убить этого верблюда. Но Джессасъ думалъ о самомъ шейхѣ Кулейбѣ и сталъ подстерегать его. Однажды, когда Кулейбъ вышелъ безъ оружія, Джессасъ бросился за нимъ и крикнулъ ему: „Берегись, я убью тебя!“ — „Иди же впередъ, если ты не лжешь“, отвѣчалъ ему хладнокровно Кулейбъ. Отъ непомѣрной гордости онъ считалъ непозволительнымъ для себя даже обернуться къ противнику. Джессасъ напалъ на него сзади и всадилъ ему копье въ спину. Кулейбъ упалъ на землю, а Джессасъ бросился бѣжать. Въ это самое время отецъ убійцы, окруженный старѣйшинами колѣна Шейбанъ, племени Бену Бекръ, сидѣлъ возлѣ своей палатки. Увидя стремительно прибѣжавшаго сына, старикъ воскликнулъ: „О Боже! Джессасъ совершилъ, должно быть, что-то ужасное“! Затѣмъ онъ спросилъ сына: „Что съ тобою?“ Сынъ прошепталъ: „Я убилъ, Куйлеба“. Старецъ взмутился: „Такъ одинъ ты и будешь въ отвѣтѣ, сказалъ онъ. Я тебя свяжу,. чтобы дать возможность домочадцамъ Кулейба убить тебя! И все же истинно говорю, прибавилъ со вздохомъ старикъ, никогда болѣе племена Бекръ и Таглибъ не соединятся на хорошее дѣло, вслѣдствіе предательской смерти Кулейба. Горе намъ! Что ты надѣлалъ, Джессасъ?. Ты умертвилъ главу народа, разорвалъ узы единенія, факелъ раздора бросилъ въ средину племенъ!“ Но Джессасъ не угомонился, а продолжалъ хвастаться тѣмъ, что совершилъ. Отецъ связалъ его и повелъ въ палатку, куда позваны были старѣйшины всѣхъ колѣнъ племени Бекръ. Старикъ началъ свою рѣчь такъ: „Дѣлайте, что хотите съ Джессасомъ. Онъ убилъ Кулейба. Я его связалъ. Намъ остается ждать, пока не появятся призванные на кровомщеніе и не потребуютъ выдачи его“. Но представители рода не пожелали и слышать о выдачѣ убійцы. Правъ онъ или виновенъ, честь рода требовала защищать его всѣми средствами противъ преслѣдователей. Такъ былъ порванъ тѣсный союзъ родственныхъ племенъ и началась

кровавая бойня. Иногда она затихала, заключалось на нѣкоторое время перемиріе, даже образовывались временные союзы, для отраженія общаго врага, но вражда не прекращалась въ теченіе 40 лѣтъ. Наконецъ обѣ стороны утомились, и заключенъ былъ миръ.

Не менѣе замѣчательна и другая братоубійственная распря между родственными племенами, возникшая приблизительно около 560 г. по Р. Хр. И поводы къ ней представляютъ также характеристическія черты старинныхъ нравовъ Аравіи. Въ то время заселяли центръ полуострова большія группы племенъ, подъ общимъ названіемъ *Бену Кайсъ*. Между ними самымъ выдающимся было поколѣніе *Бену Гатафанъ*. Въ свою очередь *Бену Абсъ* и *Бену Зубьянъ* (подраздѣленія племени Гатафанъ) пользовались наибольшимъ почетомъ. Благодаря общему происхожденію, оба они жили въ тѣсномъ единеніи. Старѣйшиной у Абсъ былъ Каисъ, сынъ Зухейря, у котораго былъ знаменитый скакунъ Дахисъ. Разъ какъ-то одинъ изъ его двоюродныхъ братьевъ Кайса посѣтилъ старѣйшинъ племени Зубьянъ. Ему показали многихъ лошадей и стали, въ присутствіи его, чрезмѣрно восхвалять превосходныя качества кобылицы Габра. Гость сталъ доказывать, что не сравняться ей съ Дахисомъ. Возникли горячіе споры, кончившіеся тѣмъ, что побились объ закладъ, которое изъ этихъ обоихъ животныхъ быстрѣе на скаку. Рѣшено было выставить съ обѣихъ сторонъ закладъ по десяти верблюдовъ, которые назначались въ награду побѣдившей сторонѣ. Не особенно понравилось Кайсу, когда ему разсказали о случившемся, такъ какъ онъ предчувствовалъ, что хорошаго не много выйдетъ изъ спора. Зналъ онъ прекрасно. что за народъ Зубьяниты, старѣйшины котораго славились насиліемъ и несправедливостію. Поэтому онъ самъ отправился на мѣсто стоянки сосѣдей, съ твердымъ намѣреніемъ отступиться отъ пари. Но владѣлецъ Габри, нѣкто Хузейфа, и его братъ Хамаль, оба старѣйшины, люди сильно заинтересованные въ этомъ дѣлѣ, наотрѣзъ отказали Кайсу.

Они стали доказывать ему, что если шейхъ не желаетъ пустить свою лошадь на перегонки, то этимъ онъ сознается, что проиграетъ и, стало быть, обязанъ выдать десять верблюдовъ. Эти безумныя рѣчи окончательно взорвали Кайса. „Нѣтъ, никогда я не думалъ, что могу проиграть“, заговорилъ онъ. „Но по моему, ежели ужъ биться объ закладъ, такъ по крайней мѣрѣ на большее пари“. Послѣ долгихъ переговоровъ и споровъ порѣшили на сотнѣ верблюдовъ. Дистанціей назначили сто полетовъ стрѣлъ (около 3 миль). Кайсъ и Хузейфа, владѣльцы лошадей, передали на руки избраннаго ими сообща третьяго лица по сотнѣ верблюдовъ. Двое сутокъ они не поили своихъ лошадей, а возлѣ цѣли, куда должны были добѣжать скакуны, вырыли яму и наполнили ее водою. Та изъ лошадей, которая первая утолитъ свою жажду изъ водопоя, такъ согласились обѣ стороны, будетъ считаться побѣдившей. Въ заранѣе опредѣленный день, большія толпы зрителей изъ обоихъ племенъ собрались на мѣсто ристалища. Гораздо болѣе, разумѣется, было Зубыянитовъ такъ какъ мѣсто состязанія назначили на ихъ территоріи. По данному знаку пустили лошадей одновременно, и обѣ лошади поскакали съ быстротой вѣтра, такъ что Кайсъ и Хузейфа, слѣдовавшіе верхами за ними, вдоль ристалища, не поспѣвали за скакунами и, чѣмъ болѣе, все болѣе и болѣе теряли ихъ изъ виду. Въ началѣ, пока Габра бѣжала по заранѣе утрамбованному Хузейфомъ, нарочито для своей лошади, пути, она шла нѣсколько впереди. Но когда твердая почва постепенно перешла въ песчаную, Дахисъ сталъ замѣтно выказывать большую рѣзвость и выдвинулся на значительное разстояніе впередъ. Давно уже обѣ лошади скрылись изъ глазъ своихъ владѣльцевъ. Приближались онѣ уже къ цѣли, и Дахисъ былъ далеко впереди, какъ вдругъ изъ подготовленной коварнымъ Хамалемъ засады, выскочили два Зубыянита. Сильными ударами по ноздрямъ заставляютъ они шарахнуться лошадь въ сторону и даютъ этимъ полную

возможность прибѣжать Габрѣ первой къ водопою. Но въ числѣ зрителей нашлись такіе, которые присутствовали при этой недостойной сценѣ и когда нѣсколько спустя подъѣхали Кайсъ рядомъ съ Хузейфомъ, то Кайсу тотчасъ же передано было, какимъ образомъ помѣшали его скакуну одержать неоспоримую побѣду Онъ сумѣлъ, однако, подавить свой гнѣвъ. Абсовъ было немного, и Кайсъ обратился, повидимому, хладнокровно къ Хузейфу и Хамалю съ слѣдующею рѣчью: „Дѣти Багида! (такъ звали общаго прародителя обоихъ племенъ). Несправедливость ужаснѣйшее зло между братьями. Совѣтую вамъ, возвратите намъ то, что вы выиграли. Вы не выиграли, собственно, ничего. Отдайте же, по крайней мѣрѣ, ту часть верблюдовъ, которая намъ принадлежитъ". — „Никогда этого не будетъ".—„По крайней мѣрѣ дайте одного верблюда на убой. Надо же угостить людей, наполнившихъ водою водопой".—„Одного или сотню—это все равно. Этимъ самымъ мы признаемъ васъ за побѣдителей. А этого отъ насъ не дождетесь. Мы не считаемъ себя побѣжденными".—Напрасно пробовалъ одинъ изъ Зубіянитовъ, благомыслящій человѣкъ, устранить угрожавшій разрывъ предложеніемъ взаимныхъ уступокъ. Всѣ его старанія не привели ни къ чему, а Кайсъ удалился со своими, глубоко убѣжденный въ томъ, что его самымъ постыднымъ образомъ провели. Пылая местью къ обманувшимъ, онъ, пользуясь первымъ благопріятнымъ случаемъ, умерщвляетъ одного изъ братьевъ Хузейфа, и тотчасъ возгорается братоубійственная война между обоими племенами, продолжавшаяся, по преданію, 40 лѣтъ [1]). Въ нескончаемой рѣзнѣ падаетъ подъ рукой самого Кайса, одинъ за другимъ, двое изъ братьевъ Хузейфа и самъ Хамаль; но пали и многіе изъ числа знатнѣйшихъ племени Абсъ. Обѣ стороны были уже истомлены продолжительной враждой, а тѣни убитыхъ

[1]) Число 40 на востокѣ считается почетнымъ. Это число встрѣчается и въ сказкахъ средне-азіатскихъ сартовъ.

не даютъ имъ покоя, потому что кровь смывается у арабовъ только одною кровью. Наконецъ, среди племени Зубьянъ отыскались два мужа возвышеннаго сердца —Харисъ Ибнъ Ауфъ и Харисъ Ибнъ Синанъ, рѣшившіеся примирить родственныя племена съ помощію великой личной жертвы. Они подсчитали убитыхъ съ обѣихъ сторонъ и пришли къ заключенію, что остается извѣстное число, кровь которыхъ еще не отмщена... Кодексъ чести у арабовъ допускаетъ оплачивать убійство выкупомъ въ пользу родственниковъ и домочадцевъ убитаго, и иногда, хотя весьма рѣдко и неохотно, дѣти пустыни соглашаются на подобную сдѣлку. Но теперь всѣ ощущали потребность помириться, и каждый охотно согласился на предложеніе вышепоименованныхъ лицъ—уплатить, по соглашенію, извѣстную сумму ростевникамъ, въ формѣ соотвѣтствующаго числа верблюжьихъ головъ. 3000 лучшихъ животныхъ пришлось защитникамъ мира раздать, чтобы достичь предполагаемой ими цѣли. Въ глазахъ жадныхъ арабовъ это было поразительнымъ актомъ великодушія и щедрости, даже со стороны самыхъ зажиточныхъ изъ нихъ. Такимъ образомъ можно было, наконецъ, добиться замиренія, хотя до самаго послѣдняго момента можно было опасаться, что вотъ, вотъ возобновится жесточайшая рѣзня. Одинъ только старикъ Кайсъ Ибнъ Зухейръ, изъ-за злосчастнаго жеребца котораго возникла вся эта распря, уклонился отъ мира, хотя въ душѣ и одобрялъ миръ. „Я не въ состояніи выносить взгляда ни одной изъ Зубьянитокъ“, признавался онъ. „Нѣтъ почти ни одной межъ ними, у которой бы я не убилъ кого-нибудь: отца, брата, мужа или сына. Поэтому со своими ближайшими родственниками онъ удалился за Евфратъ, къ родственному племени Бену Намиръ, кочевавшему среди поселеній месопотамскихъ христіанъ. По преданію, онъ перешелъ въ христіанство и кончилъ мирно жить отшельникомъ въ далекомъ Оманѣ, на юговостокѣ Аравіи [1]).

[1]) А. Мюллеръ. Исторія ислама. Томъ 1-й, стр. 1—7.

Иногда достаточно было прозаическаго или поэтическаго разсказа, напоминающаго о прежнихъ отношеніяхъ враждебныхъ племенъ, чтобы возбудить между ихъ представителями ожесточенную усобицу, хотя при этомъ древній обычай требовалъ отъ враждующихъ соперниковъ равенства возраста и силъ, числа и оружія. Только въ четыре священные мѣсяца (Мухаррамъ, Раджабъ, Дзуль-каада и Дзуль-хиджа) арабы прекращали свои взаимныя между усобицы, а иногда и ссоры съ иноземцами. Въ эти мѣсяцы арабы влагали свои мечи въ ножны и строго сохраняли перемиріе. Иногда, впрочемъ, спокойствіе священныхъ мѣсяцевъ нарушалось, и тогда арабы переносили миръ на слѣдующіе затѣмъ мѣсяцы своего луннаго года [1]).

Хищничество, разбойническіе набѣги на сосѣдей и на караваны, почти безпрерывныя междоусобныя войны вполнѣ объясняются постоянною жизнію арабовъ въ пустынѣ. „Пустыня, говоритъ Мюллеръ, предъявляла къ личнымъ качествамъ каждаго араба наивысшія требованія, причемъ успѣхомъ пользовались только люди, особенно одаренные природой“ [2]). Игн. Гольдцигеръ [3]) замѣчаетъ, что „жизнь древнихъ арабовъ представляла рѣзкую противоположность съ жизнію арабовъ исламскаго періода. Средоточіемъ соціальныхъ понятій аравитянъ было сознаніе общаго происхожденія отдѣльныхъ арабскихъ племенъ. Поэтому слава одного племени въ сравненіи со славой другого размѣрялась по славѣ предковъ; на ней основывалась претензія цѣлаго племени и каждаго въ отдѣльности на уваженіе и *авторитетъ*. Слава предковъ [4]), когда дѣло

---

[1]) См. Коранъ, гл. 9, ст. 5, 36 и 37.

[2]) Исторія ислама, томъ 1, стр. 8.

[3]) Muhammedanische Studien von Ignaz Goldziher. Halle, Erster Theil.

[4]) Буквально хвастовство предками تفاخر отъ فخر хвастался, величался надъ кѣмъ, съ على.

касалось чувства собственнаго достоинства, занимала у древнихъ арабовъ выдающееся мѣсто. Эта слава имѣла для араба такое значеніе потому, что онъ убѣжденъ былъ въ наслѣдственности какъ тѣлесныхъ, такъ и душевныхъ качествъ. Добродѣтель предковъ арабы сравниваютъ съ прочнымъ, высокимъ зданіемъ, созданнымъ для потомства, зданіемъ, разрушить которое было бы поздно. Съ другой стороны, распространяя худые слухи о предкахъ противника или его племени, этимъ самымъ навлекали подозрѣніе на достоинства его самого. Такимъ именно способомъ можно было наиболѣе уколоть самолюбіе гордаго араба. Поэтому ссоры и междоусобія отдѣльныхъ племенъ сопровождались у арабовъ обоюдными насмѣхательствами [1]), въ которыхъ исчислялись обыкновенно позорныя черты характера и прошлаго того племени, съ которымъ велась борьба, но въ тоже время восхвалялись достоинства собственнаго племени. Для составленія подобныхъ сатиръ арабы нанимали поэтовъ изъ другого племени, если не было своихъ, и иногда за довольно высокій гонораръ. Сатира имѣла важное значеніе во времена усобицъ арабовъ и могла имѣть роковое вліяніе на положеніе племени среди арабскаго общества. Такъ, напримѣръ, во время спора между Таглебитами и Бекритами изъ-за одного источника въ пустынѣ (въ VI в. по Р. Хр.) защитникомъ правъ Таглебитовъ былъ выбранъ поэтъ Амру-бенъ-Кольсумъ [2]), а защитникомъ правъ Бекритовъ—поэтъ

---

[1]) هجاء.

[2]) عمرو بن كلثوم сынъ Малека-бенъ-Аттаба, происходилъ изъ племени Таглибъ, жилъ въ концѣ пятаго и началѣ шестого вѣка по Р. Хр. и достигъ 150-лѣтняго возраста. Кромѣ своего поэтическаго дарованія, проявившагося въ составленіи моаллакаты, похвальныхъ одъ, сатиръ и любовныхъ пѣсенъ, онъ славился также своею храбростью. Храбрость его вошла у древнихъ арабовъ въ пословецу: когда хотѣли превознести храбреца, то говорили: *„онъ храбрѣе Амру-бенъ-Кольсума“*. Біографія его переведена и издана въ 1829 г. Козегартеномъ.

Харисъ. Каждый изъ нихъ восхвалялъ въ стихахъ добродѣтели своего племени и укорялъ противника въ трусости и насиліи: Амру-бенъ-Кольсумъ восхвалялъ Таглебитовъ за то, что они всегда оставались независимыми и не преклоняли своей головы, подобно Бекритамъ, подъ иго сосѣднихъ властителей [1]). Защитникъ Бекритовъ, поэтъ Харисъ, язвительно упрекаетъ противника въ безпрестанной невѣрности данному слову и въ пустомъ хвастовствѣ; напоминаетъ о многихъ пораженіяхъ Таглебитовъ, за которыя они не отмстили; говоритъ, что побѣды ихъ были случайны, что они употребляли ихъ во зло и, наконецъ, обращается къ ихъ защитнику, поэту Ибнъ-Кальсуму: „О ты, которой клевѣщешь на насъ передъ Амру! Долго ли устоитъ твоя ложь? Не думай, чтобы твои нападенія имѣли какую-нибудь силу противъ насъ. И прежде тебя, другіе враги много худого взводили на насъ; но отъ всей ихъ злобы защитили насъ твердыни и наша незыблемая слава, которая во многихъ уже возбуждала зависть и всегда поражала дерзавшихъ покушаться противъ насъ. Если постигали насъ неудачи или несчастія, это все равно, какъ будто ниспадали они на высокую и мрачную гору, которая, вершиною прорывая облака, съ спокойнымъ видомъ и неподвижно отражаетъ отъ себя всѣ дерзкіе удары. Вы многимъ оставили неотмщенными, а мы воздали вамъ за все. Вы хорошо насъ узнали, когда всѣ поколѣнія кровожадно устремлялись одно противъ другого; когда каждое колѣно находилось въ безпрерывной тревогѣ; когда и храбрѣйшіе не смѣли жить на равнинахъ, а трусливымъ не помогало и бѣгство. Оставьте притворство и высокомѣріе, они только увеличиваютъ вашу неправоту“ [2]).

---

[1]) Отрывокъ изъ его сатиры приведенъ въ предыдущей главѣ.

[2]) Ст. Сенковскаго: «Поэзія пустыни».

VI.

РЕЛИГІОЗНЫЯ ВѢРОВАНІЯ ДРЕВНИХЪ АРАБОВЪ.

О религіозныхъ вѣрованіяхъ древнихъ арабовъ писали почти всѣ европейскіе изслѣдователи ислама; и въ русской богословской литературѣ есть почтенный трудъ М. А. Машанова: „Очеркъ быта арабовъ въ эпоху Мухаммеда, какъ введеніе къ изученію ислама“ (Казань, 1885 г.), въ которомъ подробно изложенъ и критически изслѣдованъ религіозный бытъ древнихъ арабовъ. Мы въ настоящей главѣ указываемъ только на главные предметы религіознаго почитанія арабовъ, о которыхъ говорится въ первоисточникѣ ислама — Коранѣ.

Какъ видно изъ предыдущаго изложенія, арабы, прежде чѣмъ сложиться и обособиться въ отдѣльный народъ, пережили долгій періодъ взаимнаго смѣшенія разныхъ потомковъ сыновъ Ноя (Хама и Сима) и потомковъ Авраамова сына Измаила. Такъ образовались на Аравійскомъ полуостровѣ арабы первичные, арабы вторичные и измаилиты, т. е. позднѣйшіе арабы, ближайшіе ко времени Мухаммеда. Нѣтъ сомнѣнія, что древніе арабы, какъ потомки сыновъ Ноя, а потомъ Авраама, сохраняли въ своемъ религіозномъ сознаніи, по преданію, память о Единомъ Богѣ [1]), слѣды кото-

[1]) См. соч. Е. Н. Воронца: «Первоначально-богооткровенная истина единства Божія въ древней до-мухаммеданской религіи», Казань, 1874 г.

рой дошли до насъ въ Коранѣ: „Скажи: кто доставляетъ вамъ съ неба и отъ земли потребное для вашей жизни? Кто распоряжается слухомъ и зрѣніемъ. Кто выводитъ живое изъ мертваго и мертвое изъ живого? Кто управляетъ всѣмъ этимъ? Они навѣрное скажутъ: Богъ (10, 32)“ [1]). Поэтому арабы обращались къ Богу за высшею помощью и искали у Него избавленія отъ грозившихъ имъ опасностей. „Когда волна покроетъ ихъ какъ мракъ, тогда они призываютъ Бога, обѣщая искреннее служеніе Ему„ (31, 31). „Когда васъ постигаетъ несчастіе, вы къ Нему взываете“ (16, 55). „Скажи: не видитъ ли каждый изъ васъ, что вы, если настанетъ для васъ послѣдній часъ, взываете къ Богу, а не къ другому кому-либо.... къ Нему вы тогда взываете, и Онъ, если хочетъ, избавляетъ васъ отъ того, о чемъ вы просили“ (6, 40—41). Арабы представляли Единаго Бога верховнымъ божествомъ (Алла-тааля) и считали его творцемъ небесъ, земли, солнца и луны, творцемъ человѣка и верховнымъ распорядителемъ жизни вселенной, какъ это видно изъ слѣдующихъ стиховъ Корана: „Если ты спросишь ихъ (арабовъ): кто сотворилъ небеса и землю, кто солнце и луну сдѣлалъ служебными силами?—они скажутъ: Богъ. Если спросишь ихъ, кто низводитъ съ неба воду и ею оживляетъ землю послѣ ея омертвѣнія?—они скажутъ: Богъ (29, 61—63). Скажи (спроси): кто Господь семи небесъ и Господь великаго престола? Непремѣнно скажутъ: Богъ“ (23, 88—89). „Если ты спросишь ихъ, кто сотворилъ ихъ (арабовъ)?—они непремѣнно скажутъ: Богъ“ (43, 87). „Скажи: въ чьей власти земля и то, что есть на небѣ? Они непремѣнно скажутъ: во власти Бога. Скажи: въ чьей рукѣ власть надъ всѣми существами, такъ что Онъ покровительствуетъ имъ, а самъ не нуждается въ покровительствѣ? Они непремѣнно скажутъ: въ рукѣ Бога“ (27, 86—87, 90—91). Но это первоначаль-

[1]) Большія цыфры означаютъ главы, а мелкія—стихи Корана.

ное вѣрованіе въ Единаго Бога не могло удержаться среди древнихъ арабовъ во всей своей чистотѣ и неизмѣнности. Въ Коранѣ встрѣчается много мѣстъ, въ которыхъ Мухаммедъ отъ лица Божія укоряетъ своихъ соотечественниковъ въ неблагодарности къ Едидому Творцу и Промыслителю: „Ужели они не размыслили, что для нихъ Мы сотворили то, что произвели руки Наши. Скотъ, которымъ они владѣютъ, Мы покорили его имъ и они на однихъ ѣздятъ, а другими питаются; отъ него имъ польза и питье. Чтоже они не благодарны? Кромѣ Бога, они приняли себѣ еще какихъ то боговъ, въ надеждѣ, что получатъ отъ нихъ помощь“ (36, 71—74). „Многобожники говорятъ: если бы хотѣлъ Богъ, то мы никому, кромѣ Его, не служили бы, ни мы, ни отцы наши; ничего не запрещали бы безъ Его указанія. Такъ дѣлали и предшественники ихъ“ (16, 37).

Соотвѣтственно вѣрѣ въ Единаго Бога. Творца человѣка, нѣкоторые арабы сохранили и вѣру въ будущую жизнь (6, 92). Такія лица извѣстны даже поименно и въ ихъ числѣ дѣдъ Мухаммеда Абдулъ-Мутталибъ, который однажды сказалъ: „Клянусь Богомъ! За этимъ міромъ есть еще другой, гдѣ добрый получитъ награду, а злой — наказаніе“ (соч. Машанова, стр. 525). Но, неизвѣстно подъ какими вліяніями, среди современниковъ Мухаммеда появились религіозные вольнодумцы, которые думали, что міръ сотворенъ случайно (38, 26) [1]) и что люди сотворены какъ игрушки (23, 117); потому они не вѣрили въ загробную жизнь и говорили: „Ужели мы, послѣ того какъ умремъ и будемъ прахомъ—костями, ужели мы въ самомъ дѣлѣ будемъ воскрешены (23, 84—85) [2]) и будемъ судимы? (37, 31). Не бывать тому, чтобы кости умершихъ были воскре-

---

[1]) По Леббоку, это—признакъ варварства. См. «Начало цивилизаціи и первобытное состояніе человѣка» (изд. второе).

[2]) Другія мѣста Корана см. въ указателѣ къ переводу Корана г. Саблукова, стр. 18—19.

шены“ (44, 7). Такимъ образомъ вѣра въ загробную жизнь была затемнена у древнихъ арабовъ разными неосновательными представленіями. Подробнѣе объ этомъ можно читать въ соч. г. Машанова, который, на основаніи свидѣтельствъ арабскихъ поэтовъ и позднѣйшихъ писателей, представилъ подробную картину народныхъ вѣрованій арабовъ въ загробную жизнь и противорѣчащія этому вѣрованію отрицательныя сужденія и мечтанія ихъ: „Трудно представить себѣ, говоритъ онъ, что-либо болѣе запутанное, нежели вѣрованія арабовъ. Это разнорѣчивое представленіе о всемъ, касающемся высшихъ предметовъ религіи, объясняемъ мы самымъ бытомъ арабовъ и ихъ сношеніями. Естественно, что у арабовъ, имѣвшихъ сношенія съ сосѣдними языческими народами, отразился на ихъ вѣрованіяхъ религіозный взглядъ этихъ послѣднихъ и способствовалъ затемненію первичной идеи о Единомъ Богѣ, а сношенія съ іудеями и христіанами, напротивъ, освѣжали и поддерживали эту идею и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ усиливали и способствовали дальнѣйшему ея развитію. Среди этихъ многоразличныхъ, противоположныхъ между собою, вліяній язычества и христіанства съ іудействомъ сохранилась также и самобытная вѣра арабовъ—наслѣдіе ихъ глубочайшей старины, и жила у нихъ со всею простотою патріархальной вѣры. Все это взятое вмѣстѣ и было причиною такого разнообразія вѣрованій у арабовъ, какое трудно, а можетъ быть и невозможно, встрѣтить у какого-либо другого народа древности [1]).—И мы допускаемъ, что многолѣтній періодъ послѣдовательныхъ метисацій естественно долженъ былъ отражаться и на религіозныхъ вѣрованіяхъ арабскихъ племенъ.

И прежде всего древняя Халдея, Ассирія и Вавилонъ оставили въ Аравіи слѣды своихъ вѣрованій, слѣды сабеизма, чему способствовала и физическая природа Аравіи. Мало разнообразная и во многихъ мѣстахъ

[1]) См. соч. г. Машанова, стр. 546.

пустынная Аравія болѣе всего поражала младенствующую душу древнихъ своихъ обитателей необыкновенно чистымъ небомъ, ослѣпительнымъ солнцемъ, блестящею луною и яркими звѣздами. Постоянное наблюденіе неизмѣнныхъ движеній свѣтилъ небесныхъ и постоянныхъ перемѣнъ на землѣ должно было, при отсутствіи положительнаго религіознаго и научнаго знанія у арабовъ, наводить ихъ слабый умъ на мысль, что небо—богъ, что солнце, луна и звѣзды—божества, достойныя поклоненія. Небо, какъ богъ, почиталось въ г. Санѣ и въ Неджѣ (по Ленорману), а солнце, луна и планеты—у разныхъ арабскихъ племенъ. Сабеизмъ былъ такъ сроденъ съ природой Аравіи и столь глубоко запалъ въ душу арабовъ, что самъ Мухаммедъ не могъ вполнѣ отрѣшиться отъ сабеистическихъ представленій. Особенно въ началѣ своей проповѣднической дѣятельности въ Меккѣ онъ неоднократно самъ клялся небомъ, солнцемъ, луною, планетами; „Клянусь небомъ, украшеннымъ знаками зодіака; клянусь солнцемъ и утреннимъ блистаніемъ его, и луною, когда она послѣдуетъ за нимъ; клянусь планетами, скрывающимися кометами; клянусь денницей; клянусь утренней зарей, клянусь вечернею зарей“ (85, 1; 91, 1—5; 81, 15—16; 86, 1; 84, 16) и под. По преданію, онъ сказалъ однажды, что въ день всеобщаго воскресенія Богъ повелитъ слѣдовать каждому за предметомъ его поклоненія при жизни на землѣ, и тогда одни послѣдуютъ за солнцемъ, а другіе за луной [1]). Установляя часы для ежедневныхъ молитвъ своихъ послѣдователей, Мухаммедъ также не могъ или не хотѣлъ совсѣмъ отрѣшиться отъ моментовъ восхода и заката солнца и заката звѣздъ: „возсылай славу Господу твоему прежде восхода солнца и прежде заката его (50 38; 17, 80); хвали его во время ночи и при закатѣ звѣздъ“ (52, 48). Запрещая поклоняться солнцу и лунѣ, „не покланяйтесь ни солнцу, ни лунѣ, но поклоняйтесь Богу, который сотворилъ

[1]) См. соч. Машанова, стр. 197.

ихъ“ (51, 37; 27, 24), основатель ислама въ тоже время удержалъ въ Коранѣ весьма важный разсказъ, подтверждающій мысль о сильномъ вліяніи свѣтилъ небесныхъ на религіозное чувство человѣка: „Нѣкогда Авраамъ сказалъ отцу своему Азару: ужели ты кумиры принимаешь за боговъ? Вижу, что ты и народъ твой въ очевидномъ заблужденіи. Вотъ, мы показали Аврааму царство небесъ и земли для того, чтобы онъ былъ въ числѣ вѣрно знающихъ. Когда покрыла его ночь, онъ увидѣлъ звѣзду и сказалъ: это Господь мой! Но когда она закатилась, то онъ сказалъ: не люблю закатывающихся. Потомъ, когда онъ увидѣлъ восходящую луну, то сказалъ: это Господь мой! А когда она закатилась, онъ сказалъ: да если бы Господь мой не руководилъ меня, то я былъ бы въ числѣ людей блуждающихъ. Когда же онъ увидѣлъ восходящее солнце, сказалъ: вотъ Господь мой; этотъ самый великій! Но когда и оно закатилось, онъ сказалъ: народъ мой! я чистъ отъ тѣхъ, кого вы признаете соучастниками Богу. Обращаю лице мое къ Тому, кто сотворилъ небеса и землю, пребывая усерднымъ *Ему* поклонникомъ; я не изъ числа многобожниковъ“ (6, 74—79) [1]). Этимъ разсказомъ Мухаммедъ какъ бы нехотя показалъ, что поклоненіе свѣтиламъ небеснымъ настолько естественно среди людей, не получившихъ Божія откровенія, что даже Авраамъ склоненъ былъ, по первому впечатлѣнію отъ свѣта солнца и луны и отъ блеска звѣздъ, признать ихъ за боговъ [2]).—Тѣмъ легче могли заблуждаться въ этомъ отношеніи древ-

---

[1]) На эти стихи обратилъ вниманіе Крамеръ.

[2]) И до сихъ поръ еще въ городахъ по нижнему теченію Тигра и Ефрата обитаетъ племя Сабеевъ или Назореевъ, которые составляли во времена ислама многочисленную звѣздопоклонническую секту, и которые впослѣдствіи заимствовали у христіанъ и евреевъ нѣкоторыя религіозныя и нравственныя понятія. См. Прав. Благовѣстникъ 1896 г. № 24, кн. 2-я, ст. «Звѣздопоклонники въ Месопотаміи», стр. 364—368.

ніе арабы, не имѣвшіе истиннаго руководителя въ вѣрѣ и богопочитаніи [1]). Это подтверждается дѣйствительными фактами: химьяриты поклонялись солнцу, кенаниты—лунѣ, лахмиты—юпитеру, кайситы—сиріусу, асадиты—меркурію и проч. [2]). Культъ солнца былъ особенно распространенъ среди арабовъ, и доказательствомъ этого служатъ храмы, посвященные этому свѣтилу, разныя суевѣрія и, наконецъ, собственныя имена арабовъ. Имя „*Рабъ солнца*“ (Абду-ш-шамсъ) придавалось у арабовъ не только отдѣльнымъ лицамъ, но и цѣлой отрасли колѣна факасъ изъ рода асадитовъ [3]). Этого мало: память о солнцѣ, какъ о древнемъ божествѣ арабовъ-язычниковъ, вошла въ самый исламъ, такъ какъ съ другимъ оттѣнкомъ названіе солнца вошло въ составъ уже мусульманскаго имени „*Солнце вѣры*“ (Шамосуддинъ), которое встрѣчается въ настоящее время даже среди татаръ.—Что касается почитанія арабами луны и планетъ, то это ясно видно не только изъ поэтическихъ прославленій этого свѣтила, но и изъ прямыхъ запрещеній Корана поклоняться ему. Имя луны носило одно арабское племя Бяну-Галяль; химьяриты приносили лунѣ жертвы еще въ IV в. по Р. Хр., а въ Меккѣ, по одному свидѣтельству, была даже статуя луны. Изображеніе полумѣсяца перешло въ исламъ и до настоящаго времени ставится на мечетяхъ [4]).—По-

---

[1]) Утративъ древнее преданіе о единомъ истинномъ Богѣ, арабы, какъ и другіе языческіе народы, не могли оставаться безъ религіи и для удовлетворенія естественнаго религіознаго чувства должны были найти себѣ бога и нашла его въ свѣтилахъ небесныхъ. И это—не единственный примѣръ въ исторіи языческихъ народовъ.

[2]) Pocock. p. 5.

[3]) См. соч. Машанова, стр. 275—284 и слѣд.

[4]) Необходимо однако отмѣтить очень любопытный въ этомъ отношеніи фактъ: до 80-хъ годовъ я не видѣлъ въ городахъ Туркестана изображенія луны на мечетяхъ сартовъ; подъ вліяніемъ татаръ начинаетъ появляться этотъ древній языческій знакъ и на нѣкоторыхъ мечетяхъ сартовъ.

читаніе разныхъ планетъ было также общераспространеннымъ среди всѣхъ арабовъ культомъ, но въ томъ смыслѣ, что каждое племя, смотря по мѣсту жительства, чтило ту планету или звѣзду, которую чаще и ближе наблюдало. Не перечисляя этихъ планетъ, скажемъ, что нѣкоторыя изъ нихъ были чтимы впослѣдствіи подъ видимыми образами или естественныхъ выступовъ скалъ [1]), или искуственныхъ изображеній, и арабы приписывали имъ разныя вліянія на явленія природы и на самаго человѣка и приносили жертвы. Сатурнъ считался звѣздою несчастья, а Юпитеръ и Венера звѣздами счастья и благополучія [2]). Періодъ сближенія этихъ звѣздъ считается до сихъ поръ среди мусульманъ самымъ благодѣтельнымъ для тѣхъ людей, которые зарождаются въ это время. Таковъ былъ въ позднѣйшее время знаменитый Тимуръ, носящій особое названіе „*Сахибу-кыранъ*“, т. е. господинъ двухъ сблизившихся созвѣздій.

Изъ исторіи естественныхъ религій извѣстно, что народныя вѣрованія постепенно измѣнялись, осложнялись и количественно увеличивались, частію путемъ внѣшняго заимствованія при торговыхъ и другихъ сношеніяхъ съ иноземными народами, частію же путемъ внутренняго процесса духовнаго развитія народа. Естественное чувство человѣка быть ближе къ своему божеству, имѣть его около себя, предъ своими глазами, вызвало идолопочитаніе [3]). У древнихъ арабовъ по

---

[1]) Таковы: Фульсъ и Саадъ.

[2]) См. соч. Машанова, стр. 313—347. Ср Ленормавъ, томъ II, Арабы. О поклоненіи солнцу и лунѣ см. въ сочиненіяхъ Дж. Леббока «Начало цивилизаціи и первобытное состояніе человѣка» и Эд. Тэйлора «Первобытная культура».

[3]) См. соч. Дж. Леббока, стр. 237 и слѣд. Идолопоклонство представляетъ нѣсколько высшую ступень въ развитіи религіознаго сознанія человѣка, сравнительно съ фетишизмомъ: фетишизмъ есть привлеченіе къ себѣ божества, а идолопоклонство — полное, хотя и грубое, подчиненіе ему; обладаніе фетишемъ подчиняетъ обла-

тѣмъ же побужденіямъ явилось идолослуженіе. И если евреи, имѣвшіе законъ и пророковъ, не рѣдко впадали въ идолопоклонство, то тѣмъ легче было дойти до такого состоянія древнимъ арабамъ, не имѣвшимъ писаній и пророковъ (34, 43; 3, 19; 62, 2), а вмѣсто того слышавшимъ о видимыхъ богахъ сосѣднихъ народовъ. Такимъ образомъ и въ древней Каабѣ стали появляться видимыя изображенія разныхъ божествъ, заимствованныя у другихъ народовъ; въ другихъ пунктахъ полуострова стали также появляться идолы [1]) и фетиши [2]). Число божествъ постепенно увеличивалось въ Аравіи, но при отсутствіи образованности у арабовъ [3]) многобожіе ихъ не сложилось въ стройную миѳологическую систему, а мусульманскіе писатели не считали для себя нужнымъ и приличнымъ вникнуть глубже въ тѣ идеи, которые лежали въ основѣ арабскаго политеистическаго міросозерцанія. Поэтому передъ нами являются многочисленныя божества древнихъ арабовъ, не соединенныя между собою общею религіозною идеей, подобно тому какъ и сами арабы, расчлененные на множество племенъ, колѣнъ и родовъ, не составляли одного народа. Представленіе о единомъ верховномъ божествѣ *(Алла тааля)*, сохранявшееся въ народной памяти, было слишкомъ обще и отвлеченно для неразвитаго ума арабовъ и потому оставалось въ сторонѣ, а на первомъ планѣ, передъ глазами, находились идолы, которымъ арабы поклонялись, которыхъ чтили славословіями, которыхъ умилостивляли и благодарили жертвоприношеніями и обѣтами. Въ честь этихъ божествъ и надъ ихъ изображеніями они

дателю того духа, который олицетворяется фетишемъ, а идолъ есть само божество.

[1]) نِدّ мн. أَنْدَاد; ср. صَنَم и وَثَن. [2]) نَصْب мн. أَنْصَاب.

[3]) Арабы называются въ Коранѣ «невѣждами» (جَاهِلُونَ мн. جَاهِل) въ отношеніи боговѣдѣнія.

создавали храмы; для служенія имъ назначали жрецовъ и жрицъ. Богатство и большая степень гражданственности нѣкоторыхъ мѣстностей оказывали вліяніе на характеръ самаго культа, потому что была результатомъ большого развитія жителей? На югѣ Аравіи каждый городъ имѣлъ своего идола, котораго и чтилъ своимъ покровителемъ.—Съ своими идолами арабы прощались послѣ всѣхъ, когда уходили изъ дома, и здоровались прежде всего, когда возвращались въ домъ. Такимъ образомъ. у древнихъ арабовъ были свои домашнія и племенныя божества, причемъ нѣкоторыя племена, кромѣ своихъ божествъ, чтили боговъ и другихъ племенъ.

Мекка,—родина Мухаммеда и колыбель ислама,—считалась центральнымъ торговымъ пунктомъ древней Аравіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ считалась задолго до Мухаммеда и религіознымъ центромъ арабовъ [1]). Святилище Мекки—Кааба [2])—представляло собою какъ бы Пантеонъ арабскихъ божествъ, хотя національное преданіе соединяло ея происхожденіе съ именами Авраама и Измаила (2, 118—122). Между тѣмъ Кааба, по Ибнъ-Хишаму, была съ очень древнихъ поръ главнымъ пунктомъ идолопоклонства арабовъ, такъ какъ въ ней предметомъ наибольшаго почитанія служилъ темно-сѣрый камень, упавшій съ неба во время ея постройки, и такъ какъ другіе арабы, выселявшіеся изъ Мекки, брали потомъ съ собою камни изъ Каабы и поклонялись имъ на новыхъ мѣстахъ своего жительства, совершая вокругъ нихъ священные обходы *(тавафъ)*, какъ и до сихъ поръ мусульмане совершаютъ обходы вокругъ Каабы [3]). Въ какой степени можно сравнивать поклоненіе древнихъ арабовъ камнямъ съ жертво-

---

[1]) Въ Коранѣ Мекка называется «матерію городовъ» см. гл. 6, ст. 92; гл. 42, ст. 5.

[2]) Въ Коранѣ (гл. 22, ст. 25) говорится, что Богъ воздвигъ ее равно для всѣхъ людей—осѣдлыхъ и кочевыхъ.

[3]) Такой способъ богопочтенія соотвѣтствуетъ первобытному состоянію арабовъ. См. Леббока.

приношеніемъ Іакова на камнѣ въ Веѳилѣ (Быт. 35, 14—16), это другой вопросъ, но во всякомъ случаѣ фактъ поклоненія камнямъ среди арабовъ въ древнее домусульманское время не подлежитъ сомнѣнію.

Отъ поклоненія простымъ камнямъ совершился постепенный переходъ къ поклоненію идоламъ, производство которыхъ въ Аравіи, при отсутствіи техническихъ знаній, долгое время не было извѣстно. Поэтому первые идолы были занесены въ Аравію изъ другихъ, болѣе культурныхъ странъ. По Ибнъ-Хишаму, первымъ идоломъ, появившимся въ Каабѣ, былъ идолъ Хобала [1]), изображеніе котораго было принесено Амромъ-бенъ-Лохаемъ изъ Сиріи (около III вѣка по Р. Хр.). Въ сѣверной Аравіи почитаніе идоловъ вошло въ нравы жителей ранѣе, такъ какъ и сношенія съ чужестранцами у сѣверныхъ арабовъ начались прежде, чѣмъ у хиджазцевъ. Неудивительно, что у нѣкоторыхъ арабскихъ племенъ, жившихъ на сѣверѣ Аравіи, т. е. ближе къ древнимъ язычествующимъ народамъ, идолопоклонство упоминается еще до Рождества Христова [2]). И это естественно, потому что на сѣверѣ Аравіи жили болѣе культурные народы, чѣмъ арабы.

Въ разныхъ мѣстностяхъ Аравіи и у разныхъ арабскихъ племенъ почитались слѣдующіе главные идолы:

Хобалъ — самый большой среди идоловъ Каабы — имѣлъ подобіе человѣка (по нѣкоторымъ писателямъ — видъ старика съ длинною бородой), держалъ въ рукахъ семь стрѣлъ, былъ сдѣланъ изъ краснаго коралла и имѣлъ одну руку золотую. Онъ былъ доставленъ въ Мекку съ отломанной рукой, вмѣсто которой корейшиты придѣлали ему золотую руку, что указы-

---

[1]) هبل. Къ этому идолу приносили новорожденнаго Мухаммеда какъ бы въ знакъ посвященія.

[2]) У прор. Іереміи (гл. 2, ст. 10—11) упоминаются «сыны Кидара», покланяющіеся богамъ своимъ.

вастъ на особенно большое вниманіе къ нему со стороны корейшитовъ. Изображеніе Хобала сначала было поставлено на крышѣ Каабы, а затѣмъ перенесено внутрь ея. Передъ Хобаломъ арабы гадали о своихъ предпріятіяхъ, вынимая стрѣлы, и, въ случаѣ счастливаго исхода, обращались къ идолу съ славословіемъ: „Да будетъ превознесенъ Хобалъ!“ Изъ разныхъ объясненій мусульманскихъ писателей о значеніи имени Хобала и о соединенныхъ съ его именемъ вѣрованіяхъ съ наибольшею вѣроятностью можно предполагать, что Хобалъ представлялъ „бога судьбы“; его именемъ арабы клялись въ важныхъ случаяхъ и у него гадали. Позднѣйшіе арабы, т. е. ближайшіе ко времени Мухаммеда, отожествляли Хобала съ изображеніемъ Авраама; поэтому основатель ислама, когда взялъ Мекку и увидѣлъ изображеніе Хобала, сказалъ: „Да поразитъ Богъ тѣхъ, которые заставляютъ нашего старца бросать жребій стрѣлами. Какое дѣло Аврааму до стрѣлъ? Онъ не былъ ни іудей, ни христіанинъ, но былъ ханифъ—мусульманинъ; онъ не былъ также и многобожникомъ“ [1]). Послѣ этого идолъ Хобала вмѣстѣ съ другими идолами, находившимися въ Каабѣ, былъ уничтоженъ по приказанію Мухаммеда.

Въ Коранѣ упоминаются идолы: Лата, Узза, Маната [2]), а затѣмъ: Ваддъ, Сувагъ, Ягусъ, Ягукъ и Насръ [3]).

Лата (или Аль-Лата) почиталась божествомъ въ городѣ Тайифѣ сякиѳитами и въ долинѣ Нахлѣ—корейшитами; по имени Аль-Латы назывались нѣкоторыя

---

[1]) См. у Машанова, стр. 441—450.

[2]) Коранъ, гл. 53, ст. 19—21. «Размышляли ли вы объ Аль-Латѣ, Аль-Уззѣ и о Манатѣ? Ужели у васъ дѣти мужескаго пола, а у Него дѣти женскаго пола?»

[3]) Коранъ, гл. 71, ст. 22—23: Народъ Ноя удерживался въ своемъ заблужденіи и говорилъ себѣ: «Не оставляйте боговъ вашихъ, не оставляйте ни Ваддa, ни Савага, ни Ягуса, ни Ягука, ни Насра.

отрасли племенъ и отдѣльныя лица. Въ Тайифѣ [1]) находился храмъ Аль-Латы, который былъ разрушенъ Абу-Суфьяномъ по приказанію Мухаммеда въ девя-

---

[1]) Гор. *Тайифъ*, лежащій по Абульфедѣ подъ $67\frac{1}{2}^{\circ}$ д и $20^{\circ}2'$ ш., одинъ изъ немногихъ городовъ средней Аравіи Онъ расположенъ на возвышенности Озданъ, въ 15 миляхъ на западъ отъ Мекки. Арабское преданіе разсказываетъ, что во время всемірнаго потопа, бывшаго во времена пророка Ноя, часть суши была отмыта отъ плодоносной Сиріи и долго носилась по волнамъ потопа, пока наконецъ не остановилась въ теперешнемъ мѣстѣ. Въ подтвержденіе этого арабы указываютъ на этимологію слова «Тайифа», происходящаго отъ гл. «таф», отъ котораго произошло и названіе потопа—туфанъ. Какъ расположенный на возвышенности, городъ Тайифъ имѣетъ горный климатъ; на склонахъ занимаемой имъ возвышенности замерзаетъ иногда вода. При обилии воды (объясняемомъ арабами преданіемъ о происхожденіи этой мѣстности во время потопа) и хорошемъ горномъ воздухѣ, Тайифъ славился своими виноградниками и садами, въ которыхъ въ изобиліи росли: персики, сливы, гранаты, фиги, пальмы. — Сушеный виноградъ составлялъ главное довольство жителей, принадлежавшихъ къ колѣну *Бяну Тсакифъ* большого племени Хавазинъ. Славился этотъ городъ и своими пашнями, на которыхъ хорошо разводились также дыни. Изобиліе фруктовъ служило предметомъ торговли его жителей съ жителями Мекки; это же обстоятельство, конечно, было причиной и того, что Тайифъ съ давнихъ поръ былъ одинъ изъ удобныхъ остановокъ торговыхъ каравановъ на пути изъ Іемена въ Сирію. Мирныя отношенія жителей этого города съ жителями Мекки, поддерживаемыя торговлей, способствовали установленію родственныхъ связей между ними при помощи браковъ. Богатые жители Мекки имѣли въ тѣнистыхъ прохладныхъ садахъ Тайифа загородныя жилища, въ которыхъ и проводили знойное время года. Хотя жители Тайифа были закоренѣлыми идолопоклонниками (они покланялись женскому идолу Аль-Латѣ, которую считали одной изъ дочерей Аллаха. Коранъ, гл. 53, ст. 19—20), но Мухаммеду пришлось спасаться въ этомъ сосѣднемъ съ Меккой городѣ. По смерти дяди своего Абу-Талиба, онъ, преслѣдуемый Абу-Суфьяномъ и Абу-Джахлемъ, искалъ убѣжища въ 619 г. въ Тайифѣ. Жители этого города сначала изъ любопытства слушали его проповѣдь, а затѣмъ не только стали оскорблять его насмѣшками, но и бросали въ него камни, и Мухаммеду пришлось бѣжать изъ города, причемъ толпа преслѣдовала его и его вѣрнаго раба Зайда, пока оба они, покрытые кровавыми ранами и измученные, прибыли въ долину Нахла, гдѣ Мухаммедъ имѣлъ

томъ году гиджры, при чемъ были убиты 13 служителей, находившихся при этомъ храмѣ. Аль-Лата представляла пятигранный гранитный каменъ, имѣвшій въ длину около 12 футовъ и въ вышину $4^1/_2$ фута. Грамматическая форма имени этого божества указываетъ на то, что Аль-Лата была богиня, какъ подтвердилъ и Мухаммедъ. Относительно символическаго значенія Аль-Латы мнѣнія европейскихъ ученыхъ сводятся къ тому, что Аль-Лата олицетворяла собою Венеру [1]).

Идолъ Маната былъ простымъ чернымъ безобразнымъ камнемъ, которому покланялись арабскія колѣна: Гузаиль, Хузаа, Аусъ, Хазраджъ и жители области Ятсриба (Медина). Этотъ идолъ находился въ семи миляхъ отъ Медины при морѣ. Поклоненіе Манатѣ продолжалось до восьмого года гиджры, когда идолъ вмѣстѣ съ храмомъ былъ разрушенъ по приказанію Мухаммеда. Чествованіе арабами этого божества выразилось между прочимъ и въ собственныхъ именахъ нѣкоторыхъ арабскихъ племенъ, а равно и въ богатыхъ украшеніяхъ этого идола. Подобно Аль-Латѣ, Маната считалась женскимъ божествомъ, которому приносили въ жертву животныхъ, на что можетъ указывать самое имя Манаты, а равно и названія долины Мина (близъ Мекки), гдѣ до сихъ поръ, во время хаджа, мусульманскіе паломники закалаютъ животныхъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ, Маната олицетворяла богиню плодородія, а по мнѣнію другихъ—богиню судьбы, и была видимымъ изображеніемъ богини Сиріуса [2]).

Подъ именемъ Уззы (или Аль-Уззы) арабы колѣна Гатафанъ чтили дерево акацію, которую срубилъ и

видѣніе джинновъ, описанное въ 72-й гл. Корана. Тайифъ былъ защищенъ крѣпостію, которую потомъ Мухаммеду пришлось брать при помощи таранова и осадныхъ башенъ... Въ нашемъ столѣтіи сюда былъ сосланъ Мидхадъ-Паша и другіе заговорщики противъ турецкаго султана Абдулъ-Азиза.

[1]) См. у Машанова, стр. 397—407.

[2]) Тамъ же, стр. 407—413.

сжегъ Халидъ, полководецъ Мухаммеда, по приказанію послѣдняго, въ восьмомъ году гиджры. Тогда же былъ разрушенъ и храмъ, выстроенный въ честь богини, и убита жрица этой богини. Идолъ Аль-Уззы находился въ долинѣ Нахла-ш-Шамійя, вправо отъ дороги изъ Мекки въ Иракъ. Этотъ идолъ былъ въ почетѣ также и у корейшитовъ, которые назывались *арабами Аль-Уззы*. Самъ Мухаммадъ, до объявленія себя пророкомъ новой вѣры, приводилъ однажды овцу на закаланіе предъ этимъ идоломъ, а корейшиты, во время священныхъ обходовъ вокругъ Каабы, клялись Аль-Латой, Аль-Уззой и Манатой. При храмѣ Аль-Уззы были особые стражи изъ колѣна Бену-Шайбакъ. Вообще Аль-Узза пользовалась у корейшитовъ и другихъ арабовъ весьма большимъ почетомъ вмѣстѣ съ Аль-Латой и Манатой.

Аль-Узза была богиня, какъ Аль-Лата и Маната, на что есть прямое указаніе въ Коранѣ. По мнѣнію европейскихъ ученыхъ Аль-Узза это — богиня луны. Культъ Аль-Уззы былъ широко распространенъ среди арабовъ, и Мухаммеду нужно было много усилій для того, чтобы уничтожить вліяніе его среди своихъ соплеменниковъ. Достаточно при этомъ имѣть въ виду, что Мухаммедъ однажды самъ вынужденъ былъ признать религіозное значеніе названныхъ трехъ божествъ, чтобы расположить въ свою пользу ожесточенныхъ мекканцевъ [1]). Столь трудно было основателю ислама побороть укоренившееся вѣками и широко распространенное среди арабовъ вѣрованіе, что онъ въ отчаяніи самъ впалъ въ грубое противорѣчіе съ своимъ исключительнымъ монотеизмомъ и только на другой день могъ одуматься и раскаяться въ своемъ заблужденіи, когда объявилъ отъ имени Божія: „Едва они льстиво не отклонили тебя отъ того, что дали Мы въ откро-

[1]) Коранъ, гл. 53, ст. 19—20. Къ этимъ стихамъ были прибавлены слова въ пользу почитанія названныхъ божествъ, но потомъ уничтожены.

веніи тебѣ, къ тому, чтобы ты выдумалъ что-нибудь другое противъ Насъ. Тогда они непремѣнно считали бы тебя своимъ другомъ. И если бы Мы не укрѣпили тебя, то немного бы еще, и ты склонился бы на ихъ сторону. Тогда Мы подвергали бы тебя казни, сугубой въ жизни сей, и сугубой по смерти, и ты не нашелъ бы заступника предъ Нами" (17, 75—77). Не придавая значенія разсказу Корана и позднѣйшимъ толкованіямъ относительно происхожденія идоловъ Вадда, Сувага и пр., отмѣтимъ здѣсь, что всѣ они были занесены въ Аравію чрезъ Красное море (чрезъ Джедду) и что идолу Вадда покланялись арабы колѣна Кальбъ, Сувагу—колѣно Гамаданъ (или Гюзяйль), Ягусу—колѣно Мазхиджъ, Ягуку—колѣно Мурадъ, а Насру—химьяриты.

Идолъ Вадда имѣлъ видъ человѣка огромныхъ размѣровъ, имѣвшаго на плечахъ покровъ (изаръ) и препоясаніе на чреслахъ (риды) и вооруженнаго мечемъ и лукомъ. Передъ идоломъ было воткнуто копье, съ привязаннымъ къ нему знаменемъ и колчаномъ со стрѣлами. Онъ былъ украшенъ серьгами и ожерельями и чествовался поднесеніемъ молока. Именемъ этого идола назывались арабы племенъ Кальбъ, Тай, Хазраджъ, Гюзейль и Корейшъ, что указываетъ на распространенность его культа въ Аравіи, пока полководецъ Мухаммеда Халидъ не разбилъ идола во время похода въ Табукъ (въ 631 г.). По значенію своему Ваддъ олицетворялъ собою любовь, былъ богомъ любви.

Сувагу поклонялись въ области Янбо (близъ Медины) и считали его женскимъ божествомъ, олицетворявшимъ производительную силу природы. Поклоненіе ему сопровождалось обходами вокругъ него.

Идолъ Ягука имѣлъ видъ лошади, Ягуса—видъ льва, а Насра—видъ орла. Трудно теперь утверждать, какихъ божествъ чтили арабы подъ видомъ этихъ идоловъ, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что арабскіе идолы были заимствованы отъ другихъ народовъ: левъ до сихъ поръ входитъ въ гербъ персидскихъ царей,

изображеніе орла было извѣстно особенно у ассиріянъ, а лошадь посвящалась солнцу, какъ объ этомъ сохранилось указаніе даже въ Библіи (4 Цар. 23, 1).

Въ Меккѣ, въ виду Каабы, стояли открыто два идола—Исафъ и Найла. Древніе арабы, приходившіе въ Мекку на богомолье, по совершеніи обходовъ вокругъ Каабы, шли затѣмъ къ Исафу и Найлѣ и пробѣгали съ молитвенными возгласами разстояніе между названными идолами. Такъ продолжалось до торжества новой вѣры—ислама, когда эти идолы были, по приказанію Мухаммеда, разбиты. Но память о поклоненіи имъ осталась и въ исламѣ: по обрядамъ хаджа, мусульманскіе паломники до сихъ поръ бѣгаютъ рысцой между холмами Сафа и Мерва, на которыхъ до времени ислама стояли вышеназванные идолы [1]). Нельзя сомнѣваться въ искреннемъ почтеніи корейшитовъ къ этимъ идоламъ, которымъ они (корейшиты) приносили въ жертву животныхъ. Преданіе разсказываетъ, что дѣдъ Мухаммеда, Абдулъ-Мутталибъ хотѣлъ принести въ жертву предъ этими идолами своего сына Абдуллу [2]), отца Мухаммеда, а потому и не заслуживаетъ никакого вѣроятія, очевидно позднѣйшій, варіантъ, по которому Асафъ и Найла считаются дѣйствительными мужчиной и женщиной, жившими въ отдаленное время и окаменѣвшими будтобы послѣ блудодѣянія, совершеннаго ими въ Каабѣ. Затруднительно также утверждать, что древній культъ Асафа и Найлы стоялъ въ связи съ вѣрованіями сабеистовъ [3]).

Кромѣ вышеперечисленныхъ идоловъ, общеизвѣстныхъ среди древнихъ арабовъ, у разныхъ арабскихъ

---

[1]) См. объ обрядахъ хаджа въ соч. М. Миропіева «Религіозное и политическое значеніе хаджа» и пр. (Казань, 1877), стр 185—187; ср. разсказъ современнаго паломника Ишаева «Мекка, свящ. городъ мусульманъ» (Ташкентъ), стр. 18—19.

[2]) См. Рухуль-баянъ, Толков. на гл. 6, ст 138. Вмѣсто Абдуллы были принесены въ жертву 100 верблюдовъ.

[3]) См. соч. Машанова, стр. 434—441.

племенъ были въ почетѣ многіе другіе, менѣе извѣстные идолы [1]) и въ числѣ ихъ идолъ Манафа. Почитаемые древними арабами идолы, вѣроятно почти всѣ были заимствованы у сосѣднихъ народовъ, причемъ сами арабы едва ли ясно понимали ту религіозную идею, которую олицетворялъ каждый идолъ. При низшихъ вѣрованіяхъ человѣкъ не составляетъ себѣ какого-либо опредѣленнаго понятія о божествѣ. Когда мы желаемъ узнать, въ какомъ смыслѣ дикарь считаетъ божествомъ дерево или змѣю, мы задаемся вопросомъ, котораго дикарь никогда и не думалъ ставить себѣ (Леббокъ). Предки Мухаммеда недалеко ушли въ своемъ религіозномъ развитіи отъ современныхъ намъ язычествующихъ инородцевъ Россіи, которые имѣютъ также видимыя изображенія своихъ божествъ, совершаютъ предъ ними свои моленія и приносятъ имъ животныя жертвы, но при этомъ совсѣмъ не имѣютъ представленій о томъ, что—такое-то божество олицетворяетъ такое именно, а не другое религіозное понятіе. И способъ поклоненія древнихъ арабовъ предъ своими идолами также не представляетъ ничего отличительнаго, такъ какъ преклоненіе колѣнъ и поднятіе рукъ къ небу—символы общія у языческихъ народовъ, а обходы вокругъ идоловъ могутъ быть сближаемы даже съ древнимъ русскимъ хороводомъ. — Но достойно вниманія то обстоятельство, что древніе арабы не всегда одинаково почтительно обращались съ своими идолами: когда желанія и прошенія арабовъ неисполнялись, они теряли вѣру въ могущество идоловъ и грубо обращались съ ними, а иногда отказывались даже служить имъ. Такъ однажды передъ идоломъ Саадомъ испугались и разбѣжались верблюды, приведенные къ нему на благословеніе ихъ хозяиномъ. Тогда разсердившійся хозяинъ верблюдовъ бросилъ въ идола камнемъ и ска-

[1]) Машанова, стр. 450—459. Таковы: Авалъ, Агулъ, Азаръ, Асхамъ, Багимъ, Баджа, Баджаръ, Джалсадъ, Джибтъ, Джигаръ, Джобгатъ, Джурайшъ, Джалсадъ, Думья, Дзарихъ, Дзульхаляса, Дарибанъ, Дайзанъ и др.

залъ: „да не будетъ на тебѣ Божіе благословеніе: ты испугалъ моихъ верблюдовъ!“ Потомъ онъ собралъ верблюдовъ и сказалъ: „Мы пришли къ Сааду, чтобы онъ соединилъ насъ, но онъ разсѣялъ насъ: отъ Бога счастья нѣтъ намъ счастья [1]). Саадъ—не болѣе какъ пустынная скала, которая не заблуждаетъ и не приводитъ къ истинѣ“. Извѣстны также случаи, когда арабы, не получившіе удовлетворенія отъ своихъ идоловъ, оставляли ихъ и переходили въ христіанство или въ исламъ. Такъ, однажды къ идолу Аль Фульсу загнали верблюдицу съ пастбища, и прислужникъ не хотѣлъ возвратить ее. Но разыскивавшій пропавшую верблюдицу Маликъ, не взирая на угрозы стража при идолѣ, отвязалъ ее и угналъ. Послѣ того другой арабъ Ади-бенъ Хатимъ принесъ жертву тому же идолу и, узнавъ о дерзости Малика, ожидалъ, какое постигнетъ его наказаніе; когда же наказанія Малику не послѣдовало, Ади самъ пересталъ кланяться идолу Фульсу и принялъ христіанство [2]). Другой примѣръ: однажды двѣ лисицы забѣжали въ храмъ и осквернили находившагося тамъ идола, испустивъ на его голову урину. Стражъ этого храма произнесъ тогда: „Ужели Господь тотъ, на голову котораго испускаютъ урину лисицы?. По истинѣ, ничтоженъ тотъ, на котораго испустила урину лисица.... Солаймиты: Онъ (идолъ) не вредитъ и не приноситъ пользы, онъ не можетъ дать позволенія, не можетъ и воспрепятствовать“. Сказавъ это, стражъ храма разбилъ идола [3]). О знаменитомъ арабскомъ поэтѣ Амрулькайсѣ (500—540 по Р. Хр.), желавшемъ мстить за смерть своего отца, разсказываютъ, что онъ, когда вынулъ у Дзуль-Халясы стрѣлу, съ надписью „запретъ“, то разсердился на идола, переломилъ всѣ гадальныя стрѣлы и бросилъ ихъ въ голову идола, сказавъ: „Еслибъ у тебя былъ отецъ,

[1]) Имя идола Саадъ (سعد) на арабскомъ языкѣ означаетъ счастье.

[2]) Соч. Машанова, стр. 330. [3]) Pocock. p. 105.

и если бы его убили, то ты не запретилъ бы отомстить за него". При этомъ Амрулькайсъ выругался неприличными словами [1]). Извѣстенъ также случай, когда арабы племени Бену-Ханифа во время голода съѣли своего идола, сдѣланнаго изъ тѣста, не убоявшись дурныхъ послѣдствій—наказанія и мести своего долго чтимаго божества [2]). Еще одинъ примѣръ относится ко времени Мухаммеда, когда у Амра бенъ-Альджамура молодые приверженцы ислама ночью похитили идола Манату и бросили въ яму съ нечистотами. На утро Амръ огорчился и угрожалъ виновнымъ, а идола вымылъ и намазалъ благовоніями. На слѣдующую ночь съ идоломъ случилось тоже, и Амръ снова вымылъ своего идола и поставилъ на прежнее мѣсто. Но чтобы подобное безчестіе снова не постигло Манату, Амръ привѣсилъ на шею идола мечъ и сказалъ: „клянусь Богомъ! я не знаю, кто такъ поступаетъ съ тобою; но если ты что-нибудь узнаешь, то защищайся самъ: вотъ тебѣ мечъ!" Однако, на слѣдующую ночь приверженцы ислама сняли съ идола мечъ, а вмѣсто того привѣсили ему на шею мертвую собаку и въ такомъ видѣ бросили идола въ яму. Когда на утро Амръ узналъ объ этомъ, то склонился принять исламъ и уже послѣ того сложилъ про идола своего слѣдующіе стихи: „Клянусь Аллахомъ! Если бы ты былъ Богъ, то не лежалъ бы съ мертвой собакой въ ямѣ. Позоръ тому, кто обожаетъ тебя! Мы узнали тебя теперь, и насъ не обманутъ больше" [3]).

Приведенные факты напоминаютъ намъ полудикихъ кочевниковъ калмыковъ и сибирскихъ язычествующихъ инородцевъ, которые обильно намащаютъ носъ и ротъ

---

[1]) См. у Е. Н. Воронца: «Первоначально - богооткровенная истина единства Божія въ древней до-мухаммеданской религіи аравитянъ» стр. 110. Фактъ этотъ приводится многими европейскими оріенталистами.

[2]) Pocock. p. 106.

[3]) Ибнъ-Хишамъ, см. соч. Машанова, стр. 251—252.

своихъ идоловъ саломъ, кровью или масломъ, когда взываютъ къ нимъ о помощи, а когда эта помощь не получается и когда вообще прошенія язычниковъ не исполняются, тогда они сердятся, укоряютъ своего идола и даже наказываютъ нагайками. Естественно поэтому утверждать, что идолопоклонническій культъ древнихъ арабовъ стоялъ на низкой степени развитія [1]). Въ подтвержденіе этого взгляда приведемъ слѣдующее мѣсто изъ Корана: „Они (арабы) отлагаютъ для Бога часть изъ того, что производитъ Онъ на нивахъ ихъ и въ скотѣ ихъ, и говорятъ: это—Богу, а это—Его соучастникомъ, чтимымъ нами. Что назначено для соучастниковъ Бога, чтимыхъ ими, то не переходитъ къ Богу, а что назначено для Бога, то идетъ къ соучастникамъ, какихъ чтутъ они“ (6, 137). Толковники Корана объясняютъ этотъ стихъ въ томъ смыслѣ, что Богъ менѣе нуждается въ приношеніяхъ, чѣмъ низшія божества [2]).

Въ виду этого Мухаммедъ имѣлъ полное основаніе воскликнуть: „какъ неосновательны арабы въ своихъ сужденіяхъ!“ Такая неосновательность религіозныхъ представленій древнихъ арабовъ объясняется ихъ вѣрованіемъ, что идолы, т. е. олицетворяемыя ими божества служили посредниками между верховнымъ Богомъ (Аллахомъ) и человѣкомъ: „арабы, кромѣ Бога, поклоняются еще такимъ, которые ни вреда имъ сдѣлать не могутъ, ни пользы принести не могутъ; они говорятъ: идолы — ходатаи за насъ предъ Богомъ“ (10, 19; 39, 4). Таково было общее вѣрованіе язычествующихъ арабовъ; поэтому и самъ Мухаммедъ проговорился въ этомъ же смыслѣ, когда спорилъ съ корейшитами объ Аль-Латѣ, Аль-Уззѣ и Манатѣ. Можетъ быть, такой взглядъ на идоловъ былъ заимствованъ арабами

---

[1]) Подобные этимъ примѣры въ изобиліи приведены въ цитир. соч. Леббока, стр. 227 и слѣд.

[2]) См. Толкованіе Корана «Рухуль-баянъ».

отъ сабеистовъ, которые считали звѣзды и идоловъ ходатаями за людей предъ Верховнымъ Богомъ.

На ряду съ идолами, какъ видимыми изображеніями божествъ, ходатаевъ за людей предъ верховнымъ Богомъ, древніе арабы признавали бытіе существъ духовныхъ—ангеловъ и демоновъ. Ангеламъ многія арабскія племена поклонялись и считали ихъ дочерями Бога (17, 42; 37, 150; 43, 18; 53, 28), но вообще имѣли самыя смутныя представленія о нихъ, такъ что Мухаммедъ, знакомый съ ученіемъ евреевъ и христіанъ, имѣлъ право сказать, что у арабовъ нѣтъ знанія объ этомъ предметѣ, что они слѣдуютъ только мнѣнію, которое не можетъ нисколько замѣнить истины (53, 29). Очевидно, что вѣра въ ангеловъ была только отголоскомъ какого-нибудь иноземнаго вѣрованія, занесеннаго въ Аравію и не развилась на почвѣ ихъ родной миѳологіи. Гораздо опредѣленнѣе было вѣрованіе арабовъ въ демоновъ (джиннъ), какъ существъ, болѣе осязательныхъ для человѣческаго пониманія и болѣе близкихъ къ земной жизни человѣка. Въ этомъ пунктѣ арабы были самостоятельнѣе, подобно другимъ язычествующимъ народамъ, имѣющимъ свою демонологію. Арабскіе джинны, хотя были невидимы для обыкновенныхъ глазъ, но были матеріальны, могли принимать не только образъ человѣка, но и образъ животныхъ, звѣрей, пресмыкающихся, а также предметовъ и явленій физической природы. По вѣрованіямъ арабовъ, джинны раздѣлялись на нѣсколько классовъ [1]), жили большею частію въ безлюдныхъ мѣстахъ и причиняли людямъ вредъ; отгоняли скотъ съ пастбищъ, сбивали съ пути путешественниковъ, похищали новорожденныхъ дѣтей и иногда женщинъ. Разобщенность съ міромъ небесъ возбуждаетъ въ нихъ зависть, до-

[1]) Гуль, Ифритъ, Залянбуръ, Кутрабъ, Сафифъ и др. Объ Ифритѣ разсказано въ Коранѣ, что онъ служилъ Соломону и вызвался доставить ему престолъ Савской царицы, прежде чѣмъ Соломонъ встанетъ съ мѣста (гл. 27, ст. 39).

водящую ихъ до дерзкой мысли: подняться въ небесныя сферы и подслушать тайны Бога и ангеловъ; но стражи неба бросаютъ въ нихъ звѣздами и низвергаютъ ихъ въ море и на землю, а нѣкоторыхъ совсѣмъ сожигаютъ. Придавая нѣкоторую тѣлесность джиннамъ, арабы считали однихъ изъ нихъ джиннами мужескаго пола, а другихъ—джиннами женскаго пола. Джиннъ Залянбуръ имѣетъ особую спеціальность—производить раздоръ между мужемъ и женой. Джиннъ Дельхинъ, напоминающій своимъ именемъ дельфиновъ, живетъ на морскихъ островахъ. нападаетъ на корабли, оглушаетъ своимъ крикомъ пассажировъ и тогда овладѣваетъ ими.

По мнѣнію древнихъ арабовъ джинны были невидимыя существа, встрѣча съ которыми всегда была опасна для арабовъ, тѣмъ болѣе. что такія встрѣчи происходили въ пустынныхъ и темныхъ мѣстахъ и чаще ночью, чѣмъ днемъ. Слѣдовательно, вѣрованіе древнихъ арабовъ въ джинновъ не отличается существенно отъ вѣрованій разныхъ другихъ языческихъ народовъ въ злыхъ духовъ, противъ вліянія которыхъ язычникъ обычно обращался къ помощи чародѣевъ, что мы въ настоящее время видимъ у киргизъ, калмыковъ и др. шаманствующихъ инородцевъ Россіи. Самъ Мухаммедъ вѣровалъ во вредныя вліянія джинновъ и одно время боялся мысли, что его коснулся джиннъ и сдѣлалъ его бѣсноватымъ *(маджнунъ)*.

Мы оставляемъ въ сторонѣ ученіе о Шайтанѣ и Иблисѣ, такъ какъ ученіе о первомъ заимствовано изъ еврейскаго представленія о сатанѣ, а ученіе о послѣднемъ изъ христіанскаго представленія о діаволѣ. Точно также мы не говоримъ о раздѣленіи джинновъ на вѣрующихъ и невѣрующихъ, на добрыхъ и злыхъ, потому что такое дѣленіе принадлежитъ основателю ислама.

Что касается вѣрованія древнихъ арабовъ въ с у д ь б у, то мы не склонны думать, что они считали ее особымъ божествомъ; это вѣрованіе естественно вытекало изъ вѣры въ Бога и въ зависимость человѣка отъ

божества, что и доказывается разными гаданіями арабовъ, съ которыми они обращались къ разнымъ своимъ божествамъ, а также и тою неопредѣленностью понятія о судьбѣ, какъ ее представляли арабы. Вѣрованія въ судьбу указывало скорѣе на вѣру арабовъ въ могущество ихъ боговъ и въ предвѣдѣніе ихъ.

Въ заключеніе одно замѣчаніе относительно взгляда Ренана и др. на отношенія семитовъ къ идеѣ о божествѣ. По мнѣнію Ренана семиты не допускали въ представленіи своемъ о Богѣ какого-либо разчлененія и множественности, и поэтому семитическіе культы не отступали отъ древней патріархальной формы Богопочитанія и т. д. [1]). Въ виду изложенныхъ въ этой главѣ фактовъ дѣйствительнаго идолопоклонства и многобожія древнихъ арабовъ, означенное мнѣніе Ренана и его послѣдователей можно понимать и принимать только въ томъ смыслѣ, что семиты, какъ потомки Сима, сына Ноева, и въ частности арабы, какъ потомки Авраама, были болѣе хамитовъ предохранены отъ естественнаго соблазна идолопоклонствомъ сосѣднихъ народовъ, и когда они (семиты, и въ частности арабы) всетаки подпадали подъ такія вліянія, то въ ихъ сознаніи оставалось представленіе о Единомъ Богѣ (Алла-тааля), которое находилось въ полномъ противорѣчіи съ многобожническими представленіями тѣхъ же арабовъ. Справедливо замѣчаетъ Морицъ Каррьеръ, что Ренанъ слишкомъ налегъ на излюбленную имъ черту духа семитовъ и дошелъ до той, болѣе кажущейся, нежели дѣйствительной, противоположности, что будто бы арійцы—чисто многобожное, а семиты — единобожное племя..., что самая пустыня, окружающая арабовъ, единобожна: высокая въ неизмѣримомъ своемъ однообразіи, она

---

[1]) См. Histoire des langues semitiques. Ср. ст. проф. Хвольсона «Характеристика семитическихъ народовъ», а также Мор. Карьера, Шпренгера, Кремера и др.

открываетъ человѣку идею безконечнаго [1])... Разность между семитами и арійцами можно поэтому обозначить такъ, что среди первыхъ религіозное чувство рѣшительно поднялось отъ язычества къ единобожію и что въ самомъ даже язычествѣ замѣчалась у нихъ преобладающая наклонность къ единству [2])...

Но у тѣхъ же семитовъ идея божества соединялась не рѣдко съ обожаніемъ небеснаго свѣта, солнца, луны и звѣздъ, почему въ Коранѣ такъ часто и предостерегаются арабы отъ поклоненія этимъ свѣтиламъ.

Только при такомъ ограниченіи взгляда Ренана и др. можно помирить выводы современной науки о происхожденіи естественной религіи, представленные въ трудахъ Эд. Тэйлора, Рж. Леббока и др.

---

[1]) Этою мыслію увлекался и проф. Петровъ въ своихъ «Очеркахъ по всеобщей исторіи» (Магометъ).

[2]) Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеалы человѣчества. Т. I. Москва, 1870. Стр. 199 и слѣд.

VII.

ІУДЕЙСКІЯ И ХРИСТІАНСКІЯ СЕКТЫ, ИМѢВШІЯ ВЛІЯНІЕ НА УЧЕНІЕ КОРАНА [1]).

Въ Аравію, вслѣдствіе близости ея къ Сиріи и Палестинѣ, а также вслѣдствіе политическихъ и религіозныхъ распрей Персіи и Византіи, съ древнихъ временъ выселялись іудеи, персидскіе маги и разные христіанскіе сектанты [2]), такъ что ко времени Мухаммеда тамъ находились исповѣдники слѣдующихъ опредѣленно перечисленныхъ въ Коранѣ религій: еврейской,

---

[1]) При составленіи этой главы мы пользовались, кромѣ сочиненій на русскомъ языкѣ, извѣстнымъ трудомъ Шпренгера и малоизвѣстнымъ сочиненіемъ H. I. Bestmann'a: «Die Anfange des katholischen Christentums und des Islams». Nordlingen, 1884.

[2]) См. соч. свящ. А. Свѣтлакова: «Исторія іудейства въ Аравіи». Казань, 1875 г.; соч. А. Заборовскаго: «Мысли Аль-Корана, заимствованныя изъ христіанства». Казань, 1875 г.; соч. Н. Разумова: «Историческое значеніе Мухаммеда». Казань, 1876 г.; ст. Ильина: «Происхожденіе и характеръ ислама».—Преслѣдуемые въ предѣлахъ греческой имперіи духовною и свѣтскою властью, поражаемые анаѳемой на соборахъ и предаваемые гражданскому осужденію, еретики со всѣхъ сторонъ устремлялись въ Аравію, гдѣ не досягала до нихъ власть патріарховъ и императоровъ. Веріллъ, епископъ Бострскій, называлъ поэтому Аравію haereseon ferax.

христіанской, сабейской и огнепоклоннической [1]). Аравія, по своему изолированному географическому положенію и вслѣдствіе религіознаго индиферентизма коренныхъ своихъ обитателей, исповѣдовавшихъ языческую религію, давала возможность представителямъ чуждыхъ религій укрываться отъ правительственныхъ преслѣдованій и поселяться въ разныхъ мѣстахъ полуострова. Поселившись въ Аравіи, исповѣдники этихъ религій прямо и косвенно оказывали вліяніе на вѣрованія самихъ арабовъ и постепенно подготовляли почву для религіозной реформы, которую осуществилъ Мухаммедъ своею проповѣдью исключительнаго монотеизма (*таухидъ*).

Въ нашу задачу не входитъ подробное изложеніе историческихъ судебъ каждой изъ названныхъ религій въ Аравіи; намъ важно указать только, что іудейство и христіанство несомнѣнно имѣли вліяніе на появленіе и развитіе въ Аравіи ислама, который справедливо считается происшедшимъ отъ ихъ смѣси и притомъ въ искаженной формѣ. Съ этою цѣлью мы и назовемъ здѣсь нѣкоторыя іудейскія и христіанскія секты, ученіе которыхъ отразилось на ученіи Корана.

Таковы были: е с с е и. Они жили сначала въ населенныхъ мѣстахъ Палестины, но потомъ, желая удалиться отъ растлѣнныхъ городскихъ нравовъ, оставили первоначальное свое мѣстопребываніе и поселились въ пустынныхъ мѣстахъ по западному берегу Мертваго моря, на такомъ разстояніи отъ него, гдѣ ихъ не могла касаться губительная его атмосфера. Это было братство,

---

[1]) Коранъ, гл. 2, ст. 59; гл. 5, ст. 73; гл. 22, ст. 17. Огнепоклонники-маги переселились въ Аравію вскорѣ по завоеваніи Персіи Александромъ Македонскимъ. Послѣ того какъ онъ возстановилъ Вавилонскіе алтари, низверженные магами, Персія находилась подъ иноземнымъ игомъ, и послѣдователи Зороастра убѣгали отъ заразы идолослуженія въ Аравію и поселились тамъ въ провинціи Бахреинъ, какъ говоритъ объ этомъ Ганье, авторъ жизни Мухаммеда (Tom III, p. 114), и смѣшались съ арабами, какъ говоритъ Pocock (p. 146—150).

состоявшее во время Филона и I. Флавія изъ 4000 мужей. Не будучи такъ узко, какъ іудаизмъ, религіозное братство ессеевъ оказывало благотворное вліяніе на нравы и вѣрованія арабскихъ язычниковъ. На Востокѣ всегда соединялись въ такія братства люди съ восторженнымъ религіознымъ чувствомъ, и подобное явленіе тамъ можно встрѣтить еще и теперь. При скрытности и замкнутости, ессеи отличались мистическимъ направленіемъ. Суфи и дервиши, по мнѣнію Шпренгера, представляютъ собою подражателей древнихъ ессеевъ. Вступающій въ секту ессеевъ подвергался трехлѣтнему искусу и совершалъ *ежедневныя омовенія*. Собственно мистическое направленіе этой секты усматривается изъ того, что каждый членъ ея, предъ вступленіемъ въ братство, давалъ клятву подъ страхомъ смерти не сообщать постороннимъ ничего о дѣлахъ и вѣрованіяхъ своихъ собратовъ. Эта замкнутость и исключительность извѣстна и у мусульманскихъ суфіевъ. Такъ какъ ессеи удалялись отъ міра вслѣдствіе недовольства мірскими нравами и имѣли цѣлію очистить, исправить нравы людей, то ихъ братство находило поддержку во всѣхъ тѣхъ личностяхъ, которымъ не нравилась жизнь въ обыкновенномъ обществѣ. Люди, пресыщенные жизнію и утомленные, охотно переходили къ ессеямъ.

Ученіе ессеевъ не было самостоятельнымъ ученіемъ, а представляло смѣсь ветхозавѣтныхъ вѣрованій іудейскихъ съ египетскими, халдейскими и персидскими. Но для нашей цѣли достаточно отмѣтить только нѣкоторые пункты ихъ умозрительнаго ученія. Такъ, въ Богѣ, согласно съ ветхозавѣтнымъ ученіемъ, ессеи признавали единое, святое и праведное существо. Вмѣстѣ съ этимъ они питали особенное уваженіе къ солнцу. До его восхода они не говорили ни о чемъ мірскомъ, а самый восходъ привѣтствовали молитвами, дошедшими къ нимъ по преданію отъ отцевъ, какъ бы умоляя солнце, чтобы оно взошло и озарило ихъ небеснымъ свѣтомъ. Во время этихъ молитвъ ессеи обра-

щали свое лице къ солнцу. Съ вѣроятностію Неандеръ полагаетъ, что въ почитаніи солнца у ессеевъ отразился персидскій культъ солнца, и слѣды этого культа мы видѣли въ вѣрованіяхъ арабовъ. — Однимъ изъ главныхъ пунктовъ своего ученія ессеи считали ученіе объ ангелахъ, которое новопоступающіе обязывались хранить въ тайнѣ. Шпренгеръ говоритъ, что они признавали іерархію ангеловъ. Во всякомъ случаѣ, такъ какъ ессеи придавали этому ученію очень большое значеніе, то можно предполагать, что они были подобны Колосскимъ еретикамъ. По всей вѣроятности, ессеи считали ангеловъ единственными посредниками между Богомъ и людьми, и вмѣсто единаго истиннаго посредника поклонялись ангеламъ. Тоже было и у язычниковъ арабовъ. На іерархію ангеловъ намекается и въ Коранѣ, когда говорится, что Богъ повѣсилъ на небо звѣзды, чтобы онѣ не пускали демоновъ слушать, что дѣлается въ верховномъ собраніи ангеловъ (37, 8).—Ессеи не считали Бога единственнымъ міроправителемъ, но вмѣстѣ съ Нимъ еще допускали участіе судьбы. Ученіе о судьбѣ, какъ извѣстно, довольно ясно выражено и въ Коранѣ [1]). — Относительно души человѣческой ессеи держались ученія о ея предсуществованіи и безсмертіи, утверждая, что душа сотворена была прежде тѣла изъ тончайшаго эѳира и заключена въ тѣло, какъ въ темницу. Ученіе о предсуществованіи душъ извѣстно и у талмудистовъ, и въ Коранѣ [2]). Основатель ислама могъ, слѣдовательно, встрѣтиться съ этой мыслью въ Аравіи. — По смерти тѣла, по мнѣнію ессеевъ душа освобождается изъ своей темницы и улетаетъ на небо, чтобы наслаждаться безсмертіемъ; тѣло же разрушается. Праведники, по вѣрованію ессеевъ, будутъ пользоваться вѣчною жизнію по ту сторону океана, въ прекрасной странѣ, гдѣ ихъ

---

[1]) См. гл. 17, ст. 14; гл. 27, ст. 48 и многочисленныя мѣста о предопредѣленіи.

[2]) Гл. 7, ст. 171.

не будетъ безпокоить ни дождь, ни снѣгъ, ни зной и гдѣ постоянно будетъ освѣжать ихъ тихій вѣтерокъ моря. Грѣшники же, напротивъ, будутъ поселены въ пустомъ мѣстѣ, гдѣ царитъ холодъ и мракъ и гдѣ они будутъ мучимы постоянно разными муками. Въ этомъ, по мнѣнію Шпренгера, заключается зародышъ талмудическаго и кораническаго ученія о загробной жизни.

Что касается до внѣшняго богопочитанія ессеевъ, то они хотя и не посѣщали Іерусалима, но почитали Іерусалимскій храмъ священнымъ и посылали въ него дары. Мухаммедъ также почиталъ Іерусалимскій храмъ, и одно время совѣтывалъ обращаться въ сторону Іерусалима во время молитвъ (Коранъ, гл. 2, ст. 140, 143 и 172).

Какъ обыкновенно бываетъ въ мистическихъ сектахъ, у ессеевъ, вмѣстѣ съ стремленіемъ къ служенію Богу духомъ, было большое пристрастіе къ мелочной обрядности, чѣмъ они превосходили даже фарисеевъ. Въ своемъ рвеніи они выдумали легенду, будто бы Богъ, чтобы испытать іудейскихъ рыболововъ въ Айлѣ, устроилъ такъ, что въ продолженіи цѣлой недѣли не показывалось никакой рыбы, а только въ субботу. Рыболовы соблазнились нарушить покой дня Господня и забросили сѣти въ субботу, но были превращены за это въ свиней и обезьянъ. Легенда эта передается и въ Коранѣ (Коранъ, гл. 5, ст. 63). Ессеи приписывали особенное освящающее дѣйствіе омовенію холодной водой и омывались при всякомъ случаѣ, когда считали себя осквернеными. Въ Коранѣ также предписываются омовенія: „Вѣрующіе! не приступайте къ молитвѣ, когда вы пьяны такъ, что не понимаете того, что говорите; ни тогда, когда бываете осквернены истеченіемъ во время сна, покуда не омоете всего тѣла“ (Коранъ, гл. 4, ст. 46. Ср. гл. 5, ст. 8–9). Ессеи питали отвращеніе не только къ пищѣ, приготовленной не ессеемъ, но и ко всему неессейскому; такъ и въ Коранѣ заповѣдуется нетерпимость въ отношеніи немусульманъ, хотя бы то были отцы, братья, дѣти и

вообще родственники (Коранъ, гл. 58, ст. 22; ср. гл. 4, ст. 143; гл. 5, ст. 36; гл. 60, ст. 13).

Одновременно съ ессеизмомъ въ Аравіи нашла себѣ вѣрное пристанище христіанская секта евіонитовъ, происшедшая изъ тѣхъ же самыхъ религіозныхъ факторовъ, которые произвели и ессеизмъ, изъ стремленія преобразовать іудейство.

Именемъ евіонитовъ называются въ исторіи церкви еретики іудейскаго направленія. Ученіе евіонизма изъ Іерусалима распространилось въ восточной Іорданской странѣ, въ Пеллѣ, откуда перешло на югъ и укрѣпилось среди моавитянъ. Св. Епифаній указываетъ точнѣе мѣстопребываніе евіонитовъ, именно къ востоку отъ Мертваго моря. Они дѣлились на нѣсколько группъ, но всѣ вмѣстѣ имѣли общимъ отрицаніе существеннаго различія между ветхимъ и новымъ завѣтами, между іудействомъ и христіанствомъ. При этомъ они особеннымъ своеобразнымъ образомъ представляли себѣ соединеніе Божественнаго начала въ лицѣ Іисуса Христа съ человѣческою Его природою. Да и въ самомъ ученіи евіонитовъ о Божественномъ началѣ въ І. Христѣ нѣтъ ничего сходнаго съ ученіемъ объ Ипостаси Сына Божія: Сынъ Божій никогда не достигаетъ у нихъ равенства съ Іеговою и единства съ Нимъ по существу.

Принимая во вниманіе различіе въ воззрѣніи послѣдователей евіонизма на Лицо Христа Спасителя, ихъ обыкновенно дѣлятъ на три главныя группы: назореевъ, керинѳіанъ и елкезаитовъ.

Имя „назореи“ было сначала, по всей вѣроятности, какъ думаютъ Дорнеръ и Неандеръ, общимъ названіемъ христіанъ въ Палестинѣ и только впослѣдствіи стало употребляться для означенія особой секты. Эти сектанты — іудействующіе еретики, смотрѣли на Іисуса Христа, какъ на простого человѣка, только чудесно рожденнаго отъ Дѣвы Маріи и принимали полное Евангеліе отъ Матѳея, не отвергая и двухъ первыхъ его главъ. Апостола Павла они считали вѣроотступни-

комъ [1]). Во время крещенія Іисуса въ Іорданѣ, на Него, какъ на человѣка, сошла особенная Божественная сила, и чрезъ это Онъ сдѣлался Мессіей и Сыномъ Божіимъ. Вообще они отвергали не только ученіе о воплощеніи Бога Слова, но и ученіе о искупленіи, а считали Іисуса Христа величайшимъ и послѣднимъ изъ пророковъ, на которомъ почивала Шехина, сила, по частямъ дѣйствовавшая въ древнихъ пророкахъ (Іезекіиль 2, 1).

Керинѳъ, современникъ Іоанна Богослова, по свидѣтельству св. Иринея, училъ, что основаніе и причина высокаго достоинства человѣка Іисуса заключается единственно въ Его праведности, въ личныхъ нравственныхъ заслугахъ. Рожденный естественнымъ образомъ отъ Іосифа и Маріи. Іисусъ сначала не былъ Христомъ, но потомъ превзошелъ всѣхъ другихъ людей добродѣтелями, мудростію и справедливостію, такъ что Христосъ-Логосъ Самъ сошелъ на Него во время крещенія. Теперь Ійсусъ сталъ проповѣдывать невѣдомаго Бога и творить чудеса, и именно эта проповѣдь, а не искупленіе и примиреніе человѣка съ Богомъ, была единственнымъ предметомъ Его дѣятельности. Мухаммедъ также говоритъ отъ лица Божія въ Коранѣ: „вслѣдъ другихъ пророковъ Мы послали Іисуса, сына Маріи..." (гл. 5, ст. 30). Потомъ Онъ былъ укрѣпленъ Духомъ Божіимъ, наученъ Писанію, Мудрости, Закону, Евангелію (гл. 5, ст. 109—110; гл. 2, ст. 81 и 234).

Самую развитую форму евіонизма представляла секта елкезаитовъ, которая систематически развила и снабдила всѣми средствами тогдашней науки все составляющее характеристическую особенность іудейскаго пониманія христіанскаго откровенія.

Монотеизмъ въ іудейскомъ смыслѣ, отрицаніе Божественнаго достоинства Іисуса Христа и вмѣстѣ съ

---

[1]) Враждебный взглядъ на ап. Павла, безъ сомнѣнія, перешелъ къ мусульманамъ отъ древнихъ временъ.

тѣмъ утвержденіе тождественности христіанскаго и Моисеева ученія,—все это мы находимъ и въ Коранѣ: „По слѣдамъ другихъ пророковъ, Мы послали Іисуса сына Маріи для *подтвержденія пятокнижія*. Мы дали Ему Евангеліе, которое подтверждаетъ пятокнижіе“ [1]).

Съ раннихъ поръ елкесаиты имѣли книгу, въ которой подробно развивалось ихъ вѣроученіе. По свидѣтельству Оригена, они говорятъ о своей книгѣ *будто она была ниспослана имъ съ неба*. Мухаммедъ также училъ о своемъ Коранѣ; что онъ—слово Божіе [2]), откровеніе Божіе [3]), записанное въ небесной книгѣ [4]) ниспосланный ему (Мухаммеду) при посредствѣ ангела Гавріила [5]).

Основная идея „Климентинъ“ состоитъ въ признаніи перворелигіи, происходящей изъ Божественнаго Откровенія, общей для іудейства и христіанства. Авторъ убѣжденъ въ необходимости откровеній. „Мы нуждаемся въ учителѣ, говоритъ онъ; и только тотъ, кто не имѣетъ нужды отыскивать истину, кто знаетъ её отъ живущаго въ немъ высшаго духа, который выше всякаго незнанія и сомнѣнія, только такой человѣкъ можетъ открывать истину другимъ. Только человѣкъ, въ которомъ воплотился Христосъ, можетъ быть пророкомъ“.

При этомъ важно замѣтить, что авторъ Климентинъ не придавалъ страданіямъ Іисуса никакого значенія. По его мысли, каждый человѣкъ долженъ отвѣчать самъ за себя и самъ себя искуплять. Такъ и въ Коранѣ читаемъ: „Богъ не налагаетъ никакой душѣ бремени выше ея силъ. Что душа сдѣлаетъ, то употребится для нея или противъ нея (2, 286). Никакая душа, обремененная своею тяжестію, не понесетъ ее для другой; а если слишкомъ обремененная душа попро-

---

[1]) Гл. 5, ст. 50. [2]) Гл. 2, ст. 70; гл. 9, ст. 6; гл. 48, ст. 15. [3]) Гл. 21, ст. 46; гл. 53, ст. 4. [4]) Гл. 13, ст. 39; гл. 56, ст. 76—77. [5]) Гл. 2, ст. 91; гл. 81, ст. 19—21.

ситъ облегчить ее отчасти, то ей этого не будетъ даже отъ своего ближняго“ (35, 19).

Первымъ пророкомъ по Климентинамъ былъ первый человѣкъ—Адамъ.— Не было нужды ни въ какомъ другомъ пророкѣ, если бы откровенія, переданныя Адамовымъ дѣтямъ, не были искажены. Но такъ какъ это первое откровеніе, которое должно было распространяться чрезъ живое слово отъ поколѣнія къ поколѣнію, постоянно искажалось чрезъ примѣсь къ нему ложныхъ преданій, порожденныхъ злымъ началомъ потомства Евы, то для возстановленія первоначальныхъ откровеній явилась необходимость въ новыхъ откровеніяхъ, для исправленія этихъ искаженій: и это былъ тотъ перводухъ человѣчества, вѣчная идея человѣка, которая, начиная съ Адама, воплощалась въ разныхъ лицахъ и являлась подъ разными именами: Еноха, Ноя, Моисея и под. Такъ и по ученію ислама, первымъ пророкомъ былъ первый человѣкъ Адамъ „первый наученный религіи Самимъ Богомъ“, за нимъ слѣдовалъ длинный рядъ пророковъ, законченный Мухаммедомъ. При этомъ, Адамъ, Ной, Моисей, Іисусъ, называемые въ Климентинахъ пророками истины, и въ Коранѣ являются главными пророками, возстановителями первой религіи. Чтобы видѣть, какъ Мухаммедъ понялъ ученіе Климентинъ объ источникѣ откровенія, считая этимъ источникомъ небесный первотекстъ, достаточно показать, что всѣ священныя книги онъ считалъ списками, копіями небесной книги „Матери книгъ“, которыя даваемы были нѣкоторымъ пророкамъ. Эти нѣкоторые пророки—тѣ же самые, которые въ Климентинахъ называются истинными пророками: Адамъ, Енохъ, Ной, Авраамъ, Моисей, Іисусъ. Объ Авраамѣ въ Коранѣ говорится, что ему даны были свитки откровенія; Моисею дана была книга Тауратъ (пятокнижіе); Іоанну Крестителю она была сообщена духовно, когда онъ былъ еще дитятей (19, 13); Іисусъ также, будучи еще дитятей, провозгласилъ въ колыбели и при посредствѣ чудесной силы могъ сказать: „Богъ далъ мнѣ книгу и назначилъ меня пророкомъ“ (19, 30–31).

Авторъ Климентинъ былъ увѣренъ, что въ пятокнижіе вкрались ошибки при переписываніи списковъ его и потому нельзя было изъ всего содержанія пятокнижія отличить истинное слово Божіе. И въ Коранѣ не одинъ разъ упоминается о томъ, что іудеи пользовались пятокнижіемъ для своихъ цѣлей и искажали его [1]).

Взгляды на пророчество автора Климентинъ вполнѣ напоминаютъ взгляды на тотъ же предметъ, изложенные въ Коранѣ. По Клементинамъ пророки, при участіи духа, возвѣщали истину въ простыхъ ясныхъ словахъ, причемъ не было мѣста религіозному энтузіазму, экстатическому состоянію духа пророка, какъ это встрѣчается въ Александрійско-іудейскомъ ученіи, по которому пророкъ, подъ вліяніемъ силы одушевляющаго его высшаго духа, возвѣщалъ гораздо больше того, чѣмъ самъ онъ могъ постичь. На истинныхъ пророковъ нельзя распространять тѣхъ особыхъ душевныхъ состояній, какія встрѣчаются у языческихъ мантиковъ и языческихъ оракуловъ. Такъ и въ Коранѣ Богъ говоритъ относительно Мухаммеда: „Мы не учили его поэзіи, да она и не прилична ему, а это откровеніе есть ничто иное, какъ только наставленіе и явный Коранъ“ [2]). При этомъ возможно предположеніе, что авторъ Корана могъ съ полнѣйшею искренностью выдавать проповѣдуемое имъ ученіе за Божіе вдохновеніе. Мухаммедъ вѣрилъ, кромѣ того, въ первоначальную религію, открытую Адаму, которую онъ. Мухаммедъ, возстановилъ среди своихъ современниковъ: онъ былъ печатью пророковъ (гл. 33, ст. 40), то есть послѣднимъ пророкомъ. Слушатели Мухаммеда не соглашались съ его ученіемъ и требовали отъ него внѣшнихъ дока-

---

[1]) Гл. 2, ст. 73; гл. 3, ст. 72; гл. 4, ст. 48; гл. 5, ст. 16.

[2]) Глав. 36, ст. 69 и др. Въ особенности нужно имѣть въ виду оправданія Мухаммеда, что онъ не былъ ни чародѣй, ни гадатель, ни подверженный вліяніямъ злаго духа (джинна), ни изступленный, ни очарованный.

зательствъ—чудесъ, но онъ прямо заявлялъ, что даръ чудесъ не данъ ему Богомъ и что его Коранъ—чудо (гл. 29, ст. 49—50).

На югѣ Аравіи, въ Еменѣ, въ главныхъ пунктахъ торговаго пути, какъ напримѣръ: въ Наджранѣ, были іудейскія колоніи. Отрѣшенные отъ живыхъ сношеній съ родиной, іудеи легко и скоро вступали здѣсь въ связь съ родственными имъ по происхожденію арабами. Но дѣйствительному соединенію арабовъ съ іудеями препятствовали здѣсь особенныя традиціи и племенное устройство арабовъ. На сѣверѣ Аравіи, гдѣ былъ главный городъ Петра, нѣкоторыя іудейскія племена, должно быть уже давно отдѣлившіяся отъ родины, вполнѣ видоизмѣнились по арабски: они стали подъ покровительство арабскихъ племенъ, мыслили, чувствовали и сочиняли какъ арабы. Какъ главные населенные пункты, здѣсь выдѣлялись города: Ятрибъ, Медина и Хайбаръ, а изъ главныхъ племенъ были извѣстны: Бяну Кайнука, Бяну Курайза и Бяну Харысъ. Бяну Курайза въ Хайбарѣ состояло изъ 6000 способныхъ къ оружію мужей. Далѣе извѣстны Кинаниты и Киндиты.

Іудеи, какъ носители откровенія, равно какъ и сирійцы на сѣверо-западѣ и сѣверо-востокѣ Аравіи, и набатеи считались въ то же время представителями культуры и образованія. Въ Мединѣ они занимались золотыхъ дѣлъ мастерствомъ.

Понятно, что при такомъ близкомъ сосѣдствѣ между іудеями и арабами неизбѣжны были религіозныя сношенія, бесѣды и споры, причемъ невольно происходилъ обмѣнъ историческими сюжетами для разсказовъ. Даже кажется вѣроятнымъ, что іудеи приспособляли нѣкоторые свои разсказы къ разсказамъ арабовъ, а равно можно допустить, что ради іудеевъ въ Каабѣ находилось изображеніе Авраама. Неудивительно, что іудейскія ожиданія Мессіи перешли и къ арабамъ.

Но обрядовые законы іудеевъ относительно чистаго и нечистаго, относительно жертвъ и священниковъ не могли перейти къ арабамъ, такъ какъ эти законы были составлены для Палестины. При томъ іудеи съ 70-го года христіанской эры держались вдали отъ всѣхъ инородныхъ обычаевъ; свою Библію и свои преданія считали неизмѣняемымъ канономъ, а въ такомъ случаѣ нельзя было и думать о компромиссѣ ихъ съ арабами въ этомъ пунктѣ. Никогда не могъ бы раввинъ поступить по-братски съ арабскимъ кахиномъ (жрецомъ).

Неуклонная стойкость іудейскихъ формъ жизни и правилъ бросается въ глаза особенно въ тотъ моментъ, когда раввины съ однимъ изъ послѣднихъ туземныхъ тобба [1]), Асадомъ, отправились на югъ и создали вполнѣ іудейское государство тамъ, гдѣ уже давно было христіанство. Здѣсь ни христіане, ни арабы не встрѣтили раввиновъ дружелюбно; напротивъ іудеи встрѣтили здѣсь противодѣйствіе, которое, по легендѣ, тобба могъ прекратить только согласившись подвергнуться Божію суду. Раввины явились со свитками Торы на шеѣ и мужественно шли къ огню, выходившему изъ рва, наполненнаго кострами. И доказательствомъ того, что ихъ сила далеко превосходитъ силу другихъ чародѣевъ, служило то, что огонь отступилъ отъ раввиновъ, имѣвшихъ на шеѣ Тору. Такимъ образомъ въ фантазіи народа іудеи заняли мѣсто представителей силы сверхъестественной, недосягаемой для обыкновенныхъ смертныхъ. При всемъ томъ, іудеи не могли сблизить арабовъ съ религіей ветхаго завѣта. Только мечемъ могъ Дзу-Навасъ провести предпріятія раввиновъ, какъ говорятъ, хотя и послѣ этого принявшіе іудейство арабы не исполняли никакихъ заповѣдей Торы, кромѣ законовъ о пищѣ. Когда же Дзу-Наваса не стало, исчезли слѣды іудейской религіи въ Еменѣ.

---

[1]) Титулъ Семенскихъ королей.

Но христіанство, напротивъ, осталось тамъ до временъ Мухаммеда. Какъ это случилось, трудно сказать, но, навѣрно, не такимъ образомъ, какъ объ этомъ разсказываетъ позднѣйшая арабская легенда. Она говоритъ, будто бы одинъ сирійскій христіанинъ, Феллонъ, проданный въ рабы въ Наджранъ, почти безъ всякихъ усилій посѣялъ сѣмя христіанства между южно-арабскимъ народомъ. Бо́льшаго вѣроятія заслуживаетъ извѣстіе о томъ, что Θеофилъ индіецъ во время Константина Великаго нашелъ уже въ южной Аравіи христіанъ, которымъ онъ долженъ былъ дать внутреннее устройство. Онъ при этомъ не встрѣтилъ затрудненія, почему можно предполагать, что византійское христіанство, представителемъ котораго былъ Θеофилъ, находилось въ коренномъ родствѣ съ южно-арабскимъ христіанствомъ. Если принять это, то можно предполагать, что христіанство проникло въ Аравію изъ Абиссиніи, съ которой съ давнихъ поръ южная Аравія имѣла сношенія и которая съ IV-го столѣтія господствовала надъ южной Аравіей. Позднѣе самъ Мухаммедъ считалъ христіанскую вѣру Еменскою; ему были извѣстны нѣкоторыя аббиссинскіе разсказы (ср. гл. 19) и религіозные обычаи, и онъ старался поддержать сношенія именно съ этой страною, когда первые его вѣрующіе не могли больше оставаться въ Меккѣ. По отношенію къ Коптамъ Мухаммедъ никогда не скрывалъ своего сочувствія; одна изъ его женъ была коптская христіанка. И когда ему пришло на умъ, что можно будетъ завоевать Египетъ, онъ рекомендовалъ завоевателямъ помягче обращаться съ египтянами, какъ съ своими естественными родственниками. Во всемъ этомъ скрывается первоначальная связь ислама съ южно-арабскимъ христіанствомъ. Хотя іудействующіе сперва распространили здѣсь евіонитство, все таки нужно предполагать, что императорскія вѣянія съ африканскаго материка подавили евіонитскія вліянія. Миссія Θеофила несомнѣнно имѣла сходство съ миссіей Фрументія.

Но какъ только религія ислама и государственный строй въ Аравіи стали солидарны, то надежда на обращеніе въ христіанство южной Аравіи исчезла. Для христіанства здѣсь недоставало очень существенныхъ условій. Въ Еменѣ, черезъ который проѣзжали купцы запада и востока, исчезла связь съ остальной, болѣе суровой и болѣе крѣпкой частью Аравіи. А послѣ утвержденія ислама въ Меккѣ и Мединѣ между сѣверомъ и югомъ Аравіи не могло быть настоящаго согласія. Да и не могъ болѣе развитой въ культурномъ отношеніи югъ когда-либо дать сѣверу болѣе духовную религію. Гордость бедуина, какъ некультированнаго жителя Хиджаза, всегда удерживала его принять такое подаяніе изъ рукъ изнѣженнаго жителя южнаго морского берега. Къ этому еще присоединилась внѣшняя судьба христіанской церкви въ южной Аравіи. Какъ вездѣ, такъ и тамъ христіанская церковь отличалась административнымъ устройствомъ; въ Наджранѣ, Зафарѣ, Аденѣ и Хормузѣ существовали четыре епископіи, епископы которыхъ поддерживали всѣми мѣрами союзъ съ Абиссиніей. Когда поэтому Дзу-Навасъ, опираясь на іудейскую религію, хотѣлъ освободить южно-арабскія племена отъ эѳіопскихъ гостей, то встрѣтилъ рѣшительное сопротивленіе со стороны христіанъ въ Наджранѣ. Онъ съ семитской жестокостью и коварствомъ старался поэтому искоренить христіанство; но это имѣло только временный успѣхъ. Эѳіопы пришли на другое мѣсто, и іудейское государство было разрушено. Эѳіопъ Абраха, служившій раньше военачальникомъ негуса, сталъ домогаться устроить здѣсь государство, предлагая только номинальное подданство негусу; но этотъ христіанскій правитель южной Аравіи вступаетъ въ сношенія съ Юстиніаномъ, который здѣсь, на югѣ, надѣялся причинить затрудненія персамъ. Абраха направился на сѣверъ, чтобы расширить свое государство. Даже возможно, что онъ этимъ прямо хотѣлъ угодить противоперсидскимъ внушеніямъ византійцевъ. Во всякомъ случаѣ походъ его направленъ

былъ противъ центра языческой Аравіи, Мекки. Собираясь завоевать ее и тамошній храмъ разрушить, онъ самъ сдѣлался добычей коварной судьбы: оспа уничтожала его войско, и онъ долженъ былъ возвратиться домой, не сдѣлавъ ничего,—около 570 г. Этотъ фактъ окончательно разрушилъ миссію христіанства въ Аравіи. Не будучи въ состояніи освободиться отъ византійской политики, оно лишилось своего историческаго призванія среди арабовъ. Въ одной старой пѣснѣ это пораженіе абиссинцевъ восхваляется, какъ побѣда ханифитской религіи.

Въ самомъ дѣлѣ и тогда уже существовали начала христіанства въ Меккѣ, которое пришло съ сѣвера. По легендарному сказанію о Феміонѣ, которому приписывается основаніе южно-арабскаго христіанства, онъ проходилъ однажды во время своихъ странствованій по Сиріи мимо дерева, подъ которымъ стоялъ человѣкъ, очевидно дожидавшійся его. „Я давно уже ожидалъ тебя сказалъ этотъ человѣкъ, и всегда думалъ, когда же ты придешь, какъ наконецъ услыхалъ твой голосъ. Тогда я узналъ, что это ты. Теперь не ходи дальше, пока ты не помолишься на моей могилѣ“. И сиріецъ тотчасъ умеръ.

Этотъ короткій, но трогательный разсказъ, можетъ быть, и представляетъ картину гибели іудействующаго христіанства при появленіи ислама.

Арабскій писатель Ибнъ-Кутейба разсказываетъ, что рабіиты, гассаниды и часть хузаитовъ исповѣдывали христіанство, а іудейство исповѣдывали химьяриты, кинаниты, каабиты и киндиты; магизмъ процвѣталъ у тамимитовъ, а зендекизмъ исповѣдывали корейшиты, заимствовавъ его изъ Харраха. Зендекизмъ обозначалъ собственно манихейство, но затѣмъ сталъ употребляться въ общемъ смыслѣ и обозначалъ вообще сектантовъ. Съ другой стороны названіе Харрахъ должно быть обозначало просто городъ Ханифовъ. Обмѣнъ произведеній почвы, торговля, не мыслима у народовъ, которые существенно не отличаются между

собою въ умственномъ отношеніи. Поэтому легко понять, что съ ханифитствомъ первые познакомились корейшиты, жившіе торговлею, въ гнѣздѣ еретиковъ Харрахѣ, вообще въ сѣверной Сиріи. Ханифиты были сирійскіе христіане, которые получили свое начало отъ іудейскаго христіанства. Въ то же время ихъ именемъ старались прикрываться персидскіе національные христіане, манихеи. Корейшиту Мухаммеду и эти страны были извѣстны: живо онъ помнилъ о Габіэ въ Харрахѣ; глубокое впечатлѣніе произвелъ на него Іерусалимъ, которымъ онъ восхищался еще въ Мединѣ; укрѣпилась также въ памяти его страна двухъ рѣкъ. Когда-то онъ точно и подробно описывалъ королевскіе замки Мадайна, т. е. Селевкіи и Ктезифона. Значитъ, онъ, навѣрно въ своей молодости, былъ и тамъ съ караванами своего племени. Тогда то увлекался онъ сабійствомъ, точно также, какъ и всякій другой корейшитъ. Въ его семействѣ были исповѣдники христіанства; это было навѣрно то самое еретическое христіанство сирійцевъ, которому онъ предавался въ Меккѣ. Его дядя Варака видѣлъ въ немъ будущаго пророка. Между его первыми друзьями мы находимъ одного Шаммаса, должно быть исповѣдующаго ту религію, которая особенно хвалилась божественной службой и относилась враждебно къ представителямъ какой-либо иной церковной іерархіи. Превосходство христіанскихъ идей надъ арабскимъ языческимъ міросозерцаніемъ было такъ велико, что, нужно полагать, число христіанъ-еретиковъ въ Аравіи было довольно значительно.

Скептическое настроеніе нѣкоторыхъ арабовъ по отношенію къ своей религіи выясняется изъ слѣдующаго разсказа Ибнъ Хишама [1]): въ одинъ изъ празд-

---

[1]) Абу-Мухаммедъ Абдулъ-Маликъ Ибнъ Айюбъ арабскій ученый изъ Басры. Онъ обработалъ жизнеописаніе Мухаммеда, составленное Ибнъ-Исхакомъ (ум. въ 768 г.) изд. Вюстенфельдомъ въ 1858—1860 гг. Перевед. на нѣм. яз. Вейлемъ въ 1864 году. Ибнъ Хишамъ умеръ въ 833 г. въ Каирѣ.

никовъ, посвященныхъ одному почитаемому идолу, собралось много корейшитовъ, которые передъ этимъ идоломъ приносили жертвы и совершали свои торжественные обходы вокругъ идола, какъ это бывало ежегодно. При этомъ четыре араба держались вдали отъ сборища: Варака бенъ Науфалъ, Абдулла бенъ Хаджашъ, Османъ бенъ Альховайритъ и Зяйдъ бенъ-Амръ, бенъ Нафайль. Каждый изъ нихъ говорилъ своему товарищу: „истинно, нашъ народъ потерялъ правую вѣру. Религія Авраама измѣнена. Къ чему намъ „камень“, который не слышитъ, не видитъ, не можетъ ни вредить, ни пользы приносить“. Послѣ этого они разошлись по разнымъ странамъ, чтобы найти истинную вѣру Авраама.

Варака, вслѣдствіе своихъ связей съ евреями и христіанами, среди которыхъ онъ постоянно вращался, превосходилъ своихъ товарищей энергіей и послѣдовательностью мышленія. Отъ евреевъ онъ часто слышалъ объ имѣющемъ явиться Мессіи, посланникѣ Божіемъ, который спасетъ евреевъ и очиститъ старую вѣру; многіе іудействующіе христіане говорили ему въ томъ же смыслѣ, и Варака былъ глубоко убѣжденъ, что этотъ посланникъ произойдетъ изъ арабовъ. Существуетъ указаніе, что Варака подъ конецъ жизни своей принялъ христіанство, прилежно изучилъ ветхій завѣтъ и часть Евангелія перевелъ на арабскій языкъ. Османъ бенъ Аль-ховайритъ, двоюродный братъ Вараки, за свою храбрость былъ глубоко уважаемъ своими современниками; но это была слишкомъ глубокая натура, чтобы довольствоваться своей славой и удовлетвориться безсмысленной вѣрой арабовъ. Такимъ образомъ онъ тоже отправился путешествовать и, какъ говорятъ, также перешелъ въ христіанство. Абдулла, владѣвшій въ Меккѣ большими помѣстьями, хотя только съ материнской стороны принадлежалъ къ корейшитамъ, но также пользовался большимъ почетомъ среди нихъ. Однако его исканія истинной вѣры остались къ его глубокому огорченію безуспѣшными, и онъ не могъ

придти ни къ какому рѣшительному убѣжденію. Но когда Мухаммедъ выступилъ пророкомъ, Абдулла полагалъ, что нашелъ столь давно и тщетно искомую истину и тотчасъ послѣдовалъ за Мухаммедомъ. Впослѣдствіи онъ оставилъ исламъ и перешелъ въ христіанство. Наконецъ четвертый изъ названныхъ арабовъ, Зяйдъ бенъ Амръ, двоюродный братъ Омара (впослѣдствіи Халифа), также хотѣлъ отправиться путешествовать съ цѣлью разысканія истины, но родной его дядя Аль-Хаттабъ (отецъ Халифа Омара) упорный послѣдователь меккскаго политеизма, узнавъ о намѣреніи своего племянника (которое глубоко презиралъ), принялъ всѣ находившіяся въ его распоряженіи мѣры, чтобы помѣшать Зяйду. Поэтому, какъ ни старался Зяйдъ, Аль-Хаттабъ всегда умѣлъ останавливать его, и Зяйдъ былъ вынужденъ оставаться въ Меккѣ. Но у Зяйда было слишкомъ глубоко желаніе найти истинную вѣру. Онъ ежедневно отправлялся къ Каабѣ и тамъ молился о просвѣщеніи его ума и сердца. Прислонившись спиной къ стѣнѣ меккской святыни (Кааба), онъ предавался религіозному размышленію и постоянно восклицалъ: „Боже! Еслибъ я зналъ, какъ Тебѣ служить и молиться, я бы былъ послушнымъ Твоей волѣ; но я не знаю“... Зяйдъ не могъ примириться ни съ вѣрой евреевъ, ни съ вѣрой христіанъ, и путемъ собственнаго размышленія искалъ ту вѣру, которую, по его мнѣнію, исповѣдывалъ Авраамъ. Поэтому онъ составилъ собственную религіозную систему, главнымъ догматомъ которой было единство Божіе. Онъ энергично боролся противъ многобожія и безнравственныхъ поступковъ своихъ согражданъ, какъ напримѣръ, противъ обычая ихъ хоронить заживо своихъ малолѣтнихъ дочерей, чтобы избавиться такимъ образомъ отъ заботъ по воспитанію ихъ. Бодро выступалъ онъ противъ господствовавшаго въ Меккѣ суевѣрія и безвѣрія и вѣроятно имѣлъ большое вліяніе на своихъ согражданъ. Только этимъ можно объяснить, почему Аль-Хаттабъ нашелъ нужнымъ удалить

своего племянника изъ Мекки, отведя его на гору Хиру, гдѣ и содержалъ его подъ строгимъ арестомъ. Но Зяйду удалось бѣжать изъ этого заключенія, и онъ отправился искать вѣру Авраама и распрашивалъ о ней еврейскихъ раввиновъ и христіанскихъ монаховъ. Онъ проѣхалъ Месопотамію, былъ въ Моссулѣ, посѣтилъ Сирію и нашелъ тамъ монаха, считавшагося однимъ изъ ученѣйшихъ христіанъ. Зяйдъ спросилъ монаха объ истинной религіи Авраама и монахъ отвѣтилъ ему: „ты ищешь религію, которой тебя никто теперь научить не можетъ; но близко время, когда въ странѣ, изъ которой ты пришелъ, появится пророкъ, посылаемый Богомъ, съ истинной вѣрой Авраама; послѣдуй за нимъ“. Послѣ этого Зяйдъ уѣхалъ домой, но на дорогѣ подвергся нападенію арабовъ-лахмитовъ, былъ ограбленъ и убитъ ими [1]).

Сколько бы не существовало сказаній о судьбѣ этихъ четырехъ замѣчательныхъ арабовъ до-Мухаммедова времени, но общая имъ всѣмъ черта несомнѣнно вѣрна исторически, именно: стремленіе ихъ къ чему-то новому, лучшему въ области религіи, — надежда, что появится пророкъ, который сумѣетъ положить конецъ безотрадному состоянію религіи, чья проповѣдь будетъ въ состояніи воодушевить заблудившійся народъ къ новой духовной жизни. Они удалились отъ шумнаго меккскаго идолопоклонства, такъ какъ не могли уже найти въ немъ нравственнаго успокоенія. Внутреннее стремленіе ихъ духа съ неотразимой силой влекло ихъ къ чистому, высшему религіозному познанію, къ познанію высшей чистой вѣры, которой обладали ихъ предки, и которая была затеряна настоящимъ поколѣніемъ, довольствующимся внѣшнимъ почитаніемъ Высшаго существа и идолопоклонствомъ, и не стре-

---

[1]) О Зяйдѣ разсказываютъ, что онъ не ѣлъ околѣвшихъ животныхъ, крови и мяса жертвенныхъ животныхъ, а все это было запрещено правилами апостольскаго собора, бывшаго въ Іерусалимѣ (Дѣян. 15, 20).

мящемся познать это Высшее существо. Мысль о безсмертіи души у ихъ современниковъ была совершенно поглощена другими постоянными думами объ удовольствіяхъ и радостяхъ ежедневной жизни [1]).

Хотя эти четыре араба стоятъ обособленно, но мысли ихъ и сознаніе ненормальности существующаго порядка были присущи и многимъ другимъ арабамъ, которые болѣе или менѣе ясно сознавали это. Для Аравіи наступало новое время; новыя религіозныя идеи съ неотразимой силой охватывали сперва единичныхъ мыслителей, затѣмъ все болѣе и болѣе водворялись и распространялись, пока, наконецъ, не появился Мухаммедъ, который былъ въ состояніи открыто выступить съ своимъ ученіемъ и бороться за него.

Большинство мекканцевъ не соглашались съ нимъ и не хотѣли отказаться отъ своихъ идоловъ. Они находили страннымъ, что Мухаммедъ хотѣлъ поставить одного Бога на мѣсто ихъ многочисленныхъ боговъ; не могли допускать и разныхъ другихъ оттѣнковъ христіанскихъ вѣрованій; только хенефитство удержалось среди арабовъ, и Мухаммедъ назвалъ первоначально свою религію ханефитской [2]).

Іудействующіе христіане жили достаточно близко къ сѣвернымъ арабамъ, чтобы привлечь ихъ на свою сторону при посредствѣ іудеевъ и набатеевъ въ Петреиской Аравіи. Кромѣ того въ Переѣ, въ странѣ моавитянъ, и еще далѣе, въ Итуреѣ, въ Набатеѣ, т. е. въ Каменистой Аравіи встрѣчаются сампсейцы, ученіе которыхъ св. Епифаній ставилъ на границѣ между іудействомъ и христіанствомъ. Они признавали Христа небесною силой, которая сперва проявилась въ Адамѣ, а потомъ снова отъ времени до времени проявлялась въ другихъ людяхъ. Подобно тому училъ Мухаммедъ

---

[1]) См. въ соч. М. А. Машанова (стр. 543—544) стихи арабскаго поэта Тарафы, удостоенныя всеобщей народной похвалы.

[2]) См. Коранъ, гл. 2, ст. 129; гл. 3, ст. 60; гл. 4, ст. 124 и друг.

о пророкахъ. Затѣмъ въ Аравіи была женская секта маріанитовъ или коллиридіанъ которыя чтили Дѣву Марію приношеніемъ пирога.

Трудно сказать, сколь глубоко проникло іудействующее христіанство на сѣверѣ Аравіи, но тамъ были христіане [1]). Возможно, что примѣръ нѣкоторыхъ арабскихъ племенъ на границѣ Месопотаміи, которыя несомнѣнно исповѣдывали христіанство, имѣлъ вліяніе и на другія племена Гиджаса. Очень вѣроятно далѣе, что изъ западной Сиріи, изъ Бостры, на границахъ Палестины, христіанство распространялось въ Каменистую Аравію [2]). Но немногочисленные христіане сѣвера не могли дать новое направленіе арабской религіи, и фанатизмъ арабовъ положилъ конецъ христіанству въ Аравіи водвореніемъ ислама [3]).

---

[1]) Къ сожалѣнію, мы не могли въ Ташкентѣ достать и воспользоваться ст. «Христіанство въ Аравіи», напечат. въ Православ. Обозрѣніи за 1868 г. мартъ и за 1870 г. іюль.

[2]) Въ Опытѣ библейскаго словаря прот. П. Солярскаго читаемъ, что по записямъ о 70-ти апостолахъ, составленнымъ еписк. тирскимъ Дорофеемъ, одинъ изъ нихъ, по имени Тимонъ, былъ первымъ епископомъ въ Босрѣ. Въ житіи его (іюля 27) говорится, что онъ много проповѣдывалъ имя Іисуса Христа и претерпѣлъ много страданій, былъ ввержень въ разженную печь и когда вышелъ изъ нея невредимымъ, то былъ распятъ на крестѣ,

[3]) Городъ Босра до самаго Халкидонскаго собора считалась митрополіей аравійскихъ церквей, а въ V вѣкѣ въ Аравіи были уже двѣ митрополіи (въ Босрѣ и Петрѣ) и двѣ архіепископіи (въ Айлѣ и Фаранѣ). Въ концѣ IV вѣка въ Петрѣ было еще сильно язычество; въ VI вѣкѣ Петра была уже незначительнымъ мѣстечкомъ, а въ 632 г. по Р. Хр. арабы, разбивъ римскія войска при Мутѣ, уничтожили христіанство въ Каменистой Аравіи.

VIII.

АРАБСКІЙ ЯЗЫКЪ — ЯЗЫКЪ КОРАНА.

Языкъ каждаго народа служитъ выразителемъ его духовной жизни: это художественный образъ, вызванный жизнію народа и окружающей его природы и служащій для выраженія и сохраненія въ памяти мыслей и чувствованій народа, его вѣрованій, поэзіи и проч. Нашъ отечественный поэтъ, князь Вяземскій, высказалъ это въ слѣдующемъ прекрасномъ стихѣ: „Языкъ есть исповѣдь народа: въ немъ слышится его природа, его душа и бытъ родной“. По словамъ покойнаго арабиста Холмогорова, въ языкѣ народа всего болѣе отражаются его мысль, его духъ и его своеобразный взглядъ на окружающую природу; въ языкѣ мы найдемъ болѣе прямое доказательство умственныхъ сокровищъ народа и его способности къ самосовершенствованію. Если самъ народъ бѣденъ понятіями, то скуденъ и языкъ его, какъ органъ для выраженія этихъ понятій: тогда необходимость заставляетъ прибѣгать къ заимствованію чуждыхъ словъ, чтобы вознаградить недостатокъ, замѣтный въ собственномъ языкѣ, и много лѣтъ требуется для того, чтобы въ замѣну пришлаго явилось и выработалось самородное слово.

Всего этого успѣлъ избѣжать арабскій языкъ, уже съ древнѣйшихъ временъ являющійся какъ бы во всеоружіи, чуждый всякаго посторонняго вліянія, и до

того обильный, что при переводѣ, напримѣръ, съ греческаго языка, онъ, за немногими исключеніями, мало принялъ въ себя научныхъ терминовъ, довольствуясь собственными средствами. Прошли цѣлые ряды столѣтій пока сильная воля одного человѣка, въ связи съ историческими обстоятельствами, успѣла выдвинуть арабовъ—мусульманъ за предѣлы ихъ прежде мало извѣстной родины, доставила имъ преобладеніе въ значительной части древняго міра, какъ въ политическомъ, такъ и въ религіозномъ смыслѣ, особенно въ послѣднемъ; настало новое время и съ нимъ поднялись новые жизненные вопросы, иные дѣятели, иныя стремленія,—но языкъ арабскій остался цѣлъ и невредимъ въ устахъ народа, имъ говорящаго, невредимъ, какъ живой родникъ, который выдѣляетъ изъ себя мелкіе, разбросанные ручьи, мало отдалившіеся отъ своего первообраза [1]).

Въ виду этого, намъ представляется необходимымъ сказать объ отличительныхъ особенностяхъ арабскаго языка, на которомъ обнародованъ Мухаммедомъ Коранъ [2]).

Арабскій языкъ принадлежитъ къ большому семейству такъ называемыхъ „семитскихъ“ (семитическихъ) языковъ, распространенныхъ въ передней Азіи и сѣверной Африкѣ, и раздѣляющихся на три главныя вѣтви: арамейскую, еврейскую и арабскую. По богатству и красотѣ своей эти языки находятся въ прямомъ соотвѣтствіи съ климатомъ тѣхъ странъ, въ которыхъ жили говорившіе на нихъ народы. Арамейское нарѣчіе, употребляемое на сѣверѣ, жестко, бѣдно, негармонично, отличается особенно тяжеловатостью конструкціи, не-

---

[1]) Очеркъ исторіи арабской литературы. Арабскій языкъ и домусульманская литература арабовъ (Всеобщая исторія литературы, составленная подъ редакціей В. Ѳ. Корша. Выпускъ XIII. Спб. 1882 г. стр. 270.

[2]) См. Коранъ, гл. 14, ст. 4; гл. 16, ст. 105; гл. 26, ст. 192; гл. 46, ст. 11.

примѣнимой къ поэзіи; напротивъ, арабское нарѣчіе, какъ южное нарѣчіе, отличается чудными богатствами [1]).

На арабскомъ языкѣ говорили и до сихъ поръ говорятъ жители Аравіи, колыбели ислама. До появленія Мухаммеда, арабскій языкъ распадался на нѣсколько діалектовъ, но они не отличались особенно рѣзко одинъ отъ другаго и притомъ легко сливались въ однородный языкъ подъ вліяніемъ древне-арабскихъ всенародныхъ сборищъ (ярмарокъ) въ Дзуль-Маджазѣ (близъ горы Арафата), въ Аль-Маджаннѣ и Минѣ (близъ Мекки), въ Оказѣ (между Нахлой и Тайифомъ) и въ Хонайнѣ (между Тайифомъ и Меккой), во время которыхъ соблюдалось въ Аравіи общее перемиріе, и враждующія колѣна, вмѣсто нападеній и грабежей, могли заявлять свои непріязненныя чувства только въ словесныхъ состязаніяхъ о славѣ своего племени и личныхъ доблестяхъ, да сатирами, выраженными въ формѣ поэтической, часто въ формѣ импровизацій. Изъ упомянутыхъ ярмарокъ самая замѣчательная происходила въ Оказѣ; здѣсь и самъ Мухамедъ выслушивалъ рѣчи христіанскаго епископа Косса, краснорѣчивѣйшаго изъ древнихъ арабовъ, стихи еврея Самуила-бенъ-Адія, и языческія арабскія поэмы, слѣды которыхъ еще можно узнать въ нѣкоторыхъ изреченіяхъ Алкорана.

Съ появленіемъ ислама еще бо́льшему объединенію разныхъ арабскихъ діалектовъ помогъ Коранъ, написанный на нарѣчіи Корейшитовъ, главныхъ представителей Мекки и окрестностей, и сдѣлавшійся законодательнымъ кодексомъ не только для всѣхъ арабовъ, но и для всѣхъ мусульманъ. Съ распространеніемъ ислама и языкъ Корана распространился до береговъ Инда и за Аму-Дарью до Волги и Китая, процвѣталъ въ Испаніи и сѣверной Африкѣ, подобно тому, какъ въ средніе вѣка латинскій языкъ Библіи и католиче-

---

[1]) Ренанъ. О происхожденіи языка. Переводъ съ французскаго А. Н. Чудинова. Воронежъ, 1866 г. стр. 96

скаго богослуженія распространился по всей западной Европѣ и за ея предѣлами. Было время, когда арабскій языкъ служилъ не только языкомъ религіи и мусульманской науки, но и языкомъ дипломатическихъ сношеній и даже частныхъ писемъ [1]). И до сихъ поръ во всѣхъ мусульманскихъ странахъ этотъ языкъ составляетъ важнѣйшій предметъ старательнаго школьнаго изученія, какъ основной классическій языкъ, на которомъ написаны главнѣйшія сочиненія мусульманской литературы. Въ мусульманскихъ школахъ Каира, Константинополя, Бухары, Индіи, Туркестанта, Казани, Крыма, а также въ знаменитыхъ школахъ сѣверной Африки этотъ языкъ занимаетъ самое почетное мѣсто, и умѣнье излагать на этомъ языкѣ свои мысли, особенно по предметамъ вѣры, составляетъ высшій признакъ образованнаго мусульманина.

Арабскій языкъ отличается отъ европейскихъ языковъ не только своеобразнымъ грамматическимъ строеніемъ, но и богатствомъ лексическаго матеріала, особенною цвѣтистостію, обиліемъ блестящихъ метафоръ, придающихъ ему характеръ языка восточнаго, тропическаго, необыкновенною звонкостью и приспособленностью къ созвучнымъ (рифмованнымъ) окончаніямъ.

Главную часть рѣчи не только по значенію, но и въ отношеніи производства словъ, въ арабскомъ языкѣ составляетъ *глаголъ*, для выраженія котораго въ коренной формѣ требуются *три* согласные звука [2]). Извѣстною, точно опредѣленною перемѣною гласныхъ, оживляющихъ этотъ скелетъ глагольнаго корня, и присоединеніемъ къ нему одной, двухъ или трехъ согласныхъ получаются 13-ть своеобразныхъ глагольныхъ формъ,

---

[1]) См. Энциклопедическій словарь, составленный русскими учеными и литераторами. Томъ V. С.-Петербургъ, 1862 г. стр 217 и слѣд. Цитированное сочиненіе Ренана «О происхожденіи языка» и М. Мюллера «Лекціи о наукѣ и языкѣ».

[2]) Четырехбуквенные глагольные корни такъ малочисленны въ арабскомъ языкѣ, что общаго правила не нарушаютъ.

замѣняющихъ русскіе виды и залоги, отъ которыхъ въ свою очередь производятся именныя формы и вообще производныя слова. Такъ, напримѣръ, изъ трехъ основныхъ звуковъ *к+т+б* съ гласнымъ звукомъ *а* надъ каждымъ согласнымъ [1]) образуется трехбуквенный глаголъ *кятаба*—писалъ. Удвоивъ среднюю коренную согласную, т. е. букву *т*, получимъ форму *кяттаба* съ удвоеннымъ переходящимъ значеніемъ въ смыслѣ: *понуждалъ*, *приказывалъ писать*, а также *обучалъ письму*. Удлиненіе гласнаго звука при первой коренной согласной (кя́таба) придаетъ глаголу значеніе взаимнаго дѣйствія между двумя лицами, а прибавленіе къ этой формѣ слога *та* (въ началѣ) усиливаетъ идею взаимности въ смыслѣ переписки между нѣсколькими лицами. Когда же къ глагольному корню присоединяется спереди слогъ *иста*, то получается новый видъ глагола съ значеніемъ *просьбы*, *желанія* исполнить дѣйствіе, выраженное коренной формой глагола: *истяттаба* значитъ: просить кого нибудь написать и т. д. [2]).

Подобная же своеобразность производныхъ формъ наблюдается и въ именахъ: въ арабскомъ языкѣ есть особыя именныя формы для обозначенія мѣста, времени, дѣйствія, орудія дѣйствія, сосуда для вмѣщенія жидкости, изобилія, кратнаго имени. Кромѣ того, арабскій языкъ располагаетъ нѣсколькими формами множественнаго числа [3]) съ разными значеніями отъ одного и

---

[1]) Гласный звукъ *а*, соотвѣтственно характеру соединенной съ нимъ согласной, смягчается при произношеніи въ *я*.

[2]) Замѣчательно также свойство арабскихъ согласныхъ звуковъ давать новыя образованія путемъ простого перемѣщенія этихъ согласныхъ, напримѣръ: *ба-ка-ра* значитъ былъ поутру, *кя-ба-ра* —былъ гордымъ, *ра-кя-ба*—ѣхалъ верхомъ, *ба-ра-ка* — сталъ на колѣни (о верблюдѣ), *ра-ка-ба*—волновался отъ горя, *ра-ба-ка*—связывалъ. Но не всѣ корневыя формы допускаютъ перестановки. См. отдѣлъ о глаголѣ въ арабскихъ грамматикахъ.

[3]) Въ арабскомъ языкѣ, кромѣ множественнаго числа, есть особая форма для двойственнаго числа и двѣ родовыхъ формы—мужская и женская.

того же имени: *байтъ* домъ во множественномъ числѣ имѣетъ *двѣ* формы—*буютъ* дома и *абъятъ* стихи.

Арабскій языкъ—корневой языкъ по преимуществу [1]) и потому почти совсѣмъ не имѣетъ сложенія словъ, но за то изобилуетъ синонимами. Для нѣкоторыхъ предметовъ и понятій въ арабскомъ языкѣ арабисты находятъ цѣлые сотни названій, напримѣръ: для обозначенія меча—1000 словъ, для обозначенія слова—500 словъ, для обозначенія змѣи—200, для обозначенія несчастія—400, множество названій для меда, и особенно много для верблюда, именно 5744 [2]). Покойный Г. С. Саблуковъ, говоря о богатствѣ арабскаго языка, замѣчаетъ, что арабъ, одаренный отъ природы живымъ воображеніемъ, по преимуществу умѣлъ и успѣлъ выразить въ своемъ языкѣ всю живость своей фантазіи, успѣлъ высказать на немъ самыя разнообразныя воззрѣнія на окружающую его природу: въ его языкѣ найдутся по нѣскольку словъ для каждаго движенія верблюда и коня, для каждаго звѣря, встрѣчаемаго имъ въ пустынѣ, для каждой травки, для незначительнаго явленія въ атмосферѣ, для указанія вида тучки на горизонтѣ. Такъ, для слова *гдти* или *шелъ*, означающаго движеніе человѣка, можно насчитать 25 синонимъ: одни изъ нихъ выражаютъ просто одно это движеніе; другіе означаютъ это явленіе съ представленіемъ времени, въ которое совершается шествіе, каковы: шелъ рано по утру, шелъ вечеромъ, приходилъ утромъ по разсвѣтѣ, приходилъ на другой день, приходилъ на третій день, приходилъ въ вечернее время, шелъ ночью [3]). Иные указываютъ на движеніе съ представле-

---

[1]) Въ арабскомъ языкѣ считаютъ 6.000 корней.

[2]) См. у Ренана, стр. 69—70.

[3]) Подобно этому, глаголъ *шараба* означаетъ *пилъ*, безъ обозначенія времени, а глаголъ *сахаба* значитъ *пилъ по утру*, глаголъ *каля*—*пилъ въ полдень*, глаголъ *габака* — *пилъ вечеромъ*. И производныя отъ этихъ глаголовъ имена означаютъ питье утромъ, въ полдень и вечеромъ (Холмогоровъ).

ніемъ направленія въ ходѣ, различнаго отношенія идущаго человѣка къ окружающимъ предметамъ: ушелъ прочь, прошелъ мимо, шелъ вдоль по дорогѣ, переходилъ, обходилъ, вошелъ, вышелъ [1]). Нѣкоторые глаголы съ понятіемъ *шелъ* соединяютъ въ себѣ представленіе образа или качества поступи: гордо выступалъ, тихо шелъ, шелъ разваливаясь на стороны, шелъ размахивая руками, съ трудомъ шелъ, какъ бы имѣя переломленную спину. Нѣкоторые глаголы указываютъ вмѣстѣ скорость или медленность движенія: быстро шелъ, скоро шелъ, скоро и легко шелъ. Въ арабскомъ языкѣ еще много такихъ глаголовъ, которые указываютъ направленіе вверхъ, внизъ, силу, звукъ при ходѣ. Много словъ въ арабскомъ языкѣ для названія коня по его возрасту, цвѣту, виду, породѣ. Слово *гнѣздо птицы* выражается пятью словами, чтобы указать и мѣсто, гдѣ гнѣздо свито: гнѣздо *на деревѣ*, гнѣздо *на стѣнѣ*, гнѣздо *на горѣ*, гнѣздо, *въ которомъ птица ночуетъ*, гнѣздо на пескѣ (страусово) [2]).

При такомъ богатствѣ словъ, арабскій языкъ есть языкъ болѣе изобразительный, чѣмъ отвлеченный. Языкъ араба, составлявшійся подъ преобладающимъ вліяніемъ воображенія, заключаетъ множество такихъ словъ, которыми обрисовывается предметъ вмѣстѣ съ тѣми чертами, съ какими видитъ его зритель въ опредѣленномъ его положеніи. Европейскіе языки, языки понятій, составившіеся подъ преимущественнымъ вліяніемъ разсудка, всегда анализирующаго признаки или черты предмета при познаніи его, должны употребить нѣсколько словъ для выраженія того, что арабъ обозначитъ однимъ сло-

---

[1]) См. соч. Г. Саблукова стр. 227—228. Нѣкоторые глаголы означаютъ состоянія только извѣстныхъ животныхъ, напримѣръ: только о верблюдѣ говорится *барака*, когда онъ ложится, подгибая колѣна, чтобы принять на себя вьюкъ; о львѣ говорятъ *рабадза*, когда онъ легъ въ пещерѣ; о птицѣ говорятъ *джасама*, когда она садится (Холмогоровъ).

[2]) См. у того же автора на стр. 228.

вомъ. Такъ, слѣдующія слова: „подошелъ къ водѣ и не имѣя чѣмъ напиться, только смотрѣлъ на нее“ у араба передаются однимъ словомъ *джабиха*. Множество такихъ словъ въ языкѣ арабовъ даетъ ихъ писателямъ, а особливо поэтамъ, удобство немногими словами, самой сжатой рѣчью рисовать предъ воображеніемъ читателя живыя, яркоцвѣтистыя картины окружающей ихъ природы и жизни [1]).

Но такое лексическое богатство арабскаго языка развилось въ ущербъ ясности и опредѣленности смысла. „Напрасно было бы искать у семитовъ какихъ-нибудь природныхъ стремленій къ раціональному анализу, между тѣмъ какъ ихъ литературы изобилуютъ истинными выраженіями нравственныхъ чувствъ, практическими афоризмами.... Приходя въ совершенное смущеніе предъ этими длинными свиваніями предложенія (circuitus. comprehensio, какъ ихъ называетъ Цицеронъ), въ которыхъ греки и латиняне съ такимъ искусствомъ совмѣщаютъ безчисленныя подробности одной только мысли, семиты наставляютъ лишь одно за другимъ предложенія, ограничивая при этомъ все свое искусство просто связью *и*, составляющею тайну ихъ періода и замѣняющею для нихъ почти всѣ другіе союзы. Семитическіе языки почти совершенно не знаютъ искусства взаимнаго подчиненія членовъ предложенія. Гладкіе, ровные, безъ разстановки словъ, эти языки не вѣдаютъ другого процесса построенія рѣчи, кромѣ наростанія идей, на манеръ византійской живописи. У нихъ вовсе нѣтъ стиля. Соединеніе словъ въ предложеніе—вотъ послѣднее ихъ усиліе; сдѣлать тоже съ самими предложеніями уже для нихъ не по силамъ. Краснорѣчіе для семитовъ заключается лишь въ быстрой смѣнѣ однихъ за другими сильныхъ оборотовъ и смѣлыхъ образовъ: всякая тѣнь ораторскаго искус-

---

[1]) См. соч. Г. Саблукова «Свѣдѣнія о Коранѣ, законоположительной книгѣ мухаммеданскаго вѣроученія». Казань, 1884 г. стр. 227—229.

ства осталась для нихъ неизвѣстною“ [1]). Взамѣнъ стилистической стройности, рѣчь арабовъ отличается яркостью образовъ, картинностью описаній и живостью чувства, чему особенно способствуютъ богатыя и рѣзкія метафоры, неожиданныя сближенія и противоположенія и чрезвычайныя, *восточныя*, гиперболы. Всѣ эти особенности придаютъ арабскому языку характеръ языка тропическаго; рѣчь араба восторженная, пылкая, какъ палящее арабское солнце. Къ этому присоединяется особенная, только арабскому языку свойственная, серебристая звучность арабской рѣчи, еще болѣе ласкающая слухъ мѣрными созвучіями, не только въ стихахъ, но и въ прозѣ. Даровитый арабъ, одушевленный предметомъ своего разсказа, можетъ придать своей рѣчи такой ритмъ, что она, по мѣткому сравненію г. Саблукова, „то льется, какъ плавная струя потока, изрѣдка слышнаго въ своихъ всплескахъ, то кипитъ короткими, но звучными фразами, какъ игривый ручей, струящійся по каменистому руслу“. Даже проза арабскихъ писателей, въ сочиненіяхъ историческихъ и въ повѣстяхъ, имѣетъ свойства поэтической рѣчи, а эта послѣдняя называется на арабскомъ языкѣ „низаніемъ на нитку жемчужинъ“. Европеецъ не можетъ оцѣнить своимъ ухомъ всей прелести хорошой арабской рѣчи, но изучавшіе этотъ языкъ и вникавшіе въ фонетическій и стилистическій его строй не могутъ не поддаваться очарованію, когда слушаютъ хорошаго декламатора. Г. Саблуковъ такъ передаетъ свое впечатлѣніе отъ арабской проповѣди (хутбы), читаемой въ пятницу, во время полуденнаго молитвословія: „Складъ періодовъ въ хутбѣ и вязѣ, произнесенныхъ имамомъ, измѣнялся до трехъ разъ. Первая часть ихъ не могла бы понравиться слушателю, незнакомому съ звуками арабскаго языка: каждый куплетъ, оканчиваясь гортаннымъ звукомъ (*гамзя* ʾ), по качеству этого слога, пере-

[1]) Ренанъ. «О происхожденіи языка». Воронежъ, 1866 г. стр. 98—99.

рывался вдругъ, въ то время, какъ выходилъ сильнымъ дыханіемъ изъ гортани. Съ перемѣной риѳмы напѣвъ другой части былъ свободнѣе, хотя имѣлъ въ основаніи туже мелодію звуковъ. Смѣнившій его третій ладъ былъ болѣе мягкій, былъ живой, ясный и звучный. Окончаніе вяаза (поученія) пѣлось такъ прекрасно, періоды звуковъ съ повтореніемъ размѣровъ повторялись въ постоянно принятыхъ изгибахъ голоса такъ вѣрно, что начальная жесткость звуковъ забылась, гортанные звуки какъ бы умягчились, уподобляясь легкимъ звукамъ флейты: все пѣніе приняло выраженіе какой-то торжественности. Слушатели внимали звукамъ арабской рѣчи, притаивъ дыханіе: одинъ только голосъ пѣвца носился надъ этимъ какъ бы очарованнымъ собраніемъ; одни только звуки его декламаціи игривой цѣпью вились подъ сводомъ мечети, и когда имамъ кончилъ проповѣдь, когда слова: *Великъ Богъ*! призывая къ продолженію молитвы, измѣнили видъ всего собранія. слухъ какъ бы искалъ изчезнувшихъ звуковъ, еще хотѣлось слушать эту мелодію, пріятную, увлекающую. Гдѣ же, спрашиваетъ безпристрастный слушатель, крылась тутъ тайна такого вліянія проповѣдника мусульманскаго на своихъ слушателей?—Въ строеніи, въ звукахъ арабскаго языка“ [1]).

Чтобы получить болѣе полное представленіе о характерѣ арабской рѣчи, приведемъ фантастическій разсказъ арабскаго поэта Харири [2]) въ переводѣ отечественнаго оріенталиста. Поэтъ Харири заставляетъ разсказывать Хареса о фантастическихъ похожденіяхъ главнаго дѣйствующаго лица Абу-Зейда:

---

[1]) Г. Саблуковъ. «Свѣдѣнія о Коранѣ, законоположительной книгѣ мухаммеданскаго вѣроученія». Казань, 1884 г. стр. 253—254.

[2]) Абу-Мухаммедъ Касымъ Басри родился въ 446 г. гиджры (1054 г. по Р. Хр.) въ Басрѣ и умеръ въ томъ же городѣ въ 515 г. (1121 г. по Р. Хр.).

Такъ говоритъ Харесъ, сынъ Гаммама: бесѣда [1]) внизала меня въ жемчужное ожерелье друзей; обильны были рѣчи собесѣдниковъ, летѣли искры остроумія, но не загорался огонь спора; длились взаимные разсказы; лилась струя краснорѣчія изъ родника воспоминаній на общую усладу. И вдругъ предсталъ намъ незнакомецъ; на немъ было рубище, а въ походкѣ—хроманіе. „О безцѣнныя сокровища!“ сказалъ онъ: „да будетъ свѣтелъ кругъ вашъ, радостно утро и сладокъ напитокъ! Но... взгляните на того, кто былъ и богатъ, и привѣтливъ, и полонъ довольства: у кого были и поля, и деревни, и всегдашняя чаша пиршества! Но не отклонилъ я отъ себя гнѣвной судьбы, нападковъ бѣды, злобныхъ искръ зависти. И гналъ меня черный рокъ, пока не опустѣла рука моя, не сталъ просторенъ дворъ мой, пока не изсякли мои источники, не посохли луга, не разсѣялись друзья пировъ. И стало ложе мое жесткимъ камнемъ, и все измѣнилось. Раздались рыданія жены и дѣтей, когда погибли стада наши: сжалились завистники, когда не стало у насъ ни скота, ни сокровищъ; прослезился злорадостный, когда впали мы въ жребій паденія, страданій и скорби, когда изъязвились обнаженныя ноги. Мы питались тоскою, и тоской горѣла внутренность; желудокъ сохъ отъ голода, не приходилъ сонъ нарумянить блѣдныя лица. Ущелье стало намъ мѣстомъ жилища; нога не боялась ступить на колющій тернъ, рука отвыкла вьючить верблюда. Какъ блага, ждали мы разрушенія; но медлилъ день судьбы... Кто же будетъ благороднымъ цѣнителемъ, щедрымъ благодѣтелемъ?.. О, клянусь! здѣсь цвѣтетъ родъ Кайлата!... А я—вечерній братъ нищеты, — не имѣю кровли ночлега!“...

Говоритъ Харесъ сынъ Гаммама: „я почувствовалъ состраданіе къ бѣдности; я былъ тронутъ его сладко-

---

[1]) Фантастическіе разсказы поэта Харири извѣстны у арабовъ подъ общимъ именемъ «Бесѣдъ» (Макаматъ — مقامات).

звучной жалобой, я вынулъ динаръ и, испытуя бѣдняка, сказалъ ему: воспой его жемчужными стихами, и, клянусь, онъ будетъ твой". Странникъ принялъ мой вызовъ и запѣлъ:

„Хвала тебѣ, желтый, блестящій, прелестный,
„Далекій скиталецъ страны поднебесной!
„Громка твоя слава, могучій динаръ—
„Чело твое носитъ таинственный даръ;
„Успѣхъ предвѣщаетъ твой ликъ благотворный;
„Къ тебѣ всѣ любовью горятъ непритворной...
„Металлъ твой—не нашъ ли сердечный металлъ?..
„Тотъ гордъ, въ чьемъ карманѣ динаръ зазвучалъ!
„Когда жъ ты коварно блестишь въ отдаленіи,
„Тогда твои взоры полны обольщенья...
„Какъ милъ ты въ красивой толпѣ близнецовъ!
„Ты правишь дѣлами всѣхъ странъ и вѣковъ;
„Ты счастье счастливцевъ одинъ составляешь,
„Дружину—труды забывать заставляешь.
„Ты полныя луны сіяньемъ затмилъ;
„Ты гнѣва каленые угли тушилъ.
„Когда же все плѣннымъ, рабамъ измѣняло,—
„Къ нимъ свѣтлая радость съ тобой прилетала!..
„Когда бъ не боялся я Божіихъ каръ,
„Примолвилъ бы смѣло, всесиленъ динаръ!"

Потомъ онъ протянулъ руку къ воспѣтому и сказалъ: „я пѣлъ отъ молніи обѣщанія, предвѣщавшей дождь милосердія; гдѣ же гроза?" И я бросилъ ему динаръ, примолвя: возьми,—даю безъ сожалѣнія! Онъ взялъ, скрылъ его въ устахъ, воскликнувъ „благословенъ Господь!" и, прощаясь съ собраніемъ, готовъ былъ опоясаться поясомъ путешествія. Но я почувствовалъ въ душѣ веселость, щедрость и жажду добра; и не скрылась моя расточительность: я вынулъ другой динаръ, говоря незнакомцу: онъ будетъ твой, если споешь ему хулу! Быстро раздалась его звонкая пѣсня; онъ пѣлъ:

„Погибни, проклятый, двуличный хитрецъ,
„Динаръ желтолицый, измѣнникъ и льстецъ!...

„Двойною личиной онъ взоръ обаяетъ,
„Какъ дѣва, любви полусвѣтомъ мерцаетъ.
„Любовью своей соблазнитъ мудреца—
„И грянетъ надъ грѣшнымъ гнѣвъ правый Творца.
„Никто безъ него не лишался бъ десницы [1]),
„И рѣже являлись бы злобныя лица;
„Скупецъ не стерегъ бы пришельцевъ ночныхъ,
„Богачъ должниковъ не корилъ бы своихъ,
„И алчнаго взора ничтобъ не страшилось...
„И много, и много въ немъ зла затаилось:
„Не будетъ онъ вѣренъ тебѣ до конца,
„Въ бѣдѣ убѣжитъ онъ стезей бѣглеца!...
„Блаженъ, кто его внизъ съ утеса низринетъ;
„И ласкъ обольстительный топотъ отринетъ;
„И скажетъ ему слово правды святой:
„— Прочь!.. у меня нѣтъ союза съ тобой!“

О, какъ обиленъ дождь твоего краснорѣчія! воскликнулъ я. „Но да будетъ силенъ нашъ уговоръ!“ говорилъ пѣвецъ. Я подалъ ему второй динаръ и сказалъ: огради ихъ святыми стихами (стихами Корана). Онъ бросилъ его въ уста и соединилъ съ близнецомъ; потомъ произнесъ благословеніе утру, хвалу собесѣдникамъ и бесѣдѣ.

Говоритъ Харесъ сынъ Гаммама: ручалось сердце мое, что это Абу-Зейдъ притворился хромымъ. Я воротилъ его и сказалъ: сладкія пѣсни открыли тебя—перестань хромать. Онъ отвѣчалъ „если ты сынъ Гаммама—здравствуй и будь почтенъ и да продлится твое благоденствіе между почтенными мужами“. Какъ идутъ твои дѣла и приключенія? спросилъ я. И онъ сказалъ: „я вертѣлся между двумя краями: зломъ и добромъ,—между двумя вѣтрами, бурею и тихимъ дуновеніемъ“. Но я спросилъ его: какъ же дерзнулъ ты притвориться

---

[1]) Это—намекъ на обычай древнихъ арабовъ отрѣзать вору руку, обычай, узаконенный потомъ въ Коранѣ (гл. 5, ст. 42).

хромымъ? И кто такъ шутитъ? Исчезъ съ лица его блескъ веселости: но уходя, онъ пропѣлъ:

„Я невольно хромалъ—
„Я отрады искалъ,
„Я стучался у двери желанья...
„И отбросивъ узду,
„Рѣчь веду и иду
„Я притворной походкой качанья.
„Дуренъ я?—мой отвѣтъ:
„Не прогнѣвайтесь: нѣтъ
„Для калѣки вины, порицанья!“ [1]).

На такомъ языкѣ изложенъ Коранъ, и это составляетъ особое преимущество главной вѣроучительной книги мусульманъ. Въ главѣ II, ст. 21—22 отъ лица Божія сказано: „Если вы сомнѣваетесь въ томъ, что Мы (Богъ) ниспослали рабу нашему, то представьте хотя одну главу, подобную тому, и призовите помощниковъ своихъ, кромѣ Бога, если вы справедливы. Но если этого вы не сдѣлали,—да вамъ никогда и не сдѣлать этого; то бойтесь огня, которому растопкой будутъ люди и камни, онъ приготовленъ для невѣрныхъ“. Арабскій языкъ сохранилъ въ Коранѣ всѣ лучшія свои качества: богатство лексическое, изобразительность, блестящія метафоры, изысканность отдѣльныхъ выраженій и игривую звучность ихъ, художественныя описанія картинъ природы, возвышенно—поэтическій тонъ религіознаго увѣщанія и рѣзко поражающія чувство угрозы, и, наконецъ, рифмованный складъ рѣчи. Коранъ изложенъ на главномъ и самомъ чистомъ нарѣчіи Корейшитовъ, но въ языкѣ Корана какъ бы соединены всѣ семь нарѣчій арабскаго языка. Поэтому въ Коранѣ одно и тоже слово въ разныхъ мѣстахъ передано разными

---

[1]) Г. Саблуковъ. «Свѣдѣнія о Коранѣ, законоположительной книгѣ мухаммеданскаго вѣроученія». Казань, 1884 г. стр. 277—280.

синонимическими словами [1]). Кромѣ того, въ Коранѣ изображаемый предметъ представляется въ самой живой картинѣ, состоящей изъ разныхъ сопоставленій и противоположеній, часто для слушателя—араба совершенно неожиданныхъ, а для европейца мало понятныхъ. Сближенія сходныхъ предметовъ и контрасты поочередно смѣняются въ Коранѣ, особенно при описаніяхъ; метафоры Корана рѣзки, гиперболы необыкновенны. и стиль этой книги представляется европейцу изысканнымъ, надутымъ и бьющимъ въ глаза яркостью картины. какъ ярко блеститъ солнце въ Аравіи. Вотъ образцы отдѣльныхъ выраженій Корана: *кочующіе по пустынѣ размышленія*; — *не облекайте истину одеждой лжи*,— *прикрывай вѣрующихъ крыломъ сердечной ласковости*; —*вкусите одежды голода и жажды*; *пролить бичъ наказанія*,—*низвести тайны неба и земли*, т. е. дождь и растенія. Было бы долго и утомительно приводитъ здѣсь подлинные отрывки Корана въ доказательство указанныхъ выше особенностей языка этой книги; поэтому ограничимся слѣдующими двумя мѣстами. Первое мѣсто въ переводѣ читается такъ: „Клянусь посылаемыми поочередно (разумѣются ангелы), несущимися быстро; клянусь показывающимися ясно, различающими вѣрно, передающими наставленія, прощеніе и угрозу: предвозвѣщенное вамъ уже готово совершиться. Когда звѣзды уничтожатся, когда небо расколется, когда горы сдвинутся съ основаній, когда пророки предстанутъ въ опредѣленное время: тогда до какого дня будетъ еще отсрочено? До дня раздѣленія. О если бы ты узналъ, что такое день раздѣленія! Въ тотъ день горе вѣрующимъ въ ложь! Не погубили ли Мы (Богъ) прежнихъ, и потомъ не замѣнили ли ихъ другими? Таковы наши дѣйствія съ законопреступниками. Въ тотъ день горе вѣрующимъ въ ложь! Не творимъ ли Мы васъ

[1]) Такъ, наприм.: глаголъ «зналъ» имѣетъ въ Коранѣ пять выраженій; такъ же и глаголъ «дѣлалъ»; слово «годъ» передается тремя словами и т. д. См. у Г. Саблукова, стр. 230—231.

изъ презрѣнной влаги? а потомъ помѣщаемъ ее въ надежномъ мѣстѣ, до опредѣленной чреды? Такъ Мы учредили: а потому какіе Мы превосходные учредители! Въ тотъ день горе вѣрующимъ въ ложь! Не сдѣлали ли Мы земли помѣстилищемъ для живыхъ и мертвыхъ? Мы поставили на ней высокія горныя твердыни и поимъ васъ вкусною водою. Въ тотъ день горе вѣрующимъ въ ложь! Идите къ тому, что считали вы вымысломъ; — идите въ тьму, извергающую три столба *дыма*, который ни тѣни ни дастъ, ни отъ пламени не защититъ: онъ будетъ извергать искры, величиной какъ башни, цвѣтомъ какъ желтые верблюды. Въ тотъ день горе вѣрующимъ въ ложь! Это такой день, въ который не выговорятъ слова, въ который имъ не будетъ позволено оправдываться. Въ тотъ день горе вѣрующимъ въ ложь! Таковъ день раздѣленія. Тогда Мы соберемъ и васъ и прежнихъ. Если у васъ есть какая хитрость, то ухитритесь противъ Меня. Въ тотъ день горе вѣрующимъ въ ложь! Благочестивые будутъ подъ сѣнію и среди источниковъ и плодовъ, какихъ только пожелаютъ. „Кушайте, пейте на здоровье, въ награду за ваши дѣла!“ Такъ награждаемъ добродѣтельныхъ! Въ тотъ день горе вѣрующимъ въ ложь! „Кушайте и наслаждайтесь ненадолго; потому что вы законопреступны“. Въ тотъ день горе вѣрующимъ въ ложь! Когда имъ говорятъ: покланяйтесь Богу, они не покланяются. Въ тотъ день горе вѣрующимъ въ ложь. Послѣ сего, какому новому ученію повѣрятъ они!“ —Другой отрывокъ считается образцемъ художественности стиля: „Когда солнце обовьется (мракомъ), когда звѣзды померкнутъ; когда сдвинутся съ мѣстъ своихъ горы, когда девять мѣсяцевъ сужеребыя верблюдцы окажутся праздными; когда столпятся звѣри, когда моря закипятъ; когда души сопрягутся съ тѣлами, когда похороненная живою будетъ спрошена: за какой грѣхъ она убита? Когда свитки разовьются, когда небо, какъ покровъ, снимется, когда адъ разгорится и когда рай приблизится: тогда душа узнаетъ, что

заготовила она себѣ. Клянусь планетами; скрывающимися кометами; клянусь ночью, когда она темнѣетъ, клянусь утромъ, когда оно прохладой вѣетъ: дѣйствительно, онъ (Коранъ) — слово посланника, славнаго, сильнаго предъ Властителемъ престола, полномочнаго, покорночтимаго, вѣрнаго. И согражданинъ вашъ не бѣснующійся: онъ нѣкогда видѣлъ его на свѣтломъ небосклонѣ; у него нѣтъ недоумѣнія о таинственномъ (о невидимомъ мірѣ). Онъ не есть слово сатаны, прогоняемаго камнями. Зачѣмъ же вы идете прочь? Онъ увѣщаніе мірамъ, тѣмъ изъ васъ, которые хотятъ идти прямо. Но вы можете хотѣть только того, чего хочетъ Богъ, Господь міровъ".

Русскій читатель перевода Корана долженъ однако имѣть въ виду, что перечисленныя особенности языка Корана часто незамѣтны въ переводѣ не только вслѣдствіе несоотвѣтствія переводнаго (русскаго) языка подлинному (арабскому) языку, но и потому, что поэтическія мѣста Корана затѣняются рѣчами прозаическаго тона, а еще болѣе потому, что въ современномъ текстѣ Корана рѣчи разнаго времени и различнаго содержанія соединены вмѣстѣ нерѣдко безъ всякаго соотвѣтствія въ содержаніи. Такая нелѣпая система въ расположеніи отдѣльныхъ отрывковъ Корана и разнообразіе его содержанія производятъ на европейскаго читателя этой восточной книги крайне утомительное впечатлѣніе, какъ заявляютъ объ этомъ даже знатоки подлиннаго Корана: Шпренгеръ и др. Неоріенталистъ Карлейль высказался въ такихъ выраженіяхъ о Коранѣ: „Никогда мнѣ не приходилось читать такой утомительной книги. Скучная, безпорядочная путаница, непереваренная, необработанная; безконечныя повторенія, нескончаемыя длинноты, запутанности; совсѣмъ непереваренныя, крайне необработанныя вещи; невыносимая безтолковщина, однимъ словомъ! Одно только побужденіе долга можетъ заставить европейца читать эту книгу. Мы читаемъ ее съ такимъ же чувствомъ, какъ перебираемъ въ государственномъ архивѣ массу всякаго неудобо-

читаемаго хлама, въ надеждѣ найти какія-нибудь данныя, проливающія свѣтъ на замѣчательнаго человѣка. Правда, намъ приходится считаться съ особеннымъ неудобствомъ: арабы находятъ въ немъ больше порядка, чѣмъ мы. Послѣдователи Магомета получили не цѣльное произведеніе, а отдѣльные отрывки, какъ они были записаны при первомъ своемъ появленіи“ [1])...

Въ заключеніе мы должны упомянуть здѣсь, что языкъ Корана считался среди мусульманъ языкомъ божественнымъ [2]), а современный Делійскій ученый Хаджи-Рахматулла въ своемъ двухътомномъ полемическомъ трудѣ „*Изгарулъ Хаккъ*“ посвящаетъ особую главу высокимъ качествамъ языка Корана и считаетъ ихъ однимъ изъ доказательствъ божественнаго происхожденія самаго Корана. Онъ говоритъ, что краснорѣчіе Корана не заключается въ описаніяхъ видимой природы, женщины, животныхъ, сраженій, путешествій и, слѣдовательно, оно не заимствовано у арабскихъ поэтовъ; Коранъ постоянно точенъ (?!) и краснорѣчивъ, не дѣлая уступокъ ни воображенію, ни лжи, въ противоположность поэтамъ, которые часто допускаютъ ложь; въ Коранѣ, не смотря на его обширность, все (?!) изложено одинаковымъ, превосходящимъ человѣческія способности, красивымъ стилемъ; въ Коранѣ всѣ повторяющіяся разсказы, описанія и наставленія каждый разъ представляютъ новыя красоты; въ Коранѣ даже юридическія правила, догматы вѣры и подобные предметы, мало поддающіеся стилистической отдѣлкѣ, излагаются одинаково краснорѣчиво; языкъ Корана совершенъ во всѣхъ родахъ слова — въ обѣщаніяхъ, угрозахъ, увѣщаніяхъ; предписанія, разсказы, угрозы, обѣщанія, доказательства чередуются въ Коранѣ безъ замѣшательства, безъ перерыва въ общей связи мыслей,

---

[1]) Герои и героическое въ исторіи. Перев. съ англійскаго В. И. Яковенко. Спб. 1891 г. стр. 90—91.

[2]) Мусульманская секта Моздарійцевъ отвергала такой взглядъ. См. у Саблукова стр. 283.

и такимъ возвышеннымъ слогомъ, что самые великіе мастера арабскаго краснорѣчія поражаются этимъ; въ Коранѣ (напр. въ гл. 38) въ нѣсколькихъ словахъ выражаются сложныя и глубокія предложенія, въ нѣсколькихъ стихахъ излагаются страсти, волнующія вѣрныхъ, и кара ихъ ожидающая, преступленія и кара древнихъ народовъ и исторія древнихъ патріарховъ и пророковъ; краснорѣчіе и краткость рѣдко соединяются въ произведеніяхъ поэтовъ, между тѣмъ какъ въ Коранѣ эти два качества стиля всюду соединены: и Коранъ заключаетъ въ себѣ всѣ красоты краснорѣчія: и въ своихъ утвержденіяхъ, и въ сравненіяхъ, и въ метафорахъ, и въ вступленіяхъ, и въ переходахъ, и въ перестановкахъ и т. д. Въ немъ не встрѣчается ни слабыхъ, ни тривіальныхъ выраженій, ни неупотребительныхъ словъ, ни неправильностей въ конструкціи фразъ. Коранъ, по словамъ Рахматуллы, достигъ самаго совершеннаго краснорѣчія, котораго никогда не будетъ въ состояніи достигнуть человѣкъ. Чѣмъ лучше бываешь въ состояніи понять тонкости арабскаго языка и то, что цѣнится въ арабскомъ краснорѣчіи, тѣмъ больше оцѣниваешь и наслаждаешься красотами Корана [1]).

Какъ ни искусственны изложенныя Рахматуллой-Ефендіемъ доказательства превосходства языка и стиля Корана, тѣмъ не менѣе эти доказательства составляютъ фактъ новѣйшей мусульманской апологетики, который невольно обращаетъ на себя вниманіе. Въ основѣ этого факта лежатъ своеобразныя красоты арабскаго языка, не всегда понимаемыя европейцами, но для восточныхъ жителей кажущіяся несравнимыми. Появленіе же сочиненія „Изгаруль-Хаккъ“ въ переводѣ на французскій языкъ указываетъ на желаніе автора Рахматуллы-Ефен-

---

[1]) Idhhar-ul-haqq ou Manifestation de la vérité d'el-hage Rahmatullah Efendi de Delhi... Traduit de l'arabe par un jeune Tunisien. Revu et corrigé sur le texte et augmente d'une Preface, d'Appendice et de quelques Notes par P. V. Carletti.... Paris. Tom. I et II. См. Правосл. Собесѣдникъ 1894 г. январь, стр. 69—98.

дія распространить свои взгляды на Коранъ и среди европейцевъ и тѣмъ удостовѣрить послѣднихъ, что богословствующая мысль и полемическая тенденція не умерли среди современныхъ мусульманъ, а возраждаются съ новой силой предъ вліяніемъ европейской образованности и религіозной индиферентности.

IX.

ЛИЧНОСТЬ ПРОПОВѢДНИКА КОРАНА [1]).

Проповѣдникъ Корана, Мухаммедъ родился въ Меккѣ, въ семьѣ почетнаго корейшита — хранителя ключей Каабы, Абдулъ-Мутталиба, отъ сына его Абдуллы въ 570—571 гг. по Р. Хр. [2]), извѣстномъ въ арабскихъ преданіяхъ подъ именемъ „года слона". Въ то время почти весь западный историческій міръ находился въ положеніи крайняго разъединенія и внутренняго разложенія и потому не могъ оказывать на Аравію своего вліянія; только византійскій императоръ Юстинъ II и персидскій шахиншахъ Хозрой Нуширванъ продолжали еще оспаривать другъ у друга преобладаніе надъ Еменомъ, но и ихъ вліяніе на юго-западную Аравію черезъ полстолѣтіе съ небольшимъ совсѣмъ прекратилось, такъ какъ Аравія съ 622 г. постепенно подчинилась объединяющимъ началамъ Корана, установившимъ въ ней теократическое правленіе, подъ главенствомъ Мухаммеда, какъ пророка, и его преемниковъ—халифовъ.

---

[1]) См. на рус. яз. Ирвингъ, Жизнь Магомета; Вейль, Введеніе въ Коранъ (Казань, 1875). Ренанъ. Изд Чуйко (Спб. 1882 г.) Магометъ и происхожденіе ислама. Ѳ. Смирновъ. Магометъ (Владикавказъ, 1891 г.). Магометъ. Очеркъ Вл. Соловьева (Спб., 1896 г.).

[2]) См. у Шпренгера.

Мухаммедъ былъ арабъ по рожденію, выросъ подъ арабскимъ небомъ, воспитывался подъ вліяніемъ условій патріархальнаго языческаго быта арабовъ, пережилъ раннее сиротство и бѣдность, не получилъ никакого образованія и при всемъ этомъ оставилъ свое имя во всемірной исторіи какъ основатель ислама—новой религіи и выросшей на ея началахъ новой мусульманской культуры. Отецъ Мухаммеда былъ бѣднякъ; онъ умеръ еще до появленія Мухаммеда на свѣтъ. На седьмомъ году жизни Мухаммедъ лишился и матери (Амина) и находился сначала на попеченіи дѣда своего, престарѣлаго Абдулъ-Мутталиба, потомъ родного дяди по отцу, Абу-Талиба. Абдулъ-Мутталибъ былъ, по преданію, человѣкомъ добраго сердца и набожнымъ язычникомъ. пользовавшимся почетомъ среди соплеменниковъ, а Амина, мать Мухаммеда, была женщина нервная, болѣзненная. Эти основныя предрасположенія были унаслѣдованы Мухаммедомъ отъ дѣда и матери и развиты подъ вліяніемъ ранняго сиротства, соединеннаго съ одиночествомъ и бѣдностью. Мальчикъ росъ впечатлительнымъ и имѣлъ склонность къ религіозной мечтательности. Аравійская пустыня, въ которой онъ пасъ стада дяди своего, особенно величественное небо во время ночи, когда ему приходилось двигаться по пустынѣ съ караваномъ дяди, а потомъ съ караванами богатой вдовы Хадиджи, усиливали и поддерживали въ душѣ „вѣрнаго“ и цѣломудреннаго юноши господствующее религіозно-мечтательное настроеніе. Кому случалось проводить ночь съ караваномъ подъ открытымъ небомъ въ средней Азіи, тотъ пойметъ, какое сильное впечатлѣніе производитъ на мечтательнаго и религіознаго человѣка такая ночь: при полной тишинѣ и полумракѣ, окружающемъ васъ, вверху искрится многочисленными яркими звѣздами необъятный и необыкновенно чистый темноголубой небосклонъ, который какъ бы спускается надъ вашей головой; вы хотите проникнуть взоромъ сквозь этотъ необыкновенный покровъ и видите таинственное мерцаніе много-

численныхъ огоньковъ, которые не пугаютъ, а скорѣе ласкаютъ вашъ взоръ своимъ тихимъ свѣтомъ; ваша мысль уходитъ въ безпредѣльную даль за этими огоньками; вы забываете о землѣ и ваше чувство невольно настраивается на религіозный ладъ. Въ тишинѣ такой очаровательной ночи, подъ величественнымъ небеснымъ покровомъ и при тепломъ воздухѣ забываются житейскія заботы и горести и вамъ становятся понятными высоко-поэтическія, вдохновенныя слова псалмопѣвца: „Къ Тебѣ воздвигаю очи мои, Живущій въ небесахъ! Ты дивно великъ, Ты облеченъ величіемъ и благолѣпіемъ! Ты простеръ надъ нами небо, какъ коверъ. Ты покрылъ землю бездною, какъ одѣяніемъ... Подымаются горы, нисходятъ долины въ то мѣсто, которое Ты назначилъ имъ... Какъ многочисленны дѣла Твои, Господи: все премудро сотворилъ Ты! Твое небо и Твоя земля! Небеса проповѣдаютъ славу Божію, и о дѣлахъ Его возвѣщаетъ твердь“... И чѣмъ бѣднѣе, чѣмъ свободнѣе человѣкъ отъ житейскихъ заботъ, тѣмъ чаще и продолжительнѣе онъ можетъ предаваться такимъ возвышеннымъ мыслямъ въ тиши теплой лѣтней ночи въ Азіатской пустынѣ...

Господствующее настроеніе Мухаммеда было поддержано въ немъ случайными встрѣчами его съ христіанами и іудеями, которые заронили въ его душу мысль о ложности вѣры его соотечественниковъ, и онъ сталъ размышлять, подобно нѣкоторымъ своимъ современникамъ—арабамъ, объ истинной вѣрѣ въ Бога единаго, сотворившаго небо и землю и вся, яже въ нихъ. Въ то же время, подъ вліяніемъ мессіанской идеи іудеевъ, онъ думалъ и о проповѣдникѣ, который долженъ былъ возвѣстить арабамъ древнюю вѣру Авраама, родоначальника арабовъ. Такимъ размышленіемъ Мухаммедъ продолжалъ предаваться и послѣ того, какъ женился на Хадиджѣ, особенно въ мѣсяцъ Рамазанъ, когда онъ, по обычаю арабовъ, проводилъ время въ воздержаніи въ пещерѣ Хира, близъ Мекки. Такъ продолжалась жизнь Мухаммеда до 40 лѣтъ, когда онъ,

по мусульманскому сказанію, увидѣлъ ангела, говорившаго ему:

„Читай во имя Господа Твоего, Который создаетъ...
„Создаетъ человѣка изъ *сгустившейся крови*;
„Всеблагій Господь твой, Который далъ познаніе о письменности,
„Даетъ человѣку знаніе о томъ, о чемъ у него не было знанія“....

Послѣ долгихъ колебаній и сомнѣній Мухаммедъ принялъ это видѣніе за небесное призваніе его къ проповѣднической дѣятельности и объявилъ себя пророкомъ арабовъ. Затѣмъ, въ постоянной борьбѣ за свое ученіе и жизнь свою, онъ въ продолженіе двадцати лѣтъ (612 — 632) проповѣдывалъ арабамъ новую вѣру — исламъ, составляющую содержаніе Корана.—Въ идею единства Божія, составляющую основу ученія Корана. Мухаммедъ вѣровалъ всею силою своей восторженной души, и подкрѣплялъ это вѣрованіе своеобразною, болѣе поэтическою, чѣмъ метафизическою логикой, и съ такимъ духовнымъ оружіемъ робко выступилъ онъ противъ своихъ язычествующихъ соотечественниковъ. Сильная оппозиція принуждала его прибѣгать къ разнымъ доказательствамъ своего новаго ученія, отъ чего зависитъ одинъ изъ отличительныхъ признаковъ стиля Корана. Въ первыхъ, по времени появленія, главахъ Корана замѣчается постоянное безпокойство за успѣхъ новаго ученія вмѣстѣ съ усиліемъ защитить его отъ возраженій противниковъ и оправдать личныя притязанія свои на роль пророка. Неувѣренный въ подробностяхъ своихъ историческихъ разсказовъ, Мухаммедъ предупреждаетъ возраженія слушателей, успокоиваясь на благочестивыхъ восклицаніяхъ: Богъ премудръ, Богъ лучше знаетъ, Богъ правосуденъ, Богъ знаетъ и видитъ все! Въ этомъ заключается своеобразная прелесть Корана и въ тоже время недостатокъ въ сравненіи съ Библіей, гдѣ нѣтъ этого безпокойства, этой предупредительности въ отношеніи слушателей,

какая замѣчается въ Коранѣ; Мухаммедъ часто представляется резонеромъ, а не спокойнымъ проповѣдникомъ новаго ученія; болѣе поэтъ, чѣмъ философъ, онъ колебался въ частностяхъ своего ученія. но не забывалъ двухъ главныхъ положеній, что Богъ одинъ и Мухаммедъ—Его посланникъ. Убѣжденіе и одушевленіе своей идеей помогли ему устоять противъ многихъ соблазновъ, хотя эти соблазны иногда подавляющимъ образомъ дѣйствовали на его слабую волю. Съ перваго и до послѣдняго дня своей проповѣднической и реформаторской дѣятельности Мухаммедъ упорно отстаивалъ главныя тезисы своего ученія, а поэтическое одушевленіе поддерживало его уступчивую волю. Какъ и всегда бываетъ съ людьми, посвятившими себя служенію высокой идеѣ, Мухаммедъ съ замѣчательнымъ постоянствомъ преслѣдовалъ свою цѣль и былъ пылкимъ энтузіастомъ; считая свои убѣжденія за высшую, божественную истину, онъ сражался за нее не только какъ воинъ, но и какъ проповѣдникъ, выдававшій себя за посланника Божія, вдохновленнаго Самимъ Богомъ на эту борьбу съ людьми и убѣжденіями своего вѣка. Поэтому-то онъ и является въ исторіи религіознымъ и самоотверженнымъ, хотя безъ истиннаго героизма. Древніе библейскіе пророки безбоязненно смотрѣли въ глаза смерти, а Божественный Основатель христіанства Самъ понесъ крестъ, на которомъ Его должны были распять; напротивъ Мухаммедъ укрывался въ пещерѣ и подъ покровомъ ночи совсѣмъ убѣжалъ изъ отечественнаго города въ Медину, въ 622 году по Р. Хр.

Обладая увлекающеюся, поэтическою натурою, онъ былъ симпатиченъ въ обращеніи съ людьми всякаго рода; пожимая каждому встрѣчному руки, онъ никогда первый не вынималъ своихъ рукъ изъ рукъ другого; въ разговорѣ съ другими онъ никогда первый не начиналъ рѣчи и не прерывалъ другихъ. Онъ былъ ласковъ и довѣрчивъ, доступенъ каждому, общителенъ.

Нѣкоторыя страсти запятнали его характеръ [1]), но въ общемъ онъ былъ для своихъ соотечественниковъ симпатичнымъ арабомъ: онъ былъ благороденъ, кротокъ, доброжелателенъ, безкорыстенъ и набоженъ [2]).

Вслѣдствіе доступности характера своего, Мухаммедъ болѣе чѣмъ кто другой подчинялся вліянію окружающихъ его людей и обстоятельствъ. Обладая способностью быстро перенимать чужія мысли и взгляды, будучи, какъ говоритъ Шпренгеръ, геніальнымъ до уродливости, Мухаммедъ невольно отражалъ на себѣ добродушіе Абу-Бекра и суровость Омара. Подъ вліяніемъ постороннихъ внушеній, Мухаммедъ укрѣплялъ въ себѣ идеалъ пророка и поддерживалъ самообольщеніе мнимыхъ видѣній ангела. Съ главнымъ ученіемъ о единствѣ Божіемъ и своемъ пророческомъ достоинствѣ по преимуществу, онъ соединялъ частныя мысли и чувства, иногда даже прямо въ ущербъ своему нравственному авторитету, какъ это подтверждаетъ странное оправданіе его сладострастія. Когда ему пришлось защищать свою нравственность противъ обвиненія въ неумѣренномъ женолюбіи, онъ не усомнился сказать въ Коранѣ, что Самъ Богъ почтилъ Своего послѣдняго и величайшаго посланника исключительнымъ преимуществомъ въ отношеніи права на многоженство [3]). Съ одной стороны привычка къ оборонительному положенію и убѣжденіе въ правотѣ своей миссіи, а съ другой внѣшній успѣхъ первыхъ побѣдъ надъ упрямыми мекканцами выработали въ немъ воинственный духъ, столь сродный арабамъ, который поддерживали въ немъ гордый Омаръ, добродушный Абу-Бекръ и могучій пылкій рыцарь Алій. Родственныя связи съ

---

[1]) См. ст. «Нравственный характеръ Мухаммеда», С. А. С. (Правосл. Собесѣд. 1887 г.) и ст. Смирнова «Мухаммедъ въ фактахъ жизни и въ словахъ Корана» (Правосл. Собесѣд. 1891 г.).

[2]) См. Коранъ въ разныхъ главахъ по указателю Г. Саблукова.

[3]) Коранъ, гл. 33, ст. 49—53.

двумя послѣдними усиливали въ Мухаммедѣ самоувѣренность, которая приводила его иногда къ мѣрамъ крайнимъ и жестокимъ. Такія рѣзкія противорѣчія простоты и мягкости съ одной стороны и величавой требовательности, соединенной съ хладнокровной жестокостью легко объясняются изъ общихъ свойствъ характера арабовъ [1]).

Какъ семитъ по рожденію, онъ въ своей дѣятельности охотно подражалъ характеру Моисея, придерживался его ученія болѣе, чѣмъ ученія евангельскаго, и ввелъ въ Коранъ разныя постановленія о семейной и общественной жизни арабовъ, согласныя съ закономъ Моисея [2]). Успѣхъ его законодательной дѣятельности постоянно укрѣплялъ въ немъ личную самоувѣренность, и подъ конецъ жизни своей онъ посылалъ пословъ въ Персію и въ Грецію съ предложеніемъ признать его пророкомъ Божіимъ и добровольно покориться его волѣ. Но представляя себя духовнымъ и свѣтскимъ главою новаго религіознаго арабскаго союза, Мухаммедъ и въ этомъ случаѣ оставилъ въ Коранѣ ясные слѣды своего арабскаго происхожденія и личнаго своего прошлаго. Ученіе о рабствѣ, о бѣдныхъ, сиротахъ, вдовицахъ, плѣнныхъ и т. д. сложилось въ головѣ его подъ вліяніемъ обстоятельствъ его жизни. Рабы составляли довольно значительный классъ въ Меккѣ; изъ нихъ были первые послѣдователи ислама, и онъ на примѣрѣ раба Зяйда показалъ арабамъ, какъ нужно относиться къ рабамъ. Испытанныя имъ самимъ бѣдность и сиротство напоминали Мухаммеду и о многихъ другихъ бѣднякахъ и сиротахъ Аравіи и содѣйствовали установленію болѣе гуманнаго взгляда на этихъ несчастныхъ жертвъ судьбы. Примѣръ матери — вдовы, конечно, не прошелъ безслѣдно въ сердцѣ Мухаммеда,

---

[1]) См. гл. о характерѣ древнихъ арабовъ.

[2]) См. соч. А. Свѣтлакова «Исторія іудейства въ Аравіи и вліяніе его на ученіе Корана» (Казань, 1875 г.).

любившаго свою мать, когда онъ говорилъ о положеніи вдовъ и объ отношеніяхъ къ нимъ. Существованіе собственныхъ своихъ дочерей не могло не повліять на обнародованный въ Коранѣ законъ о сохраненіи дочерямъ жизни. Наконецъ многочисленныя распри его со своими женами яснѣе всего отразились въ законодательствѣ Корана о бракѣ и разводѣ.

Собственно догматическое ученіе Корана обязано было съ одной стороны вліянію евіонизма, родственнаго арабами, а съ другой—разнымъ случайнымъ обстоятельствамъ, такъ или иначе направлявшимъ мысли проповѣдника Корана. Мухаммедъ не былъ религіознымъ мыслителемъ въ нашемъ смыслѣ слова; научныхъ знаній онъ не имѣлъ, даже не умѣлъ читать [1]) и потому всегда говорилъ о догматическихъ вопросахъ или языкомъ поэта или языкомъ профана. Русскій неграмотный простолюдинъ равняется съ Мухаммедомъ въ богословствованіи, когда идетъ рѣчь у перваго о громѣ, у втораго о падающихъ звѣздахъ. Еще ближе они сойдутся въ своихъ воззрѣніяхъ на устройство неба и земли, на мѣстонахожденіе рая и ада, на діаволовъ и ихъ дѣятельность въ горящемъ пламени по отношенію къ грѣшникамъ. Въ то же время Мухаммедъ находился подъ могущественнымъ вліяніемъ своего вѣка, ибо имѣлъ своихъ предшественниковъ и, самъ не сознавая того, подчинялся ихъ идеямъ, которымъ придалъ болѣе опредѣленное направленіе и силу. Почва для дѣятельности Мухаммеда была подготовлена предшественниками его, которые пытались проводить въ массу своихъ соотечественниковъ извѣстный религіозно-нравственный идеалъ; Мухаммедъ былъ охваченъ начавшимся въ Аравіи религіознымъ движеніемъ, держался направленія этого потока, но позволялъ себѣ иногда и нѣкоторыя уклоненія въ сторону, смотря по требованіямъ обстоятельствъ.

---

[1]) См. ст. Вейля «Умѣлъ ли Мухаммедъ читать и писать?» Рус. пер. въ Правосл. Собесѣд. 1884 г. и собственное признаніе его въ Коранѣ (гл. 29, ст. 47; гл. 7, ст. 156 и 158).

Ученіе о единомъ Богѣ, о безсмертіи души, о раѣ и адѣ и особенно объ ожидаемомъ Мессіи, всѣ эти ученія во время Мухаммеда были извѣстны въ Аравіи. Не удовлетворяясь современнымъ состояніемъ языческой религіи, лучшіе арабы искали истинной вѣры въ Бога, но встрѣчались съ разными противорѣчивыми ученіями и потому естественно задавали себѣ вопросъ: какая изъ существующихъ формъ религіи самая совершенная, которая дала бы успокоеніе ихъ религіозному чувству. Вопросъ былъ очень трудный, потому что въ то время въ Аравіи было нѣсколько религій и религіозныхъ сектъ, и каждая выдавала свое ученіе за истину [1]). Вслѣдствіе этого искателямъ истины приходилось жить особнякомъ. Они живо помнили преданіе, что Авраамъ былъ одинаково праотцемъ для христіанъ, іудеевъ и арабовъ, помнили какъ онъ боролся съ идолопоклонствомъ своего отца и вынужденъ былъ оставить родительскій кровъ. Въ положеніи Авраама можно было находить черты соотвѣтственныя современному Мухаммеду состоянію Аравіи. И вотъ четыре передовыхъ араба рѣшились оставить свое отечество и странствовать съ цѣлію найти истину. Они приходили къ убѣжденію, что въ ихъ время необходимо долженъ явиться особый избранникъ Божій, который бы научилъ арабовъ истинной вѣрѣ [2]).

Такимъ образомъ три рода причинъ, или вліяній, нужно имѣть въ виду при разборѣ ученія Корана. Прежде всего необходимо указать, что̀ въ извѣстномъ ученіи можетъ быть объяснено природнымъ предрасположеніемъ Мухаммеда, какъ семита; затѣмъ нужно опредѣлить, какія внѣшнія обстоятельства поддерживали эти предрасположенія и, наконецъ, какое отношеніе къ себѣ встрѣчалъ Мухаммедъ въ обществѣ, которому

---

[1]) Іудейство, христіанство, сабеизмъ, магизмъ и мѣстное язычество. См. Коранъ, гл. 22, ст. 17; ср. гл. 2, ст. 59; гл. 5, ст. 73.

[2]) См. конецъ главы о религіозныхъ ученіяхъ въ Аравіи.

онъ проповѣдывалъ свое ученіе. Смотря по тому, сколь значительны были эти вліянія и дѣйствовали ли всѣ эти вліянія въ одномъ направленіи, или же они другъ другу противодѣйствовали, — можно опредѣлить, отъ чего зависѣло безсиліе или успѣхъ Мухаммеда въ извѣстномъ случаѣ. Вмѣстѣ съ этимъ нужно представлять современную Мухаммеду Аравію и указывать, въ какомъ отношеніи новое ученіе находилось къ жизни арабскаго народа. Древняя языческая религія арабовъ, семейная и общественная жизнь ихъ должны были извѣстнымъ образомъ измѣниться подъ вліяніемъ ученія Корана. Религія арабовъ естественно должна была измѣниться, когда Мухаммедъ внесъ въ міровоззрѣніе арабовъ новые взгляды на Бога и на человѣка; семейная и общественная жизнь ихъ также должна была измѣниться, такъ какъ Мухаммедъ и въ этой сферѣ подрывалъ своимъ ученіемъ прежніе порядки и вводилъ новые. Подъ вліяніемъ Корана измѣнились и литературныя произведенія арабовъ, получившія почти исключительно религіозное направленіе, такъ какъ арабскіе авторы стали поддѣлываться подъ основной характеръ Корана. Коранъ, изложенный поэтической прозой, далъ начало новому періоду—прозаической литературы арабовъ, а затѣмъ вліяніе его отразилось и на литературахъ другихъ народовъ, которые должны были принять исламъ. Далѣе, въ эпоху появленія Корана арабы начинали сознавать идею политическаго единства, и мы видимъ въ Коранѣ самое рѣзкое проявленіе этого сознанія соотечественниковъ Мухаммеда: ученіе о вѣрующихъ братьяхъ и невѣрующихъ врагахъ ислама сильно развито въ Коранѣ и породило особый взглядъ мусульманъ на всѣхъ инородцевъ, воспитало и воспитываетъ въ мусульманахъ всѣхъ странъ и временъ религіозную нетерпимость, проявляющуюся во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ по отношенію къ иновѣрцамъ.

Въ эпоху появленія Корана въ Аравіи не было науки, что также отразилось прежде всего на Коранѣ, въ которомъ нѣтъ научныхъ обобщеній, заслуживаю-

щихъ такого названія, и усилія Ахунда Баязитова доказать противное отзываются или наивностью автора, или умышленностью, разсчитанною на легковѣріе читателей [1]) Коранъ способствовалъ усыпленію мысли и чувства, когда утверждалъ, что въ немъ объяснены для арабовъ всѣ тайны, и вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствовалъ ложному литературному вкусу своихъ послѣдователей. Выдавая себя за полный источникъ *всякаго* знанія [2]), Коранъ породилъ самодовольство въ послѣдователяхъ ислама, которое всегда и вездѣ было самою сильною помѣхою въ развитіи знанія. Что бы ни говорили объ истребленіи Омаромъ знаменитой Александрійской библіотеки, во всякомъ случаѣ фактъ этотъ не стоитъ въ противорѣчіи съ духомъ мусульманства, если принять во вниманіе фанатизмъ мусульманъ по отношенію къ иновѣрцамъ, ихъ наукѣ, искусству и проч., что доказано исторіей: увлеченіе нѣкоторыхъ халифовъ науками было не въ духѣ Корана и потому скоро прошло [3]).

Въ Коранѣ изложены разнообразныя религіозно-нравственныя предписанія, и всѣ они возникали въ головѣ Мухаммеда не случайно, а подъ вліяніемъ современныхъ ему обстоятельствъ, хотя при всемъ этомъ у него было одно общее предрасположеніе, которое налагало свою печать на его мысли, чувства и дѣйствія.

Если такимъ образомъ смотрѣть на ученіе Корана, если каждой частной мысли Корана подыскивать со-

---

[1]) См. брошюру: «Отношенія ислама къ наукѣ и къ иновѣрцамъ (С.-Петербургъ, 1887 г.). Нѣсколько замѣчаній объ этой брошюрѣ можно встрѣтить въ кн. «Историческое и современное значеніе христіанскаго миссіонерства» (Казань, 1894 г), гл. IV.

[2]) Гл. 6, ст. 38 и 59; гл. 12, ст. 111; гл. 16, ст. 91.

[3]) Ренанъ въ своей послѣдней академической рѣчи «Объ отношеніи ислама къ наукѣ» отлично разъяснилъ вѣковой споръ о заслугахъ ислама въ исторіи общечеловѣческой образованности.

отвѣтственное основаніе; тогда въ Коранѣ можно будетъ читать до нѣкоторой степени психологію Мухаммеда, психологію аравитянъ. И чѣмъ болѣе находится въ Коранѣ данныхъ для воспроизведенія этой психологіи, тѣмъ бо́льшее значеніе будетъ пріобрѣтать для исторіи Коранъ, тѣмъ яснѣе будетъ представляться изложенная въ Коранѣ религіозно-нравственная система. Коранъ тѣмъ и отличается отъ современныхъ кодексовъ нравственныхъ и гражданскихъ предписаній, что въ немъ различныя положенія излагаются не въ общихъ чертахъ, а съ разнообразными оттѣнками личнаго чувства, руководившаго Мухаммедомъ при обнародованіи своихъ предписаній. Коранъ поэтому есть не просто кодексъ религіозныхъ предписаній и не просто историческій документъ, но памятникъ литературный, потому что въ немъ отражается характеръ самого Мухаммеда и современной ему Аравіи. Въ этомъ кодексѣ всѣ предписанія жизненны, взяты съ натуры и высказаны съ чувствомъ, языкомъ восторженнаго проповѣдника. А эти-то послѣднія качества и приближаютъ Коранъ къ литературнымъ памятникамъ, отличительное свойство которыхъ состоитъ въ выраженіи чувства. Въ Коранѣ, какъ и въ другихъ историко-литературныхъ памятникахъ, замѣтно отражается прежде всего личный умственный и нравственный характеръ автора, а затѣмъ вліяніе іудейства, христіанства и арабскаго язычества, съ которыми въ различное время приходилъ въ ближайшее соприкосновеніе авторъ Корана, подъ вліяніемъ которыхъ онъ былъ воспитанъ, жилъ и дѣйствовалъ...

На основаніи ученыхъ изслѣдованій европейскихъ оріенталистовъ, въ Россіи также писали о личности основателя ислама [1]). Послѣднимъ литературнымъ про-

---

[1]) Безспорная заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ Казанской Духовной Академіи: изданныя ея профессорами и студентами сочиненія объ Исламѣ являются первыми попытками разработки этого сложнаго историческаго вопроса, а богословскій ха-

изведеніемъ этого рода является краткій очеркъ жизни и дѣятельности Мухаммеда, составленный извѣстнымъ нашимъ писателемъ Вс. С. Соловьевымъ [1]). Почтенный авторъ, на стр. 15, ставитъ серьезный вопросъ: *имѣлъ ли Мухаммедъ дѣйствительно ту миссію, которую присваивалъ себѣ?* Вопросъ этотъ чисто богословскій, и Мухаммедъ самъ смотрѣлъ на этотъ вопросъ именно съ богословской точки зрѣнія, когда увѣрялъ своихъ слушателей, что онъ былъ посланъ Богомъ проповѣдывать истину Божію не только людямъ, но и духамъ [2]), что онъ не только подобенъ прежде его бывшимъ ветхозавѣтнымъ пророкамъ, но превосходитъ всѣхъ ихъ и заключаетъ собою рядъ пророковъ, что онъ—*печать пророковъ* [3]). Г. Соловьевъ, поставивъ приведенный вопросъ въ смыслѣ кораническомъ, въ отвѣтѣ своемъ становится на другую, именно на общеисторическую, точку зрѣнія, и говоритъ: „Если видѣть во всемірной исторіи дѣло случая, результатъ внѣшняго механическаго сцѣпленія мелкихъ фактовъ, тогда конечно Мухаммедъ не имѣлъ никакой миссіи, но единственно только потому, что съ этой точки зрѣнія вообще никто никакой миссіи имѣть не можетъ. Если же признавать въ исторіи внутренній смыслъ и цѣлесообраз-

---

рактеръ этихъ сочиненій, обусловленный характеромъ школы и спеціальною (миссіонерскою) цѣлію, въ значительной степени оправдывается основнымъ характеромъ ислама, какъ системы религіозной, и положеніемъ крещеныхъ инородцевъ Россіи, находящихся подъ вліяніемъ ислама.

[1]) Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова. Магометъ. Его жизнь и религіозное ученіе. Очеркъ Вл. С. Соловьева. С.-Петербургъ. 1896 г. Съ изображеніемъ Магомета. Стр. 1—79. Нужно однако замѣтить, что этотъ очеркъ, при своемъ общемъ направленіи, не только не даетъ ничего новаго сравнительно съ ст. Ренана «Магометъ и происхожденіе ислама» въ изданіи В. В. Чуйко (Европейскіе писатели и мыслители), но и уступаетъ послѣднему во всѣхъ отношеніяхъ.

[2]) Коранъ, гл. 46, ст. 28; гл. 72, ст. 1—15.

[3]) Коранъ, гл. 33, ст. 40.

ность, тогда безъ сомнѣнія такое огромное міровое дѣло, какъ „созданіе Ислама и основаніе мусульманской культуры“, должно имѣть провиденціальное значеніе, и миссія Мухаммеда не можетъ быть отнята у него, а способъ, какимъ онъ, по собственному своему свидѣтельству, получилъ ее, совершенно согласуется съ психологическимъ опытомъ и историческими аналогіями.

Чтобы получить историческую миссію въ какомъ-нибудь дѣлѣ, необходимо прежде всего имѣть прирожденное дарованіе или особенную способность именно къ этому дѣлу. Хотя религія назначается для всѣхъ, но не чрезъ всякаго религіозныя идеи открываются и вводятся въ сознаніе и жизнь человѣчества. Для дѣятельной роли въ религіозной исторіи такъ же необходимо призваніе, вдохновеніе, геній, какъ и для того, чтобы совершить что-нибудь великое въ области науки, искусства, политики. У Мухаммеда несомнѣнно былъ спеціальный религіозный геній. Если бы мы никогда не читали Корана и не знали, что Мухаммедъ связалъ прочнымъ религіознымъ единствомъ добрую треть историческаго человѣчества, то его признаніе, что при сильно развитой чувствительности онъ всегда находилъ настоящее наслажденіе только въ молитвѣ, было-бы совершенно достаточно, чтобы мы сказали: вотъ человѣкъ геніальный въ области религіи. Эта религіозная геніальность была производящей причиной ислама, ибо, благодаря ей, Мухаммедъ *не могъ* удовлетвориться старой религіей своихъ соплеменниковъ и *могъ* дать имъ новую. Разумѣется, одной этой производящей причины самой по себѣ недостаточно; конечно, религіозной геній Мухаммеда хотя проявился бы какъ-нибудь при всякихъ обстоятельствахъ, но для того, чтобы онъ произвелъ именно *это* дѣйствіе (созданіе Ислама) необходимо было *стеченіе* многихъ независимыхъ отъ него опредѣляющихъ условій и факторовъ,—въ чемъ именно и состоитъ провиденціальный характеръ историческаго дѣла“.

Въ такомъ случаѣ мы должны будемъ признать за каждой религіозной системой провиденціальное значеніе и за каждымъ расколоучителемъ—миссію небеснаго посланника, тѣмъ болѣе что многіе изъ нихъ пожертвовали даже своею жизнью за свои религіозныя убѣжденія. Числомъ исповѣдниковъ ислама также нельзя измѣрять внутреннюю его состоятельность, такъ какъ большее или меньшее распространеніе каждой религіи зависитъ не отъ однихъ свойствъ проповѣдуемаго ученія, но и отъ времени ея появленія, отъ мѣстныхъ условій, отъ личнаго характера и частныхъ обстоятельствъ въ жизни проповѣдника новаго ученія. Дальнѣйшая судьба новой религіи еще болѣе зависитъ отъ разныхъ историческихъ условій, иногда очень мало имѣющихъ связи съ самимъ ученіемъ. И это особенно оправдалось на исторіи распространенія ислама [1]). Что же касается внутренней связующей силы ислама, то прочнымъ религіознымъ единствомъ связана *далеко не добрая треть историческаго человѣчества* [2]), такъ какъ исповѣдники этой новой религіи въ началѣ мусульманской эры и послѣ до настоящаго времени вербовались главнымъ образомъ среди некультурныхъ народовъ, чаще всего среди кочевыхъ и бродячихъ племенъ Азіи и Африки. Не нужно забывать, что исламъ есть прежде всего религія арабовъ—измаелитовъ, *руки которыхъ простирались на всѣхъ*, какъ сказано въ Библіи о праотцѣ ихъ Измаилѣ. И до настоящаго времени въ числѣ разныхъ народовъ, принявшихъ исламъ, есть такіе, которые (не исключая арабовъ) *простираютъ свои руки на всѣхъ*: авганцы, курды, африканскіе махдисты и др. Вопреки мнѣнію многихъ, религія измаелитовъ распространялась вездѣ путемъ вооруженнаго насилія,

---

[1]) См. Хаури „*Исламъ*“. Перев. П. Хомутова. Ташкентъ, 1893 г., гл. X. Священная война и войско.

[2]) Все населеніе земного шара исчисляется въ 1.500 милліоновъ, а исповѣдниковъ ислама въ Азіи и Африкѣ насчитывается не болѣе 150 милліоновъ.

при чемъ непокорные часто жестоко истреблялись [1]). Осѣдлые туземцы средней Азіи были обращены въ исламъ также вооруженной рукой, какъ объ этомъ можно читать въ исторіи Бухары, а кочевники, хотя и подчинялись вліянію осѣдлыхъ мусульманъ, но до сихъ поръ еще не скрѣплены съ ними прочнымъ религіознымъ единствомъ. Съ другой стороны необходимо имѣть въ виду, что исламъ по своему существу, какъ религія бедуиновъ, болѣе подходитъ къ быту азіатскихъ и африканскихъ народовъ, чѣмъ религія христіанская съ ея возвышеннымъ богословіемъ и сложнымъ богослужебнымъ чиномъ. Достаточно сказать, что исламъ даже въ наше время обходится въ Среднеазіатскихъ степяхъ безъ храмовъ, безъ священныхъ принадлежностей и безъ священныхъ лицъ. Роскошныя произведенія искусства остаются чуждыми имъ и недоступными вслѣдствіе ихъ матеріальной бѣдности. Роскошная отдѣлка немногихъ мусульманскихъ мечетей въ Каирѣ и Стамбулѣ не опровергаетъ высказаннаго положенія.

Не останавливаясь на критикѣ мнѣнія о искренности Мухаммеда, доказываемой у г. Соловьева (стр. 75—77) завѣреніемъ, что политика Мухаммеда была всегда религіозна [2]), а религія съ самаго начала имѣла политическую задачу, замѣтимъ, что основной недостатокъ ислама и заключается въ соединеніи политики съ религіей... Всѣмъ извѣстно, что Мухаммедъ объединилъ арабовъ, сдѣлалъ ихъ братьями по вѣрѣ [3]), но онъ же внушалъ имъ быть *жестокими* по отноше-

---

[1]) Въ дополненіе къ сообщеннымъ фактамъ этого рода, указываемъ на избіеніе 50.000 индусовъ знаменитымъ Махмудомъ Газневейскимъ при взятіи одного города въ Индіи. Этотъ «герой ислама» въ началѣ XI столѣтія нашей эры сдѣлалъ до 17 походовъ, чтобы водворить исламъ въ Индіи.. (Мюллеръ, Исторія ислама. Т. 3, стр. 63 и слѣд.).

[2]) Ренанъ думаетъ иначе (см. его очеркъ), Шпренгеръ также.

[3]) Коранъ, гд. 3, ст. 98—99.

нію къ иновѣрцамъ [1]), заповѣдалъ своимъ послѣдователямъ свящ. войну съ послѣдними; онъ отвлекъ арабовъ отъ многобожія, но внушилъ имъ горделивое сознаніе, что они—лучшій народъ въ мірѣ [2]) и что съ іудеями и христіанами арабы не должны ни дружить, ни имѣть никакихъ сношеній. Такая исключительная нетерпимость не можетъ содѣйствовать цивилизаціи полудикарей. Никто не отрицаетъ, что Мухаммедъ предписалъ въ Коранѣ много хорошихъ нравственныхъ правилъ... нельзя не согласиться также съ авторомъ, что исламъ „своими общедоступными догматами и удобоисполнимыми заповѣдями питаетъ народы, призванные къ историческому дѣйствію, но еще не доросшіе до высшихъ идеаловъ человѣчества"; Но трудно помириться съ тѣмъ взглядомъ г. Соловьева на исламъ, что эта религія представляется „переходною ступенью отъ языческаго натурализма къ истинной универсальной культурѣ, школою спиритуализма и теизма въ доступной этимъ народамъ начальной педагогической формѣ". Авторъ справедливо замѣчаетъ: „Основная ограниченность въ міросозерцаніи Мухаммеда и въ основанной имъ религіи—это отсутствіе идеала человѣческаго *совершенства* или совершеннаго соединенія человѣка съ Богомъ,—идеала истинной богочеловѣчности. Мусульманство требуетъ отъ вѣрующаго не безконечнаго совершенствованія, а только акта безусловной преданности Богу. Конечно, и съ христіанской точки зрѣнія безъ такого акта невозможно достиженіе совершенства для человѣка; но самъ по себѣ этотъ актъ преданности еще не составляетъ совершенства. Между тѣмъ вѣра Мухаммедова ставитъ первое *условіе* истинной духовной жизни на мѣсто самой этой жизни. Исламъ не говоритъ людямъ: будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный, т. е. совершенны *во всемъ*; онъ тре-

---

[1]) Коранъ, гл. 48, ст. 29.

[2]) Коранъ, гл. 3, ст. 100; ср. гл. 19, ст. 74 и слѣд.

буетъ отъ нихъ только общаго подчиненія себя Богу и соблюденія въ своей натуральной жизни тѣхъ внѣшнихъ предѣловъ, которые установлены божественными заповѣдями. Религія остается только неизмѣнной основой и неподвижной рамкой человѣческаго существованія, а не его внутреннимъ содержаніемъ, смысломъ и цѣлью.

„Если нѣтъ совершеннаго идеала, который человѣкъ и человѣчество должны осуществлять въ своей жизни своими силами, то, значитъ,—продолжаетъ авторъ—нѣтъ для этихъ силъ никакой опредѣленной задачи, а если нѣтъ задачи или цѣли для достиженія, то не можетъ быть движенія впередъ. Вотъ истинная причина, почему идея прогресса, какъ и самый фактъ его, остаются чужды магометанскимъ народамъ. Ихъ культура сохраняетъ чисто мѣстный спеціальный характеръ и быстро отцвѣтаетъ безъ преемственнаго развитія. Міръ ислама не породилъ универсальныхъ геніевъ, онъ не далъ и не могъ дать человѣчеству „вождей на пути къ совершенству“. Тѣмъ не менѣе религія Мухаммеда еще имѣетъ будущность; она еще будетъ, если не развиваться, то распространяться. Постоянные успѣхи ислама среди народовъ мало воспріимчивыхъ къ христіанству—въ Индіи, Китаѣ, Средней Африкѣ,—показываютъ, что духовное молоко Корана еще нужно для человѣчества“.

Возможно,—скажемъ и мы,—что исламъ будетъ еще распространяться среди полудикихъ народовъ, но необходимость *духовнаго молока Корана для человѣчества* положительно должна быть отвергнута уже потому, что отъ ислама, какъ религіи фаталистической и проповѣдующей войну, нѣтъ перехода къ мирному христіанству съ его идеаломъ безконечнаго совершенства, къ религіи гонимыхъ, плачущихъ и смиренныхъ сердцемъ.

Изъ Редакціи журнала Православный Собесѣдникъ и отъ авторовъ можно выписывать слѣд. изданія:

По миссіонерскимъ предметамъ.

Ѳеофилакта, архіеп. болгарскаго: **Благовѣстникъ, или толкованіе на св. евангелія.** 1874—1875 гг. За всѣ четыре тома цѣна 7 руб. 50 коп.

Просвѣтитель, или обличеніе ереси жидовствующихъ, препод. Іосифа Волоцкаго. Изданіе третье, напечатан. славянскимъ шрифтомъ. Цѣна 3 р. съ перес.

Сочиненія преподобнаго Максима грека (съ предисловіемъ), Три тома. 1859—1862. Цѣна за первый томъ (съ портретомъ преп. Максима) 2-е изд. 2 руб. 50 коп. за второй 1 руб. 50 коп., за третій 1 руб. За всѣ три тома 5 руб.

Стоглавъ (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1887. Цѣна 2 руб.

Книга о антихристѣ и о прочихъ дѣйствахъ иже при немъ быти хотящихъ. Изд. 2-е. 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Руководство по исторіи и обличенію старообрядческаго раскола, съ присовокупленіемъ свѣдѣній о сектахъ раціоналистическихъ и мистическихъ. Н. Ивановскаго. Часть первая. Исторія раскола. Казань. 1886 г. Цѣна 1 р. 20 коп. съ перес. Часть 2-я и 3-я. Обличеніе раскола. Цѣна 1 р. 20 коп. съ пересылкою.

Критическій разборъ ученія непріемлющихъ священства старообрядцевъ о церкви и таинствахъ. Его же. Изд. 2-е 1892. Ц. 1 р. 70 к.

Дѣятельность московскаго митрополита Филарета по отношенію къ расколу. В. Бѣликова. Казань 1896 г. Цѣна 3 р.

Миссіонерскій противомусульманскій сборникъ. Вып. 3, 6—8, 10—19. Ц. 22 р. 75 к.

Коранъ, перев. съ арабскаго Г. Саблукова. Ц. съ пер. 2 р. 50 к.

Приложенія къ переводу Корана. Вып. I. Ц. съ пер. 1 р. 50 к

Свѣдѣнія о Коранѣ. Его же. Ц. съ пер. 2 р. с.

Мухаммеданская космогонія. А. Архангельскаго. Ц. 1 р. 25 к.

Западныя миссіи противъ татаръ-язычниковъ и особенно противъ татаръ-мусульманъ. Н Красносельцева. 1872. Ц. 1 р.

Европейскіе христіане на мусульманскомъ востокѣ. М. Машанова. 89 г. Ц. 50 к.

Письма Н. И. Ильминскаго къ крещенымъ татарамъ. Казань. 1896 г. Цѣна 60 к.

Обзоръ дѣятельности Братства Св. Гурія за 25 лѣтъ его существованія. 1867—1892. Составилъ членъ и дѣлопроизводитель Совѣта Братства, проф. М. Машановъ. 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Матеріалы къ объясненію старой чувашской вѣры. Ц. съ перес. 1 р. 50 к.

Цѣна одинъ рубль пятьдесятъ копѣекъ.